

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

КАФЕДРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

ФИЛОСОФИЯ ДЛЯ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Учебное пособие

Под редакцией М.И. Панфиловой, С.И. Тягунова

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2023**

ББК 74.226.3

Ф56

Ф56 **Философия для будущих специалистов : учебное пособие / под ред. М.И. Панфиловой, С.И. Тягунова. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2023. – 129 с.**

ISBN 978-5-7310-6279-4

Учебное пособие ориентировано на изучение курса «Философия» и структурировано по тематическому принципу. С учетом специфики университета представлены различные исследовательские области философии. Издание может быть использовано для аудиторной и самостоятельной работы, способствуя углубленному изучению дисциплины.

Предназначено для студентов всех направлений подготовки и специальностей.

The textbook is focused on the study of the course “Philosophy” and is structured according to the thematic principle. Taking into account the specifics of the university, various research areas of philosophy are presented. The publication can be used for classroom and independent work, contributing to the in-depth study of the discipline.

The manual is intended for students of all areas of training and specialties.

ББК 74.226.3

Авторский коллектив: канд. филос. наук, доц. **Веричева К.В.** (гл. 3); д-р филос. наук, проф. **Гусева Е.А.** (гл. 1); канд. техн. наук, спец. **Гучинская О.Ф.** (гл. 1); канд. филос. наук, доц. **Ермилов К.А.** (гл. 2); канд. филос. наук, доц. **Маслобоева О.Д.** (гл. 6); канд. филос. наук, доц. **Панфилова М.И.** (гл. 5); канд. филос. наук, доц. **Рябов А.А.** (гл. 5); канд. филос. наук, доц. **Тягунов С.И.** (гл. 3); д-р филос. наук, проф. **Хомелев Г.В.** (гл. 2); асс. **Черных А.А.** (гл. 4)

Рецензенты: д-р пед. наук, проф. **Т.И. Евменова** (СПбГЭУ)
д-р филос. наук, проф. **Р.А. Хомелева** (ГУАП)

ISBN 978-5-7310-6279-4

© СПбГЭУ, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
Глава 1. ФИЛОСОФИЯ ЭКОНОМИКИ	5
Глава 2. ФИЛОСОФИЯ ПРАВА	28
Глава 3. ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА	48
Глава 4. ФИЛОСОФИЯ МЕДИА И РЕКЛАМЫ	69
Глава 5. ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ	89
Глава 6. МЕТОДОЛОГИЯ ПРОЕКТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ	108
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ	128
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	129

ПРЕДИСЛОВИЕ

Содержание курса философии универсально и не может быть адаптировано к тому или иному направлению подготовки в университете. Эта учебная дисциплина адресована не столько будущему профессионалу (экономисту, юристу, менеджеру, лингвисту и т.д.), сколько личности человека и призвана формировать его мировоззрение и культуру. Такие личностные качества, как способность мыслить и понимать, оценивать события с правовой, нравственной, эстетической позиции, строить отношения с людьми, работать над собой, востребованы в любой профессиональной деятельности, и не только профессиональной. История философии представляет собой настоящую школу критического мышления, продумывания мировоззренческих проблем и методов познания.

Тем не менее наше учебное пособие предназначено для будущих специалистов, и это стоит пояснить. Уже в античности начинается оформление основных разделов философского знания, которые со временем наполняются новым концептуальным содержанием и становятся самостоятельными философскими дисциплинами. У каждой из них своя предметная область, методология исследования, собственная история, связанная с развитием общества и культуры. В издании представлены учебные материалы по философии экономики, права, языка, медиа и рекламы (главы 1-4), предназначенные для студентов соответствующих направлений и специальностей, а также для всех заинтересованных читателей. Философия истории (глава 5) актуальна для осознания происходящих в современном мире цивилизационных и мировоззренческих трансформаций. Глава 6 посвящена методологии проективного мышления, которой должен владеть современный специалист с высшим образованием, а также гражданин, выстраивающий образы будущего.

Полноценные занятия философией невозможны без чтения первоисточников. В учебном пособии представлены фрагменты философских произведений выдающихся мыслителей прошлого и современности, предназначенные для самостоятельного анализа и комментирования. Контрольные вопросы к текстам обращают внимание на существенные моменты их содержания.

Глава 1. ФИЛОСОФИЯ ЭКОНОМИКИ

История послевоенной западной экономики характеризуется небывалым ростом исследований, значительная часть которых была связана с поисками методологии экономической науки. Острые дискуссии велись вокруг принципов исследования и построения экономических теорий. Ключом к пониманию этих споров в философии экономики является то, что начиная с 30-х гг. XX в. сдвиги в методологии экономического анализа происходили в неразрывной связи с изменениями в направлении исследований в современной философии науки.

Первое течение представляет собой так называемый мейнстрим или ортодоксальное направление (неоклассика, ортодоксальное кейнсианство, монетаризм). Представители данного течения (Т. Хатчинсон, Ф. Махлуп, П. Самуэльсон и др.) испытали влияние философско-методологических установок логического позитивизма К. Поппера. Основной принцип построения теории в рамках данного направления сводится к следующему: теория строится дедуктивным способом на базе самоочевидных или эмпирически подтвержденных исходных положений (гипотеза или общие законы), причем особое значение придается возможности четкого разграничения истинных и ложных научных положений.

Позитивистская традиция в философии экономики получила свое предельное выражение в работах Т. Хатчисона, провозгласившего «ультра-эмпиризм». Его главный тезис заключается в следующем: экономические исследования должны быть ограничены эмпирически проверяемыми положениями. Причем эмпирическую проверку должны пройти все (от исходных до окончательных) положения теории. Задачу экономической науки Хатчисон видел в эмпирическом анализе наблюдаемых фактов. Такой анализ, по его мнению, является единственным источником, позволяющим формировать правильные, реалистичные предпосылки для любой экономической теории.

Особое место в методологии экономических теорий занимает вопрос об оценке их истинности. Инструменталистскую концепцию М. Фридмена (теория как инструмент прогнозирования) принято считать методологической основой неоклассической экономической теории. Фридмен сформулировал принцип оценки истинности экономической теории – окончательный вердикт по поводу экономической теории должен выноситься в зависимости от ее способности предсказывать явления, для объяснения которых она создана.

Большое влияние на формирование методологических споров философии экономики оказала постпозитивистская дискуссия о проблеме фальсификации.

Однако в экономической науке противоречия между теорией и фактами никогда не носят абсолютного характера. Экономистам для того, чтобы отбросить какую-либо теорию, нужно гораздо больше фактов, чем, например, физикам. В экономике теория отвергается не просто под влиянием фактов, а только при наличии лучшей теории.

Критика логического эмпиризма П. Фейерабендом, Т. Куном, И. Лакатосом, предлагавшими концепцию некумулятивистского роста знания, нашла много приверженцев в экономической науке.

Представители методологического плюрализма (Б. Колдуэлл, Л. Болленд, Д. Макклоски) выступали против единой методологии экономической науки за свободу выбора метода исследования. В рамках новой методологии отрицается какой-либо универсальный критерий оценки теории. Не существует универсального, логически совершенного метода оценки теории. Рост знания не может быть описан как прямая линия, эволюция науки предстает как динамический процесс, допускающий как постоянство, так и изменчивость, как единодушие, так и резкую критику.

Сторонники плюрализма видят задачу методологии экономического знания в рациональной реконструкции как работ по методологии экономики, так и различных исследовательских программ в рамках экономической науки. Так, например, Б. Колдуэлл считал, что любое исследование с позиций методологического плюрализма должно начинаться с «рациональной реконструкции работ». Предмет методологии мыслится в выявлении, изучении и сравнении принципов, на которых базируются различные школы, с определением сильных и слабых сторон соответствующих теорий. Следующим шагом является критический анализ реконструированной модели, причем критика теории внутри исследовательской программы, к которой она принадлежит, выполненная в терминах данной программы, считается наиболее плодотворной и предпочтительной. Принято считать, что сильное воздействие «новая методология» оказала на неортодоксальное кейнсианство, в рамках которого наиболее последовательное выражение получила идея субъективности знания.

И хотя методологический плюрализм может нести в себе зерна догматизма и привести к методологическому анархизму, на сегодняшний день это одно из последних достижений в экономической методологии.

Распространение идей методологического плюрализма во многом определяет картину западной философии экономики, ибо такой подход в методологии (хотя и является спорным), в значительной степени отражает стиль современного научного мышления.

Выдающиеся мыслители, заложившие фундамент экономической науки (Т. Гоббс, К. Гельвеций, А. Смит, Д. Рикардо), исходили из представления, что хозяйственная деятельность людей есть разумная деятель-

ность, направленная на удовлетворение человеческих потребностей. В соответствии с этим представлением человек как субъект хозяйственной деятельности (экономический человек) должен:

- стремиться к выгоде;
- искать рациональные, наиболее целесообразные способы достижения выгоды.

Выгода (польза, личный интерес, эгоизм) и рациональность – это два главных принципа, на которых основывалась экономика. Вслед за отцами-основателями экономической науки принципы полезности и рациональности явно или неявно принимались в качестве ее очевидных и необходимых постулатов многими учеными XIX-XX вв.

Человек как будто затоплен в вещах и вещных отношениях. Экономическая теория на первый план выдвигает вещное богатство и услуги, их производство и увеличение. Определяющим мотивационным фактором действия человека признаны экономическая выгода, деньги, капитал. Некоторые авторы даже пытались вывести из них, как из исходных аксиом, всю систему законов экономики.

Однако уже с начала XX в. названные принципы были поколеблены. Постепенно становилось все более очевидным, что экономическая теория, абстрагирующаяся от влияния, которое она оказывает на поведение людей, культурные нормы, традиции, обычаи, плохо согласуется с наблюдаемой действительностью.

Необходимо учитывать, что «экономический человек» – лишь идеальная модель реального человека. Представление, что люди всегда преследуют материальную выгоду и тщательно анализируют все известные пути достижения этой цели, есть абстракция.

Реальный человек далеко не всегда в экономических делах действует так, как должен был бы действовать «экономический человек». У него есть свое субъективное видение мира, которое не свободно от стремлений и заблуждений, обусловленных культурно-историческими и индивидуально-личностными моментами. Концепция «экономического человека», который всегда мыслит рационально и стремится максимизировать свои выгоды, слишком упрощает поведение реальных субъектов хозяйственной деятельности. Стремление получить максимальную экономическую выгоду – это лишь одно, хотя и доминирующее в экономической жизни, человеческое побуждение среди многих других. С точки зрения психологических и культурных установок личности стремление получить максимальную экономическую выгоду далеко не всегда оказывается разумным.

В действительности люди всегда соотносят экономическую выгоду с усилиями, которые надо предпринять для ее получения.

Экономическое мышление людей зависит от многих психологических факторов и не сводится к одним только рационально-утилитарным соображениям. Например, стремление снизить психологические затраты проявляется в том, что люди при принятии экономических решений следуют привычке, интуиции, эмоциональной склонности.

Общей экономической теорией можно считать ту науку, которая дает обществу знания не только о производстве, распределении, обмене благ, способах их роста, а и о том, в каких условиях для человека вообще происходит экономическая жизнь, как служит экономика благополучию всех, насколько справедливы экономические отношения, насколько они соответствуют критериям человечности, идеалам человечества, сущности человека. Как правило, экономика является как бы самоцелью. Но на самом деле в реализацию экономических расчетов и планов вмешивается «личностный фактор». Банковские расчеты, размер прибыли не зависят от того, что происходит на душе банкира и клиента. Но может оказаться, что их личностные особенности или тайные замыслы приведут к иным результатам. Распри внутри коллектива могут нарушить планы менеджера. В действительности и банкир, и менеджер учитывают психологические особенности экономических субъектов.

Таким образом, экономическая практика фактически требует не только расчетов, но и учета личностных особенностей тех, в отношении которых эти расчеты делаются. Такого широкий подход к реально существующим экономическим проблемам в современной экономической теории появился в последней трети XX в.

Постепенно становилось все более очевидным, что экономическая теория, абстрагирующаяся от влияния, которое оказывают на поведение людей культурные нормы, традиции, обычаи, плохо согласуется с наблюдаемой действительностью. Выявление специфических психологических механизмов, которыми руководствуются люди в экономических делах, позволяет более реалистично подходить к решению разнообразных теоретических и практических проблем экономики. Все явления в социуме должны рассматриваться и оцениваться с точки зрения их соответствия сущности и достоинству человека. Экономическая теория должна быть начата не с анализа товара и рынка, а с рассмотрения человеческих качеств, потребностей, интересов, способностей, целей в экономической деятельности.

Начиная с 30-х гг. XX в. научная рациональность приобретает особый статус в системе ценностей техногенной цивилизации, так как именно научное познание мира является условием для его преобразования в расширяющихся масштабах. Оно создает уверенность в том, что человек способен, раскрыв законы природы и социальной жизни, регу-

лизовать природные и социальные процессы в соответствии со своими целями. В настоящее время экономическая теория ассимилирует и осваивает синергетические модели постнеклассической науки. А на подходе новое направление современной экономики – поведенческая концепция, главный вопрос которой: «Как можно влиять на иррациональное поведение потребителя?».

Поведенческая экономика представляет собой одно из наиболее значимых направлений современной экономической мысли, практически не освоенное современными образовательными программами в экономических вузах. Существует разрыв между экономическими теориями и реальным поведением человека. Долго доминировавшие теории оптимальной полезности, получения максимальной выгоды в любой человеческой деятельности устарели. Так же как и теория оптимальной удовлетворенности и теория уклонения от потерь. В классических и неоклассических экономических теориях игнорировались психологические аспекты экономического поведения. Рациональность в классических экономических теориях – это, в первую очередь, транзитивность. Сила классических экономических подходов – в универсальности языка, понимании механизмов, лежащих в основе экономических процессов. Но люди, очевидно, не всегда ведут себя разумно и осознают максимальную полезность. Люди часто принимают решения под влиянием не имеющей никакого значения информации, страдают от излишней самоуверенности, ошибочно усматривают закономерности там, где нет никаких закономерностей, действуют по инерции и т.п.

Рождение нового аналитического направления поведенческой экономики считается одним из наиболее примечательных событий в развитии экономической науки последних десятилетий. Ее важнейшая посылка состояла в отказе от общепринятой в классической и неоклассической экономической теории модели рационального выбора. Поведенческая экономика изучает влияние социальных, когнитивных и эмоциональных факторов на принятие экономических решений отдельными лицами и учреждениями и последствия этого влияния на рынки.

Специалисты поведенческой экономики за последние годы не раз становились нобелевскими лауреатами (Д. Канеман, В. Смит, Р. Талер, Т. Шеллинг и др.). Они считают, что теории рационального выбора и эффективного рынка нуждаются в серьезной корректировке. Ричард Талер (Нобелевская премия 2017 г.) показал, как человеческая психология влияет на принятие решений. Он разработал теорию «ментального учета», объясняющую, как люди принимают финансовые решения, распределяя свои доходы, создавая в своем уме несколько отдельных счетов и ориен-

тируясь на более частные последствия, а не на совокупный эффект. Его исследования такого понятия, как справедливость, показавшие, как беспокойство потребителей может заставить компании воздержаться от повышения цен в периоды высокого спроса, но не во время роста расходов, оказали значительное влияние на экономическую науку. Талер показал, как люди поддаются сиюминутным соблазнам, что объясняет неспособность многих заниматься финансовым планированием, как такие незначительные факторы, как погода, выигрыш или проигрыш любимой команды и т.п., влияют на поведение и принятие решения, даже если человек это не осознает.

Стремление получить максимальную экономическую выгоду – это лишь одно, хотя и доминирующее в экономической жизни, человеческое побуждение среди многих других. С точки зрения психологических и культурных установок личности стремление получить максимальную экономическую выгоду далеко не всегда оказывается разумным.

Таким образом, современная экономическая наука не является какой-то единой теорией; в ней – совокупность различных школ и концепций. Так, с одной стороны, акцент делается на исследовании деятельности индивидуальных экономических субъектов, а, с другой стороны, приоритет – за макроэкономическим подходом. Можно увидеть, что много внимания уделяется анализу монополий и олигополий, прогнозированию экономических ситуаций. Имеются призывы к компромиссу, некоему синтезу трудовой теории стоимости (Маркс) и теории предельной полезности (маржинализм), объективного и субъективного оснований ценообразования. Продолжаются дискуссии о свободной рыночной экономике и государственном регулировании экономики. Если от Дж. Кейнса идет тенденция утверждать положительный эффект государственного воздействия на экономику, то от Л. Мизеса идет линия на негативную оценку этого воздействия. В настоящее время говорят о своеобразном «экономическом империализме», заключающемся в стремлении анализировать многообразные явления общественной жизни с позиции экономической теории. В этом плане предлагается, например, развивать экономику права, экономику семьи, экономический анализ преступности и т.д. Г. Беккер призывает к «экономическому подходу к социальным вопросам».

Многообразие экономических концепций, по-видимому, отражает различие экономических интересов различных социальных групп. Эти интересы не тождественны, а их реализация приводит к противоречивой ситуации. Но, чтобы общество нормально развивалось, необходимо разрешение противоречий. А тогда будет объективная предпосылка для формирования единой экономической теории.

Публикуемые тексты приводятся по изданиям:

Барр Р. Политическая экономия: в 2 т. – М.: Междунар. отношения, 1995. – 768 с.

Гэлбрейт Дж.К. Экономические теории и цели общества: пер. с англ. – М.: Прогресс, 1979. – 406 с.

Кейнс Дж., Ларин Ю. Антология экономической классики. – М.: Эконов: Ключ, 1993. – 486 с.

Маршалл А. Принципы экономической науки. – М.: Прогресс, 1993. – 594 с.

Самуэльсон П. Экономика. – М.: МГП «Алгон», 1992. – 740 с.

Талер Р. Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать. – М.: Эксмо, 2017. – 349 с.

Хайек Ф.А. Дорога к рабству. – М.: Экономика, 1992. – 176 с.

Хейне П. Экономический образ мышления. – М.: Дело, 1991. – 765 с.

Из работы А. Маршалла «Принципы экономической науки»

Политическая экономия, или экономическая наука... занимается исследованием нормальной жизнедеятельности человеческого общества; она изучает ту сферу индивидуальных и общественных действий, которая теснейшим образом связана с созданием и использованием материальных основ благосостояния.

Следовательно, она, с одной стороны, представляет собой исследование богатства, а с другой – образует часть исследования человека.

Человеческий фактор формировался в процессе его повседневного труда и под воздействием создаваемых им в этом процессе материальных ресурсов, причем в гораздо большей степени, чем под влиянием любых других факторов, исключая религиозные идеалы; двумя великими силами, формировавшими мировую историю, были религия и экономика. Иногда на время возобладал пылкий дух военных или людей искусства, но нигде влияние религиозного и экономического факторов не оттеснялось на второй план даже на короткий срок, и почти всегда эти две силы имели большее значение, чем все другие, вместе взятые. Религиозные мотивы сильнее экономических, но их непосредственное воздействие редко распространяется на столь обширную жизненную сферу. Занятие, с помощью которого человек зарабатывает себе на жизнь, заполняет его мысли в течение подавляющего большинства часов, когда его ум эффективно работает; именно в эти часы его характер

формируется под влиянием того, как он использует свои способности в труде, какие мысли и чувства этот труд в нем порождает и какие складываются у него отношения с товарищами по работе, работодателями или его служащими. <...>

Между тем экономист изучает душевные порывы не сами по себе, а через их проявления, и если он обнаруживает, что эти мотивы порождают равные стимулы к действию, то он принимает их... за равные для целей своего исследования. На деле экономист, разумеется, прослеживает более терпеливо и вдумчиво, с большими предосторожностями все поступки людей в их обычной повседневной жизни. Он отнюдь не пытается сопоставлять реальную ценность благородных и низменных склонностей нашей натуры, он не соизмеряет страсть к добродетели и вожделение к вкусной пище. Он оценивает побудительные мотивы поступков точно так же, как это делают все люди в своей обычной жизни. Он придерживается общепринятого хода рассуждений, отступая от него лишь затем, чтобы соблюдать большие осторожности с целью четко установить границы своих познаний. Он формулирует свои заключения на основе наблюдений за людьми вообще при определенных условиях, не пытаясь измерять умственные и духовные качества отдельных лиц. Однако он отнюдь не игнорирует умственные и духовные аспекты жизни. Напротив, даже для самых узких задач экономических исследований важно знать, содействуют ли преобладающие в обществе желания созданию сильной и справедливой личности. Но и для более общих целей своих исследований, когда они находят практическое приложение, экономист, как и все прочие, должен интересоваться конечными целями человека и принимать в расчет разницу реальной ценности различных вознаграждений, порождающих одинаковой силы стимулы к действию и составляющих, следовательно, одинаковые экономические величины. Исследование указанных величин образует лишь отправной пункт экономической науки, но именно с этого она и начинается. <...>

Экономические законы – это обобщения тенденций, характеризующие действия человека при определенных условиях. Гипотетическими они являются лишь в том же значении, что и законы естественных наук, ибо и эти законы содержат или подразумевают наличие определенных условий. Но в экономической науке гораздо труднее, чем в естественной, ясно сформулировать эти условия и гораздо больше опасности не справиться с этой трудностью. Законы человеческих действий отнюдь не столь просты, точны или четко выявляются, как закон тяготения, но многие из них сравнимы с законами тех естественных наук, предмет исследования которых очень сложен. <...>

Из работы Р. Барра «Политическая экономия»

Человек живет в мире, которому свойственна редкость материальных благ. Ресурсы, которыми он располагает, либо недостаточны в данный момент, либо плохо распределены в пространстве. Даже если бы человек располагал избыточными ресурсами, если бы он жил на кисельном берегу молочной реки, то и тогда бы он был ограничен в их пользовании временем, этим самым дефицитным из всех богатств. <...>

Экономическая наука – это наука об управлении редкими ресурсами. Она изучает формы, которые принимает человеческое поведение при использовании этих ресурсов; она изучает и объясняет, каким образом индивидуум или общество направляют ограниченные ресурсы на удовлетворение своих многочисленных и неограниченных потребностей. <...>

Из работы П. Самуэльсона «Экономика»

Любое общество ... должно тем ли иным путем решить три коренные взаимосвязанные экономические проблемы:

1. Что должно производиться, то есть какие из взаимно исключающих друг друга товаров и услуг должны быть произведены и в каком количестве?

2. Как будут производиться товары, то есть кем, с помощью каких ресурсов и какой технологией они должны быть произведены?

3. Для кого предназначаются производимые товары, то есть кто должен располагать этими товарами и услугами и извлекать из них пользу? Или, иными словами, как должен распределяться валовой национальный продукт между различными индивидуумами и семьями? <...>

Из работы Дж.М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег»

Политическая экономия, или экономическая наука ... занимается исследованием нормальной жизнедеятельности человеческого общества; она изучает ту сферу индивидуальных и общественных действий, которая теснейшим образом связана с созданием и использованием материальных основ благосостояния. Следовательно, она, с одной стороны, представляет собой исследование богатства, а с другой – образует часть исследования человека. Человеческий фактор формировался в процессе его повседневного труда и под воздействием создаваемых им в этом процессе материальных ресурсов, причем в гораздо большей степени, чем под влиянием любых других факторов, исключая религиозные иде-

алы; двумя великими силами, формировавшими мировую историю, были религия и экономика. Иногда на время возобладал пылкий дух военных или людей искусства, но нигде влияние религиозного и экономического факторов не оттеснялось на второй план даже на короткий срок, и почти всегда эти две силы имели большее значение, чем все другие, вместе взятые. Религиозные мотивы сильнее экономических, но их непосредственное воздействие редко распространяется на столь обширную жизненную сферу. Занятие, с помощью которого человек зарабатывает себе на жизнь, заполняет его мысли в течение подавляющего большинства часов, когда его ум эффективно работает; именно в эти часы его характер формируется под влиянием того, как он использует свои способности в труде, какие мысли и чувства этот труд в нем порождает и какие складываются у него отношения с товарищами по работе, работодателями или его служащими.

Источник преимуществ экономической науки перед другими отраслями общественных наук, следовательно, кроется, по-видимому, в том факте, что ее специфическая область предоставляет гораздо большие возможности для применения точных методов исследования, чем любая другая общественная наука. Она занимается главным образом теми желаниями, устремлениями и иными склонностями человеческой натуры, внешние проявления которых принимают форму стимулов к действию, причем сила или количественные параметры этих стимулов могут быть оценены и измерены с известным приближением к точности, а поэтому в некоторой степени поддаются исследованию с помощью научного аппарата. Важно отметить, что экономист не берется измерять любую субъективную склонность саму по себе, да еще непосредственно; но производит лишь косвенное ее измерение через ее проявления. Никто не в состоянии точно сопоставить друг с другом и соизмерить даже свои собственные душевные порывы в разные периоды времени. И уж, конечно, никто не в состоянии измерить душевные порывы другого человека иначе, как лишь жизненную сферу, которая особенно интересует экономическую науку, – это та, где поведение человека обдуманно, где он чаще всего высчитывает выгоды и невыгоды какого-либо конкретного действия, прежде чем к нему приступить. <...>

Выведем предварительное заключение: экономисты изучают действия индивидуумов, но изучают их в свете не столько индивидуальной, сколько общественной жизни, а поэтому они лишь в малой степени занимаются такими свойствами личности, как темперамент и характер. <...>

Закон общественной науки, или общественный закон – это обобщение общественных тенденций, т.е. обобщение, гласящее, что от членов

какой-либо социальной группы при определенных условиях можно ожидать определенного образа действий. Экономические законы, или обобщения экономических тенденций, – это общественные законы, относящиеся к тем областям поведения человека, в которых силу действующих в них побудительных мотивов можно измерить денежной ценой. Экономические законы – это обобщения тенденций, характеризующие действия человека при определенных условиях. Гипотетическими они являются лишь в том же значении, что и законы естественных наук, ибо и эти законы содержат или подразумевают наличие определенных условий. Но в экономической науке гораздо труднее, чем в естественной, ясно сформулировать эти условия и гораздо больше опасности не справиться с этой трудностью. Законы человеческих действий отнюдь не столь просты, точны или четко выявляются, как закон тяготения, но многие из них сравнимы с законами тех естественных наук, предмет исследования которых очень сложен. <...>

Абсурдное, хотя чуть ли не всеобщее мнение, будто актив индивидуального сбережения – это такое же благо для эффективного спроса, как и акт индивидуального потребления, выросло на почве заблуждения, в сравнении с этим мнением более правдоподобного, будто растущее желание обладать богатством – это, в общем, то же самое, что и растущее желание инвестировать, и что оно поэтому создает путем повышения спроса на объекты прибыльного помещения капитала стимулы к их расширению. Выходит, таким образом, будто индивидуальное сбережение в такой же степени содействует текущим инвестициям, в какой оно уменьшает нынешнее потребление. Это заблуждение из разряда тех, с которыми труднее всего расстаться. Оно порождается убеждением, будто владельцу богатства нужно капитальное имущество как таковое, тогда как его в действительности интересует ожидаемый доход от этого имущества. <...>

Что касается меня, то я полагаю, что есть известные социальные и психологические оправдания значительного неравенства доходов и богатства, однако не для столь большого разрыва, какой имеет место в настоящее время. Есть такие нужные виды человеческой деятельности, для успешного осуществления которых требуются меркантильная заинтересованность и общие условия частной собственности на капитал. <...>

Хотя в идеальном обществе люди, может быть, и будут так обучены или воспитаны, чтобы не чувствовать интереса к выигрышу, все же мудрое и благоразумное государственное руководство должно дать возможность вести игру в соответствии с установленными правилами и ограничениями до тех пор, пока средний человек или хотя бы значитель-

ная часть общества остаются сильно подверженными страсти сделать деньги. <...>

Разница между планирующей и рыночной системами лежит не в стремлении избавиться от ограничений рынка и обрести контроль над экономической средой. Она заключается в инструментах, с помощью которых достигаются эти цели, и в том, насколько успешными оказываются такие попытки. Участники рыночной системы, которые хотят обеспечить стабилизацию своих цен или добиться контроля над предложением, должны действовать коллективно или получить помощь со стороны правительства. Такие действия слишком явны и часто неэффективны, безуспешны и бесплодны. Добровольные коллективные усилия могут быть подорваны несколькими дезертирами. Законодатели далеко не всегда отзывчивы даже к просьбам фермеров. Если действия и предпринимаются, то это делается в крайне осторожной форме, поскольку известно, что господствующая экономическая теория их не одобряет. Напротив, в планирующей системе фирма автоматически добивается контроля над ценами без лишнего шума, просто в силу своих размеров. <...>

Из работы Дж.К. Гэлбрейта «Экономические теории и цели общества»

По укоренившемуся мнению назначение экономической системы, на первый взгляд, кажется вполне очевидным. Оно состоит в том, чтобы производить материальные блага и оказывать услуги, которые нужны людям... Наилучшая экономическая система – это та, которая максимально обеспечивает людей тем, в чем они больше всего нуждаются. Хотя этот взгляд широко распространен в учебниках, он является, пожалуй, слишком упрощенным. За последние сто лет множество экономических задач стало выполняться организациями – промышленными корпорациями, электроэнергетическими предприятиями коммунального пользования, авиакомпаниями, системами розничных магазинов, телевизионными сетями, государственными бюрократическими учреждениями. Некоторые из этих организаций очень велики; и едва ли кто-нибудь усомнится в том, что они обладают властью, т.е. могут управлять действиями отдельных лиц и государства. Всякий согласится, что они управляют этими действиями в своих собственных интересах, т.е. в интересах тех, кто благодаря членству или праву собственности участвует в данном предприятии. Возможно, что в силу какого-то невероятного стечения обстоятельств или сознательных усилий эти интересы в основном совпадают с интересами общественности. Если же такое сте-

чение обстоятельств или целенаправленные усилия отсутствуют, то нет ничего удивительного в том, что преследуются интересы организаций, а не общественности. <...>

Экономическая теория сформировалась как научная дисциплина в то время, когда деловые предприятия были невелики по размерам и просты по своей структуре, а сельское хозяйство поглощало большую часть производительной энергии людей. Фирмы реагировали на изменение издержек производства и на изменение рыночных цен. Они подчинялись тому, что диктовал рынок. Теория отражала этот факт. Со временем теория была несколько изменена с тем, чтобы учитывать существование монополии, или, точнее, олигополии, но осталась в плену у своих начальных представлений. Конкурентоспособная фирма продолжала считаться центральным звеном. И член олигополии тоже реагирует на рыночные колебания и вынужден поступать так, поскольку он односторонне стремится к максимуму прибыли. Таким образом, рынок и в силу этого потребитель остаются полноправными хозяевами. Выбор потребителя продолжает управлять абсолютно всем. В результате экономическая теория незаметно превратилась в ширму, прикрывающую власть корпорации. <...>

Роль планирования в современном индустриальном обществе по-прежнему недооценивается. Помимо того, глубокий инстинкт консерваторов подсказывает им, что экономическое планирование неизбежно означает установление контроля над поведением индивидуума.

Отрицание того, что у нас есть какое-либо планирование, помогло скрыть факт этого контроля даже от тех, кто поставлен под контроль. С точки зрения экономиста... планирование заключается в том, чтобы заменить цены и рынок как механизм, определяющий то, какая продукция будет производиться, авторитетным решением, устанавливающим, что будет произведено и потреблено и по каким ценам.

Рыночный механизм заменяется тем, что принято называть вертикальной интеграцией. Планирующая организация завладевает источником поставок, в которых она нуждается, или рынком сбыта; таким образом, сделки, в которых предметом торга служат цены и объемы продукции, уступают место передаче продукции внутри планирующей организации. <...>

Экономисты называют общепринятую интерпретацию несоциалистической экономической системы неоклассической моделью. Представители других отраслей науки называют ее экономической теорией. Ее принципиальные истоки восходят к книге Адама Смита «Богатство наций», вышедшей в 1776 г. В первой половине прошлого столетия идеи А. Смита подверглись дальнейшему развитию Давидом Рикардо, Тома-

сом Мальтусом, Джеймсом и в особенности Джоном Стюартом Миллем и получили название классической системы. В последней четверти XIX в. австрийские, английские и американские экономисты дополнили теорию так называемым маржинальным анализом, и это, в конце концов, привело к замене термина «классическая экономическая теория» термином «неоклассическая экономическая теория». В 30-е годы XX в. были внесены еще две важные поправки. До этого предполагалось, что рынки обслуживаются множеством фирм, каждая из которых производит незначительную долю совокупного продукта. Все подчинялись рыночной цене, которую не контролировал никто. Монополии тоже существовали, но они считались крайним исключением. Однако оказалось, что на многих рынках могут господствовать несколько фирм, коллективно осуществляющих власть, которая прежде ассоциировалась с монополией. Это была олигополия. А после выхода в свет и широкого признания «Общей теории» Кейнса система больше не считается саморегулирующейся. Только активное вмешательство государства может поддерживать экономику на уровне полной или почти полной занятости и обеспечивать ее неуклонный рост. Кроме того, за последние сорок лет неоклассическая система была в значительной мере усовершенствована. Фактически она стала столь разнообразной и специализированной, что ни один экономист не может претендовать на большее, чем знание лишь отдельной ее части. В значительной степени неоклассическая система теперь существует ради усовершенствований, которые она претерпевает, – они стали целью сами по себе. Но усовершенствования не оказывают влияния на основную суть этой теории и даже не касаются ее. Она считается, пусть даже субъективно, имеющей окончательную форму. <...>

Суть неоклассической системы сводится к тому, что люди, используя свой доход, полученный главным образом от их производительной деятельности, выражают свои желания путем распределения этого дохода между различными благами и услугами, к которым они имеют доступ на рынках. С точки зрения только что упомянутого маржинального анализа они стремятся таким образом распределить свой доход, чтобы удовлетворение, получаемое от последней единицы затрат на какую-нибудь цель, было равно удовлетворению от затрат на любую другую цель. В этой точке удовлетворение и даже счастье достигают максимума. Желания отдельного человека не подвергаются критике, их происхождение глубоко не изучается. Хотя, без сомнения, они формируются под влиянием данной культуры, эти желания, тем не менее, являются выражением его личности и воли, где они берут начало. Этим дело и ограничивается. <...>

Упомянутое выше выражение воли отдельного человека передается рынком производителю наряду с аналогичным выражением воли других людей. Там, где имеется сильное желание, сильной будет и готовность тратить деньги. И цены рынка установятся на соответствующем уровне. Там, где желание умеренно, умеренными будут цены. С точки зрения неоклассической модели, мотивация производителя происходит исключительно за счет перспективы получения прибыли. <...>

Допустим, что тот самый человек, стоявший перед выбором между несколькими удовольствиями лично для себя, вскоре вспомнил о несчастном инвалиде, мимо которого он пройдет по пути домой, и затратил какое-то время на раздумывание над тем, предпочесть ли доставить физическое удовольствие себе самому или совершить доброе дело и насладиться доставлением радости ближнему своему. По мере того как его желания склоняются то к первому выбору, то ко второму, само качество его душевных порывов меняется; и исследовать природу этого изменения надлежит философу. <...>

Между тем экономист изучает душевные порывы не сами по себе, через их проявления, и если он обнаруживает, что эти мотивы порождают равные стимулы к действию, то он принимает их... за равные для целей своего исследования. На деле экономист, разумеется, прослеживает более терпеливо и вдумчиво, с большими предосторожностями все поступки людей в их обычной повседневной жизни. Он отнюдь не пытается сопоставлять реальную ценность благородных и низменных склонностей нашей натуры, он не соизмеряет страсть к добродетели и вожделение к вкусной пище. Он оценивает побудительные мотивы поступков точно так же, как это делают все люди в своей обычной жизни. Он придерживается общепринятого хода рассуждений, отступая от него лишь затем, чтобы соблюдать большие осторожности с целью четко установить границы своих. <...>

Кейнсианская теория, обосновавшая необходимость вмешательства государства в экономику, в 50-60-е годы и в первой половине 70-х годов помогла правительствам западных стран обеспечить довольно высокие темпы хозяйственного развития, наибольшую занятость работников и подъем общего благосостояния. Но в 1973-1975 гг. мощный мировой экономический кризис убедительно продемонстрировал: замена рыночного саморегулирования макроэкономики государственным управлением ею не способна избавить общество от кризисных потрясений, безработицы и инфляции. Поэтому не случайно, что против кейнсианства подняли своего рода восстание неоконсерваторы, стремившиеся отстоять принцип невмешательства государства в экономику.

Неоконсерваторы выявили слабые стороны учения Дж. Кейнса и противопоставили им свои теоретические и практические разработки по следующим направлениям: 1. Антикейнсианцы выступили против использования инфляции для увеличения производства и занятости, предложив свои рецепты сокращения количества денег в обращении. 2. Неоконсерваторы высказались против чрезмерного увеличения налогов, что подрывало материальную заинтересованность работников и предпринимателей. Было предложено уравновесить покупательский спрос развитием предложения: снизить налоги до рациональных пределов, возродить свободу частного предпринимательства и рыночную конкуренцию. 3. Критики кейнсианства решительно выступили против того, чтобы государственные чиновники занимались мелочной опекой текущей хозяйственной деятельности бизнесменов. По их мнению, предприниматели сами в состоянии прогнозировать (предвидеть) экономические процессы и принимать оптимальные (наилучшие) решения. Правительство же должно сосредоточиться на долгосрочной экономической политике. <...>

Из работы Ф.А. фон Хайека «Дорога к рабству»

В начале 20-х годов XX в. в англо-американской литературе вместо традиционного названия экономической теории – политическая экономия – стал использоваться термин «экономикс» (в смысле: основы экономических наук). В новой научной дисциплине был осуществлен синтез неоклассических и кейнсианских теорий, которые были объединены общим представлением о предмете экономической науки. В 30-е годы профессор Лондонского университета Л. Роббинс, будучи сторонником маржинализма, дал определение предмета «экономикс». По его мнению, центральной проблемой экономической науки является распределение редко встречающихся ресурсов (которых не хватает для удовлетворения потребностей) между альтернативными целями. Л. Роббинс рассматривал «экономикс» вне всякого конкретного социального содержания. Эта теория, на его взгляд, является одним из разделов некой всеобщей науки о рациональной деятельности. Последняя исследует человеческие поступки как отношение между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь альтернативное использование. В 40-50-х годах подобное понимание предмета становится в экономике общепринятым. <...>

В связи с этим во главу угла в «экономикс» поставлены универсальные проблемы экономической организации, составляющие основу любого общества. Выделяются три ключевых проблемы: 1. Что необходимо производить, т.е. в каком количестве и какие из взаимно исключающих друг друга товаров и услуг? 2. Как они будут произведены, т.е. посредством

каких ресурсов и с применением какой технологии? 3. Для кого они предназначены, т.е. кто будет их владельцем и извлечет пользу из произведенных товаров и услуг? <...>

Первоначально «экономикс» решительно отличался от политической экономии, которая, как известно, сложилась как наука, которая в центр внимания поставила изучение социально-экономических отношений между классами и группами общества. В противовес политэкономии «Экономикс» исключил из своего содержания изучение социальных отношений и их исторического развития. Но жизнь заставила внести серьезные поправки в первоначальные представления о предмете экономики. С середины 60-х годов западные экономисты все больше критикуют неоклассицизм за отрицание важности социальных и политических проблем. В экономике сейчас фактически расширяются рамки социологизации предмета науки: теоретически освещается политика доходов, проводимая государством и предпринимателями; определяются пути борьбы с безработицей и бедностью значительной части населения; рассматриваются злободневные проблемы расовой дискриминации и ограничения прав женщин при найме на работу и увольнении. Модными стали темы о качестве жизни и экологической безопасности. «Экономикс» все больше обращается к политико-экономическим проблемам, в частности к сравнительному анализу современных экономических систем, трудовым отношениям, к проблемам развивающейся экономики, антикризисного регулирования, экономического роста. <...>

Из работы П. Хейне «Экономический образ мышления»

Смотреть на вещи с точки зрения экономиста – это значит систематизировать хорошо известные всем явления с помощью таких понятий, как спрос, альтернативная стоимость, предельный эффект и сравнительная выгода. Экономист знает реальный мир не лучше, а в большинстве случаев хуже менеджеров, инженеров, механиков, словом, людей дела. Но экономисты знают, как разные вещи связаны между собой. Экономическая наука позволяет нам лучше понимать то, что мы видим, более последовательно и логично размышлять о широком круге сложных общественных взаимосвязей. На практике получается, что это знание в большой мере носит негативный и безличный характер ... экономический взгляд на вещи мало помогает нам понять взаимоотношения людей в семье или в другой малой группе, все члены которой хорошо знают друг друга и сотрудничают на личной основе. Экономисты же объясняют, как сотрудничают люди, вовсе не знающие

друг друга, но, тем не менее, работающие согласно и чрезвычайно эффективно. Большинство экономистов признают, что применяемые ими понятия и методы иногда искажают изучаемую ими действительность. Они готовы подвергнуть свой анализ и свои выводы суду рациональной критики. Но принять какую-либо точку зрения необходимо в любом исследовании, — как в естественных, так и в общественных науках. Если экономический образ мышления иногда ведет к искажениям, неверным акцентам и даже к явным ошибкам, рациональная критика должна внести необходимые поправки. Такие поправки часто опровергали или модифицировали выводы экономистов прошлого. Вероятно, так будет продолжаться и в будущем. <...>

Он формулирует свои заключения на основе наблюдений за людьми вообще при определенных условиях, не пытаясь измерять умственные и духовные качества отдельных лиц. Однако он отнюдь не игнорирует умственные и духовные аспекты жизни. Напротив, даже для самых узких задач экономических исследований важно знать, содействуют ли преобладающие в обществе желания созданию сильной и справедливой личности. Но и для более общих целей своих исследований, когда они находят практическое приложение, экономист, как и все прочие, должен интересоваться конечными целями человека и принимать в расчет разницу реальной ценности различных вознаграждений, порождающих одинаковой силы стимулы к действию и составляющих, следовательно, одинаковые экономические величины. Исследование указанных величин образует лишь отправной пункт экономической науки, но именно с этого она и начинается. <...>

Когда мы говорим об измерении желания посредством действия, к которому оно служит побудительным мотивом, то из этого вовсе не следует, что мы считаем любое действие заранее обдуманном результатом предварительного расчета. Ибо в данном случае, как и во всех других, экономическая наука рассматривает человека таким, каким он предстает в повседневной жизни, а в обыденной жизни люди заблаговременно не высчитывают результаты каждого своего действия, будь то продиктованного высшими побуждениями или низменными мотивами. Между тем жизненная сфера, которая особенно интересует экономическую науку, — это та, где поведение человека обдуманно, где он чаще всего высчитывает выгоды и невыгоды какого-либо конкретного действия, прежде чем к нему приступить. <...>

Ранние английские экономисты, быть может, слишком много внимания сосредоточили на мотивах индивидуальной деятельности. Но в действительности экономисты, как и представители всех других обще-

ственных наук, имеют дело с индивидуумами главным образом как с членами общественного организма. Как храм составляет нечто большее, чем камни, из которых он сложен, как человек – это нечто большее, чем ряд мыслей и ощущений, так и жизнь общества – это нечто большее, чем сумма жизней его индивидуальных членов. <...>

Экономисты изучают действия индивидуумов, но изучают их в свете не столько индивидуальной, сколько общественной жизни, а поэтому они лишь в малой степени занимаются такими свойствами личности, как темперамент и характер. Они тщательно изучают поведение целого класса людей, иногда целой нации, иногда лишь жителей определенного района, а чаще тех, кто занят в какой-либо конкретной профессии в данное время и в данном месте. С помощью статистики или иными средствами они выявляют, сколько в среднем денег готовы члены изучаемой ими группы уплатить в качестве цены за определенную вещь, которую хотят приобрести, или сколько нужно им предложить, чтобы побудить предпринять какое-либо усилие или согласиться на неприятное для них воздержание. Осуществляемое таким путем измерение побудительных мотивов, конечно, не является идеально точным, ибо, если бы оно оказалось таковым, экономическая наука сравнялась бы с достигшими наибольших успехов естественными науками, а не с наименее развитыми, как это в действительности имеет место. <...>

Во всех этих вопросах экономисты имеют дело с человеком как таковым, не с неким абстрактным или «экономическим» человеком, а с человеком из плоти и крови. Они имеют дело с человеком, в своей хозяйственной жизни руководствующимся в большой мере эгоистическими мотивами и в такой же мере учитывающим эгоистические мотивы других, с человеком, которому присущи как тщеславие и беспечность, так и чувство наслаждения самим процессом хорошего выполнения своей работы или готовность принести себя в жертву ради семьи, соседей или своей страны, с человеком, которому не чужда тяга к добродетельному образу жизни ради собственных достоинств последнего. Они имеют дело с человеком как таковым; но, обращаясь преимущественно к тем сторонам его жизни, где действие побудительных мотивов столь постоянно, что оно может быть предсказано, и где оценку их силы можно проверить по их последствиям, экономисты строят свою работу на научной основе. <...>

Экономические законы следует сопоставлять с законами морских приливов и отливов, а не с простым и точным законом тяготения. Поскольку действия людей столь разнообразны и неопределенны, самые лучшие обобщения тенденций, какие может сделать наука о поведении человека, неизбежно должны быть неточными и несовершенными. <...>

Следовательно, закон общественной науки, или общественный закон – это обобщение общественных тенденций, т.е. обобщение, гласящее, что от членов какой-либо социальной группы при определенных условиях можно ожидать определенного образа действий. Экономические законы, или обобщения экономических тенденций, – это общественные законы, относящиеся к тем областям поведения человека, в которых силу действующих в них побудительных мотивов можно измерить денежной ценой. Иногда говорят, что законы экономической науки являются «гипотетическими». Конечно, подобно всякой другой науке, политическая экономия берется изучать следствия, которые окажутся результатом действия определенных причин, но результат этот не абсолютен, а возникает лишь при прочих равных условиях и лишь в том случае, если указанные причины могут беспрепятственно привести к своим следствиям. Почти все научные доктрины, когда они точно и строго изложены, содержат в какой-либо форме оговорку о прочих равных условиях: предполагается, что действие рассматриваемых причин выступает изолированно и что оно приведет к определенным следствиям, но лишь в том случае, если заранее принята гипотеза, согласно которой никакая другая причина, кроме четко обозначенных данной доктриной, не будет принята во внимание. Следует, однако, признать, что источником больших трудностей в экономической науке служит необходимость учитывать время, требующееся, чтобы причины могли привести к своим следствиям. Между тем явления, на которые они воздействуют, и даже сами причины могут подвергнуться изменению, а исследуемые тенденции не будут обладать достаточной «длительностью», чтобы полностью проявить себя. <...>

**Из работы Р. Талера «Новая поведенческая экономика.
Почему люди нарушают правила традиционной экономики
и как на этом заработать»**

В отличие от выдуманного мира Рационалов, Люди часто ведут себя неправильно, а это означает, что экономические модели дают ошибочные прогнозы, последствия которых могут оказаться гораздо более серьезными, чем плохое настроение группы студентов. На самом деле, никто из экономистов не предвидел кризиса 2007-2008 годов, и, что еще хуже, многие считали, что и кризис, и его последствия были чем-то, что просто не могло случиться.

По иронии, существование формальных моделей, основанных на таком неверном представлении о человеческом поведении, – это то, чем экономика заслужила репутацию самой сильной из социальных

наук. Сила ее заключается в двух аспектах. Первый аспект – совершенно бесспорный: из всех исследователей социальной реальности экономисты оказываются самыми влиятельными, когда речь идет о социальной политике. По сути, они монополизировали сферу политического консалтинга.

Другой аспект состоит в том, что экономика считается также самой сильной социальной наукой в интеллектуальном смысле. Интеллектуальное преимущество основано на факте, что в экономике есть единая, основополагающая теория, из которой истекает все остальное. Если произнести «экономическая теория», всем будет ясно, что имеется в виду. Ни одна другая социальная наука не обладает такой теоретической базой. Чаще теории в других дисциплинах узко специфичны: они объясняют, что происходит в определенном наборе обстоятельств. Экономисты сравнивают свою науку с физикой: экономика, как и физика, опирается на несколько ключевых постулатов.

Основной постулат экономической теории гласит, что человек делает выбор, исходя из возможного оптимального результата. Из всех услуг и товаров, которые может купить семья, она выберет лучшие из тех, что может себе позволить. Более того, считается, что Рационалы совершают выбор беспристрастно. Другими словами, мы выбираем, опираясь на то, что экономисты называют рациональными ожиданиями. Если те, кто начинает новый бизнес, убеждены, в среднем, что их шансы на успех составляют 75%, то это можно считать показателем, отражающим действительное число тех, кто оказывается успешным. Рационалы не переоценивают свои возможности. <...>

<...> Человек совершает выбор вовсе не беспристрастно. В словаре экономистов, может, и нет слова «самонадеянность», но все же это неотъемлемая черта человеческой натуры, а кроме нее есть еще масса других предубеждений, которые заставляют людей принимать необъективные решения, все они задокументированы психологами. <...>

Вы знаете, и я знаю, что мы не живем в мире Рационалов. Мы живем в мире Людей. И поскольку большинство экономистов – тоже люди, они так же знают, что мы не живем в мире Рационалов. Тем не менее такая модель экономического поведения, созданная для населения, состоящего сплошь из Рационалов, процветает уже много лет и помогла занять экономике ту влиятельную позицию, на которой она сейчас находится. На протяжении многих лет замечания критиков парировались слабыми отговорками и неправдоподобными альтернативными объяснениями тех эмпирических наблюдений, которые ставили под сомнение экономические постулаты. Но постепенно эти замечания порождали иссле-

дования, которые значительно подняли ставки в этом споре. Оставить без внимания историю про экзаменационные оценки довольно легко. Гораздо сложнее игнорировать исследования, которые описывают неверно сделанный выбор в более значимых сферах жизни, таких как управление сбережениями для выхода на пенсию, выбор ипотечного займа, инвестирование в рынок ценных бумаг. <...>

Пора перестать придумывать отговорки. Нам нужен обновленный подход к проведению экономических исследований, который признает существование и значимость Людей. Хорошая новость заключается в том, что нам не придется выбрасывать все, что мы знаем о функционировании экономики и рынков. Теории, построенные на предположении о том, что каждый человек является Рационалом, не стоит отвергать. Они пригодятся в качестве стартовой точки построения более реалистичных моделей. Также в некоторых отдельных случаях, когда решаемая человеком задача довольно проста, или когда экономические факторы обладают соответствующими специализированными навыками, модели поведения Рационалов могут дать приемлемое представление о том, что происходит в реальном мире. <...>

Не нужно переставать изобретать абстрактные модели, описывающие поведение вымышленных Рационалов. Но необходимо перестать полагать, что такие модели точно описывают поведение людей и больше не принимать политических решений, опираясь на результаты такого ненадежного анализа. <...>

Сейчас поведенческая экономика – это развивающаяся отрасль экономики, и в большинстве ведущих университетов мира уже есть исследователи, работающие именно в этой области. Не так давно представители этого направления и другие ученые, занимающиеся изучением поведения человека, стали частью сообщества политических консультантов. <...>

Бизнес тоже старается не отставать, понимая, что более глубокое понимание поведения человека имеет такое же важное значение для успеха, как и знание финансовой отчетности и управление деятельностью компании. В конце концов, компаниями управляют Люди, а их подчиненные и клиенты также являются Людьюми. <...>

Контрольные вопросы

1. Как методология экономического анализа связана с изменениями в направлении исследований в современной философии науки?
2. В соответствии с какими принципами оценивается истинность экономических теорий?

3. Какое влияние на формирование методологических споров в экономике оказала постпозитивистская дискуссия о проблеме фальсификации?

4. Каковы принципы поведения субъекта хозяйственной деятельности с точки зрения мыслителей, заложивших фундамент экономической науки?

5. Какие изменения в принципах формирования экономической теории произошли в XX в.?

6. От каких факторов с точки зрения современной экономической теории зависит экономическое мышление человека?

7. Каким образом постнеклассическая модель науки влияет на современное развитие экономических теорий?

8. Каково значение поведенческой экономики на современном этапе развития экономической теории?

Глава 2. ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

Философия права является наиболее общим теоретическим выражением результатов осмысления исторических этапов развития правового сознания человечества. Главными вопросами философии права выступают прежде всего проблемы отношения государства, общества и личности, источника права, правового статуса социальных институтов семьи, собственности, а также их исторических форм и нормативного закрепления в законах. Немаловажной проблемой философии права является отношение правового и морального сознания, норм права и морали, в рамках которых получали свое развитие такие категории права, как «объект» и «субъект» права, «правосудие» и «законность», «справедливость» и «несправедливость», «деяние», «поступок», «свобода» и «ответственность» и многие другие.

Философия права играет особую роль в деле формирования правового сознания будущих специалистов, выполняя целый ряд значимых функций. Так, философия права выполняет легитимирующую функцию, определяя соответствие закона и достоинство существования человека, определяя сущность права и его соответствие иным социальным нормам. Мировоззренческая функция философии права заключается в формировании правового сознания и правовой культуры в обществе. Аксиологическая функция философии права связана с оценочным исследованием сущего и должного, правомерного и неправомерного и т.д.

Изначально, в истории философской мысли эти проблемы нашли свое отражение в учениях выдающихся философов, а также правоведов и законодателей.

Следует отметить особое значение классических работ античности, а именно – Платона («Государство») и Аристотеля («Политика»).

Из авторов средневековья особого внимания заслуживают труды схоластов Фомы Аквинского («Сумма теологии») и Марсилия Падуанского (1280-1343) («Защитник мира»).

В эпоху Возрождения крайне важно знакомство с философским осмыслением идеи права в политико-правовых работах Никколо Макиавелли (1469-1527) («Государь»), а также идеологов Реформации: Мартина Лютера (1483-1456) («Свобода христианина»); Томаса Мюнцера (1490-1525) («Пражский манифест», «Разоблачение ложной веры безбожного мира»).

Политико-правовая мысль Нового времени представлена работами Гуго Гроция (1583-1645) («О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы

публичного права»), Томаса Гоббса (1588-1679) («Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского»), Бенедикта Спинозы (1632-1677) («Богословско-политический трактат»), Джона Локка (1632-1704) («Два трактата о правлении»), Монтескье (1689-1755) («О духе законов»), Руссо (1712-1778) (трактаты «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» и «Об общественном договоре»).

Заслуживают внимания политико-правовые идеи представителей утопического социализма, прежде всего Г.-Б. Мабли (1709-1785) («О законодательстве, или Принципы законов»).

Своеобразной вершиной развития политико-правовой мысли Нового времени является, несомненно, учение о государстве и праве в немецкой классической философии. Источником права рассматривается всеобщая воля. В работах немецких философов Иммануила Канта (1724-1804) («Метафизика нравов») и Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770-1831) («Философия права») мы встречаем наиболее полное и развернутое представление о правовом сознании и правовой идеологии буржуазного общества.

В середине XIX и начале XX в. вопросы государства и права выступают в качестве важнейших теоретических и практических проблем в учении идеологов научного коммунизма Карла Маркса, Фридриха Энгельса и их последователей («К критике гегелевской философии права», «Возникновение семьи, частной собственности и государства»).

Дальнейшее развитие правового сознания и правовой идеологии мы встречаем в XX в. в неокантианстве – Рудольф Штаммлер (1856-1938) («Сущность и задачи права и правоведения»), Густав Радбрух (1878-1949) («Введение в науку права», «Философия права», «Законное неправо и надзаконное право»), и позитивизме – Ганс Кельзен (1881-1973) («Чистое учение о праве», 1934), Герберт Харт (1907-1992) («Понятие права», 1961), Лон Фуллер (1902-1978) («Мораль права», 1964).

В отечественной традиции философское осмысление идеи права представлено начиная со «Слова и законе и благодати» Иллариона до работ XIX и XX вв. Отметим лишь некоторые из имен: Г.В. Чичерин (1872-1936) («Философия права»), П.И. Новгородцев (1866-1924) («Введение в философию права»), Е.Н. Трубецкой (1863-1920) («Труды по философии права»).

В учебном пособии представлены фрагменты текстов произведений выдающихся философов различных исторических эпох, в которых нашло отражение развитие понятий «государства» и «права», их сущности.

Публикуемые тексты приводятся по изданиям:

Аристотель. Политика // Сочинения в четырех томах. Т. 4. Книга первая. – М.: Мысль, 1983. – С. 376-380.

Гегель Г. Философская пропедевтика. Раздел первый. Учение о праве // Гегель Г. Работы разных лет: в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1972. – С. 35-48.

Гоббс Т. Левиафан. – М.: Мысль, 2001. – 478 с.

Кант И. Основы метафизики нравственности; Критика практического разума; Метафизика нравов. – СПб.: Наука, 1995. – 528 с.

Макиавелли Н. Избранные сочинения. – М.: Худож. лит., 1982. – 503 с.

Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1954. – 770 с.

Руссо Ж.-Ж. Трактаты. – М.: Наука, 1969. – 704 с.

Трубецкой Е.Н. Труды по философии права. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. – 543 с.

Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. 1, вопросы 75-119. – Киев: Эльга; М.: Ника-Центр, 2005. – 575 с.

Из книги Аристотеля «Политика»

1. 1. Поскольку, как мы видим, всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага (ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо), то, очевидно, все общения стремятся к тому или иному благу, причем больше других, и к высшему из всех благ стремится общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим.

2. Неправильно говорят те, которые полагают, будто понятия «государственный муж», «царь», «домохозяин», «господин» суть понятия тождественные. Ведь они считают, что эти понятия различаются в количественном, а не в качественном отношении; скажем, господин – тот, кому подвластно небольшое число людей; домохозяин – тот, кому подвластно большее число людей; а кому подвластно еще большее число – это государственный муж или царь; будто нет никакого различия между большой семьей и небольшим государством и будто отличие государственного мужа от царя состоит в том, что царь правит в силу лично ему присущей власти, а государственный муж отчасти властвует, отчасти подчиняется на основах соответствующей науки – политики. Это, однако, далеко от истины.

3. Излагаемое станет ясным при рассмотрении с помощью усвоенного нами ранее метода: как в других случаях, расчленяя сложное на его простые элементы (мельчайшие части целого) и рассматривая, из чего состоит государство, мы и относительно перечисленных понятий лучше увидим, чем они отличаются одно от другого и возможно ли каждому из них дать научное объяснение. И здесь, как и повсюду, наилучший способ теоретического построения состоял бы в рассмотрении первичного образования предметов.

<...>

7. Общине, состоящее из нескольких семей и имеющее целью обслуживание не кратковременных только потребностей, – селение. Вполне естественно, что селение можно рассматривать как колонию семьи; некоторые и называют членов одного и того же селения «молочными братьями», «сыновьями», «внуками». Греческие государства потому вначале и управлялись царями (а в настоящее время то же мы видим у негреческих племен), что они образовались из элементов, признававших над собой царскую власть: ведь во всякой семье старший облечен полномочиями царя. И в колониях семей – селениях поддерживали в силу родственных отношений между их членами тот же порядок.

8. Общество, состоящее из нескольких селений, есть вполне завершенное государство, достигшее, можно сказать, в полной мере самодовлеющего состояния и возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни. Отсюда следует, что всякое государство – продукт естественного возникновения, как и первичные общины: оно является завершением их, в завершении же сказывается природа. Ведь мы называем природой каждого объекта ... то его состояние, какое получается при завершении его развития. Сверх того, в осуществлении конечной цели и состоит высшее завершение, а самодовлеющее существование оказывается и завершением, и наивысшим существованием.

9. Из всего сказанного явствует, что государство принадлежит к тому, что существует по природе, и что человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, – либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек; его и Гомер поносит, говоря «без роду, без племени, вне законов, без очага»; такой человек по своей природе только и жаждет войны; сравнить его можно с изолированной пешкой на игральной доске.

10. Природа, согласно нашему утверждению, ничего не делает напрасно; между тем один только человек из всех живых существ одарен речью. Голос выражает печаль и радость, поэтому он свойствен и остальным живым существам (поскольку их природные свойства разви-

ты до такой степени, чтобы ощущать радость и печаль и передавать эти ощущения друг другу). Но речь способна выражать и то, что полезно и что вредно, равно как и то, что справедливо и что несправедливо.

11. Это свойство людей отличает их от остальных живых существ: только человек способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость и т.п. А совокупность всего этого и создает основу семьи и государства. Первичным по природе является государство по сравнению с семьей и каждым из нас; ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части. Уничтожь живое существо в его целом, и у него не будет ни ног, ни рук, сохранится только наименование их, подобно тому как мы говорим «каменная рука»; ведь и рука, отделенная от тела, будет именно такой каменной рукой. Всякий предмет определяется совершаемым им действием и возможностью совершить это действие; раз эти свойства у предмета утрачены, нельзя уже говорить о нем как таковом: останется только его обозначение.

12. Итак, очевидно, государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку; поскольку последний, оказавшись в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим, то его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому. А тот, кто не способен вступить в общение или, считая себя существом самодовлеющим, не чувствует потребности ни в чем, уже не составляет элемента государства, становясь либо животным, либо божеством. Во всех людей природа вселила стремление к государственному общению, и первый, кто это общение организовал, оказал человечеству величайшее благо, Человек, нашедший свое завершение, – совершеннейшее из живых существ, и, наоборот, человек, живущий вне закона и права, – наихудший из всех, ибо несправедливость, владеющая оружием, тяжелее всего; природа же дала человеку в руки оружие – умственную и нравственную силу, а ими вполне можно пользоваться в обратную сторону. Поэтому человек, лишенный добродетели, оказывается существом самым нечестивым и диким, низменным в своих половых и вкусовых позывах. Понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее мерилom справедливости, является регулирующей нормой политического общения.

Контрольные вопросы

1. Что такое государство в понимании Аристотеля, каковы его признаки?
2. Почему, согласно Аристотелю, государство первично по отношению к человеку?
3. Что такое справедливость в учении Аристотеля?

Является ли право народов тем же, что и естественное право.

Естественное право или правильность есть то, что по самой своей природе согласовано или соизмерено с другим человеком. Но это может иметь место двояко. Во-первых, с точки зрения абсолютного рассмотрения, как [например] мужчина по самой своей природе соизмерен с женщиной ради порождения и родитель соизмерен с потомством ради заботы о нем. Во-вторых, нечто может быть естественным образом соизмерено с другим человеком не с точки зрения абсолютного рассмотрения, а с точки зрения некоторого своего следствия, например обладание собственностью. В самом деле, как пишет Философ, если рассматривать некоторый земельный участок в абсолютном смысле, то причины того, что он принадлежит тому, а не другому, не существует, но если рассматривать его с точки зрения пригодности к возделыванию и безопасности использования, то тогда обнаруживается некоторая соизмеримость в том, что он является собственностью того, а не другого.

Далее, абсолютное схватывание вещи свойственно не только человеку, но и другим животным, и потому право, которое мы называем естественным, со стороны первого вида соизмеримости общо нам и другим животным. Но в указанном смысле право народов уступает естественному праву, поскольку, как говорит юрист [Гай], «последнее общо всем животным, в то время как первое общо только людям». С другой стороны, рассмотрение вещи путем соизмерения её с её следствиями свойственно разуму, и потому оно естественно для человека со стороны предписывающего это ему естественного разума. Поэтому юрист Гай говорит: «Все, что естественный разум предписывает всем людям, в равной степени соблюдается всеми и называется правом народов».

Контрольные вопросы

1. Что такое естественное право согласно Фоме Аквинскому?
2. Что такое право народов?

Из книги Никколо Макиавелли «Государь»

Основой же власти во всех государствах – как унаследованных, так смешанных и новых – служат хорошие законы и хорошее войско. Но хороших законов не бывает там, где нет хорошего войска, и наоборот, где есть хорошее войско, там хороши и законы...

Государь не должен иметь ни других помыслов, ни других забот, ни другого дела, кроме войны, военных установлений и военной науки, ибо

война есть единственная обязанность, которую правитель не может возложить на другого. Военное искусство наделено такой силой, что позволяет не только удержать власть тому, кто рожден государем, но и достичь власти тому, кто родился простым смертным.

С врагом можно бороться двумя способами: во-первых, законами, во-вторых, силой. Первый способ присущ человеку, второй – зверю; но так как первое часто недостаточно, то приходится прибегать и ко второму. Отсюда следует, что государь должен усвоить то, что заключено в природе и человека, и зверя.

Следует понимать, что государь, особенно новый, не может исполнять все то, за что людей почитают хорошими, так как ради сохранения государства он часто бывает вынужден идти против своего слова, против милосердия, доброты и благочестия. Поэтому в душе он всегда должен быть готов к тому, чтобы переменить направление, если события примут другой оборот или в другую сторону задует ветер фортуны, то есть, как было сказано, по возможности не удаляться от добра, но при надобности не чураться и зла.

Контрольные вопросы

1. Как, согласно Макиавелли, связаны законы и военная сила?
2. На чем основана специфическая правовая позиция государя согласно Макиавелли?
3. Что такое политика и политическое право, каковы его принципы согласно учению Н. Макиавелли?

Из книги Томаса Гоббса «Левиафан»

Цель государства – главным образом обеспечение безопасности. Конечной причиной, целью или намерением людей (которые от природы любят свободу и господство над другими) при наложении на себя уз (которыми они связаны, как мы видим, живя в государстве) является забота о самосохранении и при этом о более благоприятной жизни. Иными словами, при установлении государства люди руководствуются стремлением избавиться от бедственного состояния войны, являющегося необходимым следствием естественных страстей людей там, где нет видимой власти, держащей их в страхе и под угрозой наказания, принуждающей их к выполнению соглашений и соблюдению естественных законов <...>. Каковая не гарантируется естественным законом. В самом деле, естественные законы (как справедливость, беспристрастие, скромность, милосердие и (в общем) поведение по отношению к другим так, как мы желали бы, чтобы поступали по отношению к нам) сами по себе,

без страха перед какой-нибудь силой, заставляющей их соблюдать, противоречат естественным страстям, влекущим нас к пристрастию, гордости, мести и т.п. А соглашения без меча лишь слова, которые не в силах гарантировать человеку безопасность. Вот почему, несмотря на наличие естественных законов (которым каждый человек следует, когда он желает им следовать, когда он может делать это без всякой опасности для себя), каждый будет и может вполне законно применять свою физическую силу и ловкость, чтобы обезопасить себя от всех других людей, если нет установленной власти или власти достаточно сильной, чтобы обеспечить нам безопасность.

*Такая общая власть, которая была бы способна защищать людей от вторжения чужеземцев и от несправедливостей, причиняемых друг другу, и, таким образом, доставить им ту безопасность, при которой они могли бы кормиться от трудов рук своих и от плодов земли и жить в довольстве, может быть воздвигнута только одним путем, а именно путем сосредоточения всей власти и силы в одном человеке или в собрании людей, которое большинством голосов могло бы свести все воли граждан в единую волю. Иначе говоря, для установления общей власти необходимо, чтобы люди назначили одного человека или собрание людей, которые явились бы их представителями; чтобы каждый человек считал себя доверителем в отношении всего, что носитель общего лица будет делать сам или заставит делать других в целях сохранения общего мира и безопасности, и признал себя ответственным за это; чтобы каждый подчинил свою волю и суждение воле и суждению носителя общего лица. Это больше чем согласие или единодушие. Это реальное единство, воплощенное в одном лице посредством соглашения, заключенного каждым человеком с каждым другим таким образом, как если бы каждый человек сказал другому: я уполномочиваю этого человека или это собрание лиц и передаю ему мое право управлять собой при том условии, что ты таким же образом передашь ему свое право и санкционируешь все его действия. Если это совершилось, то множество людей, объединенное таким образом в одном лице, называется государством, по-латыни – *civitas*. Таково рождение того великого Левиафана или, вернее (выражаясь более почтительно), того смертного бога, которому мы под владычеством бессмертного Бога обязаны своим миром и своей защитой.*

Контрольные вопросы

1. Каковы главные причины возникновения государства и права в понимании Т. Гоббса?
2. Что такое Левиафан и в чем состоит цель его существования согласно Гоббсу?

Из трактата Жан-Жака Руссо
«Об общественном Договоре, или принципы политического права»

Человек рождается свободным, но повсюду он в оковах. Иной мнит себя повелителем других, что не мешает ему быть рабом в большей еще мере, чем они. Как совершилась эта перемена? Не знаю. Что может придать ей законность? Полагаю, что этот вопрос я смогу разрешить. Если бы я рассматривал лишь вопрос о силе и результатах ее действия, я бы сказал: пока народ принужден повиноваться и повинуется, он поступает хорошо; но если народ, как только получает возможность сбросить с себя ярмо, сбрасывает его, – он поступает еще лучше; ибо, возвращая себе свободу по тому же праву, по какому ее у него похитили, он либо имеет все основания вернуть ее, либо же вовсе не было оснований ее у него отнимать. Но общественное состояние – это священное право, которое служит основанием для всех остальных прав. Это право, однако, не является естественным; следовательно, оно основывается на соглашениях.

Политический организм или суверен, который обязан своим существованием лишь святости Договора, ни в коем случае не может брать на себя таких обязательств, даже по отношению к другим, которые сколько-нибудь противоречили бы этому первоначальному акту, как, например, отчуждение какой-либо части самого себя или подчинение себя другому суверену. Нарушить акт, благодаря которому он существует, значило бы уничтожить самого себя, а ничто ничего и не порождает. Как только эта масса людей объединяется таким путем в одно целое, уже невозможно причинить вред ни одному из его членов, не задевая целое, и тем более нельзя причинить вред целому так, чтобы члены его этого не почувствовали. Стало быть и долг, и выгода в равной мере обязывают обе договаривающиеся стороны взаимно помогать друг другу.

Этот переход от состояния естественного к состоянию гражданского производит в человеке весьма приметную перемену, заменяя в его поведении инстинкт справедливостью и придавая его действиям тот нравственный характер, которого они ранее были лишены. Только тогда, когда голос долга сменяет плотские побуждения, а право – желание, человек, который до сих пор считался только с самим собою, оказывается вынужденным действовать сообразно другим принципам и советоваться с разумом, прежде чем следовать своим склонностям. ... Сведем весь этот итог к легко сравнимым между собой положениям. По Общественному договору человек теряет свою естественную свободу и неограниченное право на то, что его прельщает и чем он может завладеть; приобретает же он свободу гражданскую и право

собственности на все то, чем обладает. Чтобы не ошибиться в определении этого возмещения, надо точно различать естественную свободу, границами которой является лишь физическая сила индивидуума, и свободу гражданскую, которая ограничена общей волей, а также различать обладание, представляющее собой лишь результат применения силы или право того, кто пришел первым, и собственность, которая может основываться лишь на законном документе. К тому, что уже сказано о приобретениях человека в гражданском состоянии, можно было бы добавить моральную свободу, которая одна делает человека действительным хозяином самому себе; ибо поступать лишь под воздействием своего желания есть рабство, а подчиняться закону, который ты сам для себя установил, есть свобода.

Контрольные вопросы

1. Что является источником права согласно Ж.-Ж. Руссо? Создает ли сила право?
2. Что такое общественный договор согласно учению Ж.-Ж. Руссо?

Из трактата Иммануила Канта «Метафизика нравов»

Понятие права, поскольку оно относится к соответствующей этому праву обязательности (т.е. его моральное понятие), во-первых, касается лишь внешних, и притом практических, отношений между лицами, поскольку их поступки как действия могут иметь (непосредственное или опосредствованное) влияние друг на друга. Во-вторых, понятие права означает не отношение произвола к желанию (следовательно, к чистой потребности) другого [лица], как это имеет место в благотельных или жестокосердных поступках, а лишь отношение к произволу другого [лица]. В-третьих, в этом взаимном отношении произвола не принимается во внимание даже материя этого произвола, т.е. цель, которую преследует каждый в отношении желаемого объекта, например не ставится вопрос, может ли получить и свою выгоду от товара тот, кто его покупает у меня для перепродажи, или не может; вопрос стоит лишь о форме отношения двустороннего произвола, поскольку он рассматривается исключительно как свободный, и о том, совместим ли в такой форме поступок одного из двух [лиц] со свободой другого, сообразной со всеобщим законом.

Итак, право – это совокупность условий, при которых произвол одного [лица] совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы.

Право связано с правомочием принуждать

Сопроотивление, оказываемое тому, что препятствует какому-нибудь действию, благоприятствует этому действию и согласуется с ним. Все неправоое препятствует свободе, сообразной со всеобщим законом, принуждение же препятствует свободе или оказывает ей сопротивление. Следовательно, когда определенное проявление свободы само оказывается препятствием к свободе, сообразной со всеобщими законами (т.е. неправым), тогда направленное против такого применения принуждение как то, что воспрепятствует препятствию для свободы, совместимо со свободой, сообразной со всеобщими законами, т.е. бывает правым; стало быть, по закону противоречия с правом также связано правомочие применять принуждение к тому, кто наносит ущерб этому праву.

Строгое право может быть представлено также как возможность полного взаимного принуждения, согласующегося со свободой каждого, сообразной со всеобщими законами. Это положение означает следующее: право нельзя мыслить состоящим из двух частей, а именно из обязанности по закону и из правомочия того, кто своим произволом обязывает другого, принудить его к этой обязанности; понятие права можно усмотреть не непосредственно в возможности сочетать всеобщее взаимное принуждение со свободой каждого. Как вообще право имеет своим объектом внешнюю сторону поступков, так и строгое право, т.е. такое, к которому не примешивается ничего этического, не требует никаких иных определяющих оснований произвола, кроме внешних; ведь именно тогда оно чисто и не смешано ни с какими нравственными предписаниями. Строгим правом (правом в узком смысле слова) можно, следовательно, назвать лишь совершенно внешнее право. Оно основывается, правда, на осознании обязанности каждого по закону, но для того, чтобы определить в соответствии с этим произвол, строгое право, чтобы быть чистым, не должно и не может ссылаться на это осознание как на мотив; поэтому оно опирается на принцип возможности внешнего принуждения, совместимого со свободой каждого, сообразной со всеобщими законами. — Итак, если говорят: кредитор имеет право требовать от должника уплаты его долга, то это не означает, что он может внушить должнику, что его собственный разум обязывает его к уплате; нет, принуждение, которое заставляет каждого делать это, вполне совместимо со свободой каждого, а следовательно, и с собственной свободой, сообразной со всеобщим внешним законом; таким образом, право и правомочие принуждать означают одно и то же. Закон взаимного принуждения, необходимо согласующегося со свободой каждого, кто

руководствуется принципом всеобщей свободы, есть как бы конструирование понятия чистого права, т.е. показ этого понятия в чистом априорном созерцании, по аналогии с возможностью свободных движений тел, подчиненных закону равенства действия и противодействия. Как в чистой математике мы не выводим свойства ее объекта непосредственно из понятия, а можем их раскрыть лишь путем конструирования понятия, так и здесь не столько понятие права, сколько полное взаимное и равное принуждение, подведенное под всеобщие законы и согласующееся с правом, делает возможным наглядное представление искомого понятия. Но в то время как в основе этого динамического понятия в чистой математике (например, в геометрии) лежит понятие чисто формальное, разум позаботился по возможности обеспечить рассудок и априорными созерцаниями для конструирования понятия права. – Правильное как прямое противоположно, с одной стороны, кривому, с другой – наклонному; прямое – это такое внутреннее свойство линии, когда между двумя данными точками возможна лишь одна линия; кривое – это положение двух пересекающихся или соприкасающихся линий, из которых также возможна лишь одна (перпендикулярная), наклоненная к одной стороне не больше, чем к другой, и одинаково делящая пространство по обе стороны; по аналогии с этим и учение о праве желает, чтобы свое было (с математической точностью) определенным для каждого, чего нельзя ожидать от учения о добродетели, так как оно не может не оставлять некоторое место для исключений.

Приложение к введению в учение о праве. О двусмысленном праве

I.I. Справедливость (Aequitas)

Справедливость (если рассматривать ее объективно) вовсе не основание для апелляции к этическому долгу других (к их благоволению и доброте); тот, кто требует чего-то на основании справедливости, опирается на свое право; но ему недостает необходимых для судьбы условий, позволяющих этому последнему решить, насколько или каким образом можно удовлетворить его притязания. Тот, кто, участвуя на равных паях в торговой компании, сделал больше других, но при этом из-за несчастных случаев потерял больше, чем другие члены компании, может по справедливости требовать от компании больше, чем равную часть. Однако по истинному (строгому) праву, поскольку – если представить себе в этом случае судью – судья не имеет точных данных, чтобы решить, сколько полагается этому лицу по контракту, ему бы отказали в удовлетворении его требования. Домашний слуга, которому набежавшее к концу года жалованье выплачивается в обесценившихся за

это время деньгах, причем на них он не может приобрести то, что мог бы купить тогда, когда заключал контракт, не может при одинаковой номинальной стоимости, но разной стоимости денег ссылаться на свое право; он может лишь взывать к справедливости (немому божеству, голос которого нельзя слышать), так как в контракте на этот счет ничего не было сказано, а судья не может выносить решение при неопределенных условиях [договора]. Отсюда следует, что суд справедливости (в споре других об их правах) содержит в себе противоречие. Лишь там, где речь идет о собственных правах судьи, и лишь в том, чем он может распоряжаться в пользу собственной особы, он может и должен прислушиваться к голосу справедливости; например, казна берет на себя убытки, которые потерпели другие у нее на службе и которые они умоляют ее возместить им, хотя по строгому праву она могла бы отклонить такое притязание под предлогом, что расходы были ими приняты на свой собственный риск. Правда, по сентенции (dictum) справедливости, «строжайшее право – это величайшая несправедливость»; но на пути права этому злу ничем помочь нельзя, хотя оно и имеет отношение к правовому требованию, потому что справедливость относится только к суду совести, а каждый правовой вопрос должен решаться на основании гражданского права.

I. II. Право крайней необходимости (Iusnecessitatis)

Этим мнимым правом считают правомочие в случае опасности потери моей собственной жизни отнять жизнь у другого, который не причинил мне никакого зла. Бросается в глаза, что здесь учение о праве противоречит самому себе; в самом деле, речь идет здесь не о человеке, несправедливо покушающемся на мою жизнь, которого я опережаю, отнимая жизнь у него, – случай, когда предложение быть воздержным относится даже не к праву, а только к этике, – речь идет здесь о дозволенном насилии против того, кто не употребил никакого насилия против меня. Ясно, что такое утверждение следует понимать не как объективное, основанное на том, что мог бы предписать закон, а лишь как субъективное, зависящее от того, как отнесется к вопросу суд. А именно не может быть никакого уголовного закона, карающего смертью того, кто, подвергаясь при кораблекрушении одинаковой с другим опасности для жизни, сталкивает этого другого с доски, на которой он спасся, дабы таким образом спасти самого себя. Ведь грозящая по закону кара не могла бы быть в этом случае больше, чем кара, состоящая в потере жизни, угрожавшей первому из них. Такой уголовный закон вообще не может иметь предполагаемое воздействие, ведь угроза несчастья, которая пока еще неопределенна (угроза смерти по

приговору суда), не может перевесить страх перед [совершенно] определенным несчастьем (а именно перед боязнью утонуть). Таким образом, насильственное действие ради самосохранения следует рассматривать не как нечто невиновное, а лишь как нечто ненаказуемое, и эта субъективная ненаказуемость по какому-то удивительному недоразумению считается учеными правоведами объективной ненаказуемостью (законсообразностью). Девиз права крайней необходимости гласит: «Нужда не знает закона»; и тем не менее не может быть такой нужды, которая сделала бы законсообразным то, что неправо. Мы видим, что в обоих правовых суждениях (по праву справедливости и праву крайней необходимости) двусмысленность проистекает от смешения объективных оснований осуществления права с субъективными (перед разумом и перед судом), так как то, что мы с полным основанием считаем для себя правом, может не найти подтверждения у суда, а к тому, что мы сами в отношении себя должны рассматривать как неправо, суд может проявить снисхождение, потому что понятие права в этих двух случаях берется не в одном и том же смысле.

Общее деление прав

1. Прав как систематических учений на естественное право, покоящееся на одних только априорных принципах, и положительное (статутарное) право, вытекающее из воли законодателя.

2. Прав как (моральной) способности обязывать других, т.е. как законного основания для них (*titulum*); основное деление этих прав – это деление на прирожденное и приобретенное право: первое – это такое право, которое принадлежит каждому от природы независимо от какого бы то ни было правового акта; второе – это право, для которого требуется правовой акт. Прирожденное мое и твое может быть названо также внутренним [правом], ибо внешнее [право] всегда должно быть приобретено. Прирожденное право только одно-единственное. Свобода (независимость от принуждающего произвола другого), поскольку она совместима со свободой каждого другого, сообразной со всеобщим законом, и есть это единственное первоначальное право, присущее каждому человеку в силу его принадлежности к человеческому роду. – Прирожденное равенство, т.е. независимость, состоящая в том, что другие не могут обязать кого-либо к большему, чем то, к чему он с своей стороны может их обязать; стало быть, свойство человека быть своим собственным господином, равно как и свойство безупречного человека, поскольку он перед лицом любого правового акта ни с кем не поступил не по праву; наконец, также правомочие совершать по отношению к другим то, что само по себе не уменьшает принадлежащего им, в случае если только они сами не

позаботятся об этом; точно так же [правомочие] делиться с другими лишь своими мыслями, рассказывать или обещать что-нибудь другим, будь то честно и искренне или нечестно и неискренне, потому что только от них зависит, хотят ли они этому человеку верить или нет, – все эти правомочия заложены уже в самом принципе прирожденной свободы и (как члены деления, подчиненные более высокому понятию права) действительно не отличаются от этой свободы. Цель, с которой подобное деление было введено в систему естественного права (поскольку это касается прирожденного права), такова: чтобы, в случае когда возникает спор по поводу приобретенного права и встает вопрос о том, кто обязан представить доказательства, касающиеся сомнительного поступка или, если таковой выявлен, сомнительного права, тот, кто отклоняет от себя это обязательство, мог методически и как бы на различных правовых основаниях ссылаться на свое прирожденное право свободы (которое конкретизируется в соответствии со своими различными отношениями). А так как в отношении прирожденных, стало быть внутренних, мое и твое нет [различных] прав, а есть лишь одно право, то указанное главное деление, как состоящее из двух по своему содержанию крайне неравных членов, может быть включено в пролегомены, а деление учения о праве может иметь отношение лишь к внешнему мое и твое. Когда намеренно, хотя бы только по легкомыслию, говорят неправду, это обычно называют ложью, потому что она наносит урон по меньшей мере в том отношении, что тот, кто чистосердечно ее повторяет, становится, как человек легковерный, посмешищем для других. Но в правовом смысле считается, что лишь та неправда должна называться ложью, которая наносит другому ущерб в его правах, например ложная ссылка на якобы заключенный с кем-то договор, дабы лишить его своего; такое различие весьма близких друг другу понятий не лишено основания: если кто-то просто излагает свои мысли, то другой волен принять их так, как он хочет, хотя не без основания высказанное после этого мнение, что это человек, чьим речам нельзя верить, столь близко к упреку в том, что он лжец, что границу, отделяющую здесь то, что принадлежит праву, от того, что относится к этике, можно различить только таким именно образом.

Контрольные вопросы

1. Каков всеобщий критерий права, согласно учению И. Канта, и что является его источником?
2. В чем отличие права и морали, правового и нравственного закона согласно учению И. Канта?

<...>

§ 2. С точки зрения права следует исполнять только всеобщую волю, не взирая на намерение или убеждение единичного человека, и вообще человек является предметом права только как свободное существо.

§ 3. Право заключается в том, чтобы с каждым в отдельности другой считался и обращался как со свободным существом, ибо лишь тогда свободная воля имеет в другом человеке самое себя в качестве предмета и содержания. Пояснение. В основе права лежит свобода отдельного человека, и право заключается в том, чтобы я обращался с другим как со свободным существом. Разум требует соблюдать право. По своей сущности каждый является свободным человеком. В силу своих особых состояний и свойств люди различны, но различие это не касается абстрактной воли, как таковой. Тут они суть одно и то же, и тут уважать другого – значит уважать самого себя. Именно это и приводит к тому, что нарушением права одного человека наносится оскорбление всем в их праве. Когда нарушено право другого, каждый чувствует себя задетым за живое, ибо право есть нечто всеобщее. Следовательно, правонарушение мы не можем считать чем-то таким, что нас непосредственно не касается. Мы чувствуем себя тем более оскорбленными им, что право есть нечто необходимое.

§ 4. Каждый, поскольку его признают свободным существом, есть лицо. Поэтому принцип права можно выразить и так: с каждым другой должен обращаться именно как с лицом.

Пояснение. Понятие личности включает в себя особенность Я или же отдельность как нечто свободное или всеобщее. Люди обладают личностью в силу своей духовной природы.

§ 5. Именно отсюда вытекает, что ни одного человека нельзя принуждать к чему-либо, кроме прекращения насилия, примененного им к другому. Пояснение. Бывают ограничения свободы и законы, допускающие, чтобы с людьми обращались не как с лицами, а как с вещью, например законы, разрешающие рабство.

§ 6. Поступок, стесняющий свободу другого человека или не признающий в нем свободную волю, является противоречащим праву. Пояснение. В абсолютном смысле по отношению к человеку, строго говоря, невозможно никакое принуждение, потому что каждый представляет собой свободное существо, ибо он может отстоять свою волю вопреки необходимости и отказаться от всего, что имеет отношение к его наличному бытию. Принуждение происходит следующим образом. С наличным бытием человека соединяют что-нибудь в качестве его условия так, что, если

он хочет сохранить первое, ему приходится мириться и со вторым. А так как наличное бытие человека зависит от внешних предметов, то он может быть поставлен в зависимость именно со стороны своего наличного бытия. Человека принуждают только тогда, когда он хочет чего-то, с чем связано еще и другое, а захочет ли он того, а с ним и другого или же не захочет ни того, ни другого, это зависит от его воли. Уж если его принуждают, то, к чему его склоняют, тоже в его воле. Принуждение есть в этом смысле лишь нечто относительное. Оно является справедливым, если к нему прибегают для того, чтобы добиться признания отдельным человеком. Такое насилие с известной точки зрения не является насилием и не противоречит достоинству свободного существа, ибо воля, какова она сама по себе, это и есть абсолютная воля каждого в отдельности. Свобода бывает вообще там, где господствует закон, а не произвол отдельного человека.

§ 7. Позволено, а потому и не предписывается правом все, что не стесняет свободы других, иначе говоря, все, что не препятствует их актам.

Пояснение. Право содержит, собственно говоря, только запрещения, а не приказания, а что не запрещается, то позволено. Но правовые запрещения могут быть выражены позитивно как приказания, например: ты должен соблюдать договор! Всеобщий правовой принцип, особенными применениями которого являются все другие, гласит: ты должен уважать собственность другого! Это не означает, что ты должен сделать для другого что-нибудь позитивное, произвести какое-то изменение в окружающих обстоятельствах, а требует только не совершать нарушения [права] собственности. Таким образом, если право и выражают как позитивное приказание, то это последнее лишь форма выражения, в основе которого по содержанию всегда лежит запрет.

§ 8. Подчиняя себе вещь, воля делает ее своей. Владение и есть эта подчиненность вещи моей воле.

Пояснение. Для подчинения нужно двоякое: нечто всеобщее и нечто единичное. Я подчиняю нечто единичное, если присваиваю ему всеобщее определение.

§ 9. Вещь, которой еще только намереваешься завладеть, должна быть 1) *res nullius* [ничьей], т.е. не быть такой вещью, которая уже подчинена другой воле.

Пояснение. Мне нельзя вступить во владение вещью, уже принадлежащей другому, не потому, что она вещь, а потому, что она его вещь. Ибо, вступая во владение этой вещью, я уничтожаю в ней тот предикат, что она его, и тем отрицаю волю этого человека. Воля же есть нечто абсолютное, чего я не могу превратить в нечто негативное.

Контрольные вопросы

1. Что такое право и что является его источником согласно учению Гегеля?
2. Что такое человек как юридическое лицо в понимании Гегеля?

Из книги Карла Маркса «К критике политической экономии»

В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства – от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче – от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении

всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления.

Контрольные вопросы

1. Что такое базис и надстройка согласно Карлу Марксу?
2. Что такое общественный конфликт и какое место занимают в нем юридические установления?

Из работы Евгения Николаевича Трубецкого «Лекции по энциклопедии права»

Прежде всего, несомненно, что право выражает собой правило поведения. В каком бы смысле мы ни употребляли слово «право», мы всегда подразумеваем под ним что-то такое, против чего не следует посягать, чего не должно нарушать; с этим словом в нашем уме всегда связывается то или другое повеление, предписание каких-либо положительных действий или воздержания от действий.

Всякому праву соответствует чья-либо обязанность, требование, обращенное к какому-либо лицу или лицам. Когда мы говорим о праве кредитора на получение долга, это значит, что определенное лицо – должник – обязан уплатить этот долг. Когда мы говорим о праве собственности какого-либо лица, это значит, что все прочие лица – не собственники – должны воздержаться от всяких посягательств против того, что составляет для них чужую собственность. Когда мы говорим о праве власти, мы непременно подразумеваем, что те или другие лица – подчиненные – обязаны повиноваться власти.

Если право всегда устанавливает чьи-либо обязанности, то столь же несомненно, что оно всегда выражает собою чьи-либо притязания. Во всяком праве есть одна сторона – лицо управомоченное, которое может требовать, и другая сторона – лицо или лица обязанные, которые должны исполнять требование. Собственник может требовать от всех прочих людей, чтобы они уважали его собственность; точно так же кредитор может предъявлять требование к должнику, власть – к подчиненному.

Из всего предшествовавшего видно прежде всего, что право неразрывно связано, во-первых, с существованием лица, которое является его обладателем и носителем, и, во-вторых, с существованием общества лиц, среди коих лицо управомоченное осуществляет свое право, к которым оно предъявляет свои требования.

Если всякое право непременно выражает собой притязания одних лиц, обязанности других, то ясное дело, что всякое право предполагает

общество и вне общества представляется невозможным. Представим себе лицо, совершенно изолированное, живущее вне всякого общества, вне всякого отношения к другим лицам: такое лицо, очевидно, не обладало бы никакими правами; нельзя говорить о правах собственности такого лица, о его праве на жизнь или на действия других лиц, ибо у него нет ближних, которые бы могли признавать или оспаривать эти права. Где нет лица или лиц, обязанных соблюдать чужое право, там нет и лица управомоченного, стало быть, нет и самого права.

Если мы и можем говорить о праве какого-нибудь Робинзона, живущего на необитаемом острове, то только в предположении какого-либо возможного ближнего, возможного общества других лиц, которые когда-либо нарушат его одиночество. Если мы, например, говорим о правах собственности Робинзона, то это не значит, очевидно, что неодушевленные стихии не должны портить его имущество или что дикие звери не должны посягать на его жизнь и расхищать его стада; это может значить только, что всякое другое разумное лицо, которое может появиться на острове Робинзона, не должно посягать на принадлежащие ему вещи.

Таким образом, всякое право предполагает общество: только в предположении общества разумных лиц можно говорить о праве; с другой стороны, не может существовать и общества разумных лиц без права. Представим себе такое собрание людей, где никто не признавал бы за своим соседом никаких прав, стало быть, ни права на жизнь, ни права на имущество; очевидно, что такое собрание людей не было бы обществом; люди могут составлять общество только при том условии, если за отдельными лицами признается известная сфера, в которой должны господствовать его цели, иначе говоря, если за ним признается сфера прав, коих не должны нарушать его ближние. Право, таким образом, есть условие всякого общества: оно – тот общий порядок, которому должно подчиняться как целое общество, так и каждый отдельный его член. Живя в обществе, я должен сознательно поступиться в пользу ближнего целым рядом эгоистических интересов и целей: я должен уважать чужую жизнь, свободу и имущество; так же должен относиться ко мне мой ближний; все мы должны почитать право, как общий порядок, который должен господствовать над волей каждого из нас. Отсюда – первое и самое общее определение права: право есть порядок, регулирующий отношения отдельных лиц в человеческом обществе.

Контрольные вопросы

1. Что представляет собой право в общем виде согласно кн. Е.Н. Трубецкому?
2. Как право связано с понятием лица и обществом?

Глава 3. ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА

Философия языка – это раздел философского знания, изучающий взаимосвязь мышления и языка, а также конструктивную роль языка, слова и речи в различных формах дискурса, в познании и сознательной деятельности человека.

Философский анализ языка предполагает его рассмотрение в контексте исторических форм рациональности, обусловленных целостным характером культуры каждой эпохи. Так, Парменид впервые вводит в философию принцип тождества бытия и мышления, формирующий парадигму «метафизического мышления» и классической рациональности. Отныне мир рассматривается в диалектике единого и многого, тождества и различия, покоя и движения, умопостигаемого и чувственного. Представления о космосе как множестве вещей, обозначаемых посредством слов, закрепляются в определенных языковых концептах. В учении Парменида связь между словами и вещами осуществляется в сфере «мыслимого», порождая дуализм чувственного мира «по мнению» и рационального мира «по истине», что открывает философскую дискуссию о соотношении бытия, мышления и языка.

Язык представляет собой совокупность имен вещей, посредством которых можно выявлять сущность предметов. Философия имени получает свое развитие в учении Гераклита о Логосе, который, с одной стороны, означает всеобщий строй и порядок мира, а с другой – слово, понятие, учение, где Логос уже отождествляется с разумом и языком. Он означает единство слова (речи) и мысли (разума), смысла и предмета, которые находятся в «огненной стихии» изменчивых значений. Язык для Гераклита является средством выражения не просто мысли, но самой сущности вещей, их объективного «логоса» – голоса. Вещи способны «вещать», превращаясь в знаки. В идеализме Платона язык выступает как связующее звено между миром идей и миром вещей и выполняет репрезентирующую функцию, впоследствии представленную в инструменталистской концепции языка.

Аристотель разрабатывает семантическую теорию языка, согласно которой слова, выражаемые звуками, есть символы представлений в душе человека, а письма являются знаками слов устной речи. Тексты, как и звучание слов, имеют условный характер и могут различаться, но то, непосредственными знаками чего служат слова, а именно представления в душе, у всех людей одинаково, как одинаковы и предметы, подобия которых суть представления. Таким образом, язык имеет конвенциональный характер и допускает условную связь между именем и вещью, где имя есть звук, наделённый значением в соответствии с соглашением. Од-

нако внутренняя семантическая структура, связывающая чувственные восприятия с ментальными репрезентациями реальности, у всех языков принципиально идентична. У Аристотеля конвенциональные операции синтеза умственных представлений с языком, должны корректироваться логической определённой высказываний, в которых содержится истинное или ложное, ведь ложное и истинное не находятся в самих вещах, а имеются в рассуждающей мысли. Таким образом, процесс взаимосвязи языка и мышления включает формальную логику, а сам язык понимается как средство выражения мысли, имеющей объективно-идеальную структуру однозначных смыслов. Семантическая структура языка задает и перспективу категориального расчленения мира, поскольку категории как типы связки в суждениях отождествлялись с предложениями, а типы связки субъекта и предиката весьма различны в разных языках. В логике Аристотеля категории выступают как «роды» бытия и формы его познания, задают параметры истолкования мира. Любое познание сущности выражается в её дефиниции, а в логике определение есть речь, обозначающая суть бытия вещи.

Философия поздней античности продолжает рассматривать язык в рамках классической модели как средство выражения мысли. В отличие от философии имени в учении стоиков языковые значения уже отделяются от самих вещей и предстают в определенном знаковом выражении. Стоическая логика специально фиксирует сферу нетелесных значений («лектон»); наряду с обозначающим в ней выделяются предмет и обозначаемое: означающее – это звуковой комплекс речи, предмет – внешний субстрат, а обозначаемое есть выражаемое звуком смысловое содержание («высказываемое»). Лектон есть своего рода «словесная предметность», или смысл, который мы имеем в виду в процессе обозначения предмета. Любое высказывание становится интерпретацией, поскольку мы передаем мыслимое с помощью слов. Семантика истинности в стоицизме связывается с идеей «каталептической фантазии» (*phantasia kataleptike*). Каталепсия – это постигающее, «схватывающее» представление, которое содержит в себе самоочевидные признаки истинности.

Средневековая философия, опираясь на семантические функции языка, репрезентирует религиозную картину мира, в которой слово не просто «великий властелин», как у софистов, но и сам Господь: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог...». Слово выполняет креативную функцию, оно есть первое воплощение идеального в материальном, через которое осуществляется божественное творение. Язык становится онтологией мира, формирующей не только «картину» мира, но и сам мир – природу и человека. Слово обретает онтологическое измерение, определяющее видение и понимание мира, а текст становится посредни-

ком в отношениях между человеком и структурой умопостигаемой реальности. Познание происходит в виде комментариев и толкований текстов, а знание вырабатывается не с помощью слова, но из слова и слова о слове. В процессе истолкования нужно восходить от мира видимого к невидимому, от буквы к таинству. Слова есть «выход» «сверхчувственного» в реальный предметный мир, и наоборот, слова расслаиваются на значения, ведущие от мира ощущений в мир трансцендентального смысла. Они становятся чудесными «зеркалами», отражающими мир и выражающими дух. Языковой символизм придавал пространству новое измерение, невидимое глазу, но постигаемое с помощью серии интерпретаций: «Буква убивает, дух оживляет» (Св. Павел). Проблема взаимоотношения языка и мышления нашла свое выражение в теологической герменевтике и экзегезе, в споре номиналистов и реалистов о природе универсалий.

Философия Нового времени привносит новые идеи в классическую парадигму языка, связанную с вопросами онтологии языка и возможностью создания всеобщего рационального языка науки. Проблематика языка разрабатывается в эмпирической гносеологии Ф. Бэкона, Т. Гоббса и Дж. Локка, в классическом рационализме Р. Декарта, логико-философской концепции Г.В. Лейбница. Согласно Ф. Бэкону, Бог дал человеку две книги – Священное Писание, раскрывающее божью волю, и «Книгу природы», раскрывающую его могущество. Поэтому познание он называет «истолкованием природы», только природа намного тоньше и сложнее самой изощренной речи. Логическая форма мысли состоит из предложений, предложения – из слов, а слова – это символы и знаки понятий. В учении об «идолах площади» Бэкон раскрывает влияние языка на процесс познания так, что иногда слова прямо «насилуют разум» и «поднимают шум», смешивают всё и ведут людей к пустым спорам и толкованиям. Язык, для Бэкона, есть не просто средство общения и выражения мысли, но и всеобъемлющая предвосхищающая истолкованность мира, делающая для нас этот мир членораздельным. Позднее Ф. Бэкон выскажет мысль о создании некоей грамматики, которая бы тщательно исследовала не аналогию между словами, но аналогию между словами и вещами, т.е. смысл, выходящий за пределы логических толкований. Такая языковая структура мира предстаёт как «письменность вещей и вещность слов».

В философии Д. Локка имена образуются из идей, подобных вещам, а сложные идеи возникают из простых, что означает первичность мышления по отношению к языку. Подобная позиция представлена и у Т. Гоббса, считающего слова только «метками» вещей, передающими смысл. В рационализме Р. Декарта и Г.В. Лейбница выдвигается идея создания точного универсального языка науки, в котором бы не было недостатков обычной речи, а означаемое и означающее, понятие и знак совпадали. Об-

разцовым языком они считали язык математики, с её принципами классификации и формализации. Конструирование такого научного языка зависит от истинной философии и умения упорядочивать мысли, выражающие все, что существует в мире, по аналогии с числовыми рядами. Тогда ученые перестали бы спорить, а просто бы сели и посчитали.

Новый взгляд на природу и структуру языка вырабатывается во «Всеобщей рациональной грамматике» (или «Логике Пор-Рояля»), которая дает начало лингвистическому исследованию и развитию общего языкознания. Её авторы А. Арно и П. Николь, на основе методологических принципов Р. Декарта и Б. Паскаля, объясняют функционирование языка с помощью логики, полагая, что язык является изобретением человека и находится в соответствии с мышлением и формами разума. Всякое рассуждение представляет собой не что иное, как соединение имен при помощи слов. Посредством разума мы ничего не заключаем о природе вещей, мы только судим об их наименованиях. Рассуждение зависит от слов, слова – от воображения, а воображение от органов чувств человека.

Поиск новой теории языка предпринимает Дж. Вико на основе принципа *verum et factum convertuntur* (истинное и содеянное совпадают), т.е. человек может понять только то, что сделано им самим. Мысль и её внешний предметный образ имеют один и тот же источник. Идея и чувственный образ едины в истоках языка и мышления древних народов; они развиваются из одного и того же начала – живой предметной человеческой практики. Поэтому познаваемое должно быть создано самим познающим субъектом. В рационализме эти предпосылки познания и языка осознаются в концепции «врождённых идей» Р. Декарта, «предустановленной гармонии» Г.В. Лейбница. Сам Дж. Вико рекомендует в процессе языкового мышления руководствоваться человеческим «здравым смыслом».

В немецкой классической философии (И. Кант, И.Г. Фихте, Ф. Шеллинг, Г.В.Ф. Гегель) преобладают идеи трансцендентализма в понимании мышления и языка. И. Кант разрабатывает концепцию трансцендентального субъекта познания с присущими ему априорными формами чувственности и рассудка, где язык представляет собой обозначение и выражение мыслей. Кантовский трансцендентализм фокусируется не на языке, а на взаимодействии чувственности с рассудком, в котором приоритет отдается понятийному мышлению, а не языку. Язык в классической философии – зеркало рассудка. Конечно, структура языка задавала определенную перспективу категориального расчленения мира, поскольку понятия выявлялись как типы связки в суждениях и отождествлялись с предложениями. Но здесь отсутствует языковая детерминация мышления, а познание состоит не в согласовании созерцаний и понятий с предметами, но в приложении к предметам форм когнитивных способностей субъекта.

Априорные формы чувственности и рассудка являются общими для всех людей и имеют универсальную значимость. В философии Г. Гегеля мышление рассматривается не как субъективная способность человека, а как идеальная структура мироздания, реализующаяся в языке. Язык выступает как форма объективации и выражения духа. Именно в языке мышление окончательно возвращается к самому себе из всех циклов своих отчуждений, вновь обретая тот первоначальный облик, который оно имело до своего грехопадения, до сотворения природы и какого бы то ни было конечного духа. Действительным мышлением Гегель называет дух, реализующийся не только в словах, но и в человеческих делах. Поэтому логическая форма выражает у него суть речи и дела, не только “Sage”, но и “Sache”, составляя общую схему деятельности человека на основе принципа тождества бытия и мышления.

В философии проявляется и другая перспектива исследования языка, связанная с критикой трансцендентальной философии языка как органа рассудка и созвучная идеям Г. Гегеля. Так, В. фон Гумбольдт трактует язык как созидательный процесс, не как продукт деятельности (Ergon), а как деятельность (Energeia). Из формы выражения духа язык становится создателем мира, находящегося между миром внешних явлений и внутренним миром человека. Данный языковой мир есть плод энергетической активности и мирозерцания народа. Язык не творец и не продукт объективного духа, он выражается в зависимости человека от унаследованного им языка, он носитель властных полномочий и социальной силы, влияющей на сознание индивида. Позднее в философии стал использоваться термин «лингвистическое кантианство», выражающий идею об определяющей роли языка в мышлении и познании. В нем в качестве активного начала рассматривается не внешний мир или априорные способности субъекта, а нечто среднее между ними – язык как трансцендентальный посредник между мышлением и бытием.

Вместе с тем в классической философии языка сохраняется стремление очистить структуры знания и мышления от сопряженности с языком, повернуть критическую рефлексия от мышления, погруженного в игру тождеств и различий, в метафоры и аллегории, в полисемию естественного языка, к чистому мышлению в понятиях, имеющих безличное и объективное значение. Ф. Ницше отмечал, что все заблуждения и предрассудки связаны с языком, с онтологизацией и гипостазированием слов-фикций, прародителей современных «фейков». Ф. Ницше называл немецкий идеализм «метафизикой языка». Ф. Маутнер на основе принципа тождества мышления и речи выдвигает программу критики языка как источника антропоморфизма, анимизма, гилозоизма, фетишизма и метафоричности человеческого духа.

Позднее в языкознании возникают концепции, развивающие и трансформирующие идеи В. Гумбольдта. Так, Г. Штейнталь выделяет в языке речь, способность к языку и материал языка. К. Бюлер в своей теории языка выдвигает ряд аксиом нового языкознания – 1) язык как органон, 2) как знаковая система, 3) как речевое действие и речевой акт, 4) как языковое произведение (структура), 5) как системы из слов и предложений. Неогумбольдтианство (Л. Вейсгербер, Г.Г. Шпет) исследует природу языка в аспекте миропонимания, где естественный язык есть орган создания мысли и постижения мира и, обратившись к внутренней форме языка, рассматривает образование форм духа посредством языка и в языке.

Особенностью лингвистики XX в. является соединение структурализма и семиотики. Основатель структурализма Ф. де Соссюр проводит различие между нормативным языком и речью как совокупностью актов. Ч. Моррис исследует процесс семиозиса в трех измерениях: через взаимоотношение знака с другими знаками и знаковой системой в целом (синтаксис), в отношении знака к предмету, который он обозначает (семантика), в отношении к говорящему, использующему те или иные знаки (прагматика). В философии языка в XX в. происходит так называемый лингвистический поворот, связанный с дифференциацией самого языкознания и формированием корпуса научных дисциплин, изучающих язык в различных формах, модусах и аспектах. Для философии характерен интегративный образ языка, позволяющий найти способы категориально-методологического синтеза разнообразных лингвистических дисциплин и теорий.

Лингвистический поворот происходит также в самой философии, которая уже рассматривает язык как особую реальность, задающую категориальное расчленение мира и формирующую сознание человека. Онтология языка проявляется в различных философских школах – от диалогической философии Ф. Эбнера, М. Бубера и М.М. Бахтина, где интерсубъективная природа языка формируется в диалоге между Я и Ты, концепции лингвистической относительности К. Сепира и Б.Л. Уорфа, подчеркивающей зависимость наших знаний от языковых средств, и до герменевтической онтологии М. Хайдеггера, где язык понимается как дом духовного бытия человека. Онтологизм в понимании языка сохраняется и в философии имени (А.Ф. Лосев, С. Булгаков, П.А. Флоренский), где имя понимается как реальность, определяющая бытие и его познание.

Неопозитивизм, начиная с трудов Г. Фреге, стремился понять язык как средство общения и разрабатывал синтаксис языка (Р. Карнап и др.), в котором роль философии сводилась к логическому анализу языка и языковой терапии (Б. Рассел, Дж. Айер). Данный подход, связанный с различением языка-объекта и метаязыка, а также с ориентацией на анализ структур

языка науки, нашел продолжение в генеративной грамматике Н. Хомского. Л. Витгенштейн в своем «Логико-философском трактате» усматривал задачу философии в прояснении слов, а позднее, в «Философских исследованиях», выдвинул теорию «языковых игр», в которой значение слов обусловлено словоупотреблением (прагматикой), а использование языка понимается как вид языковой активности. Интерес к языковой прагматике характерен как для инструментализма и прагматизма (Д. Дьюи, К.И. Льюис, У.В.О. Куайн), так и для анализа обыденного языка (Д. Уиздом, Д. Райл, Д.Л. Остин, П.Ф. Стросон), где философия занимается анализом употребления языка и выявлением его смыслового богатства.

После господства в философии языка семиотики и структурализма, в 70-е гг., в центре внимания оказываются семантика искусственных и естественных языков, синтаксические аспекты которых анализируются в единстве с семантикой, экспликацией истин и логического следования. Л.С. Выготский выдвигает идею о смысловом синтаксисе внутренней речи. В теории речевых актов (Д. Остин, Дж. Сёрль) языковые выражения рассматриваются не как предметы, а как действия. При этом лингвистика обращается к изучению более крупных языковых единиц, чем предложение (лингвистика текста, анализ дискурса), что трансформирует её предмет и методологию. Предметом исследования становятся не объективные понятия с однозначными значениями, а концепты, формирующиеся вербальным мышлением в актах речи, практического употребления языка и в различных концептах мира (А. Вежбицкая, Н.Д. Арутюнова). При этом вырабатываются программы семантики культуры и происходит поворот лингвистики к неориторике, начатой А.А. Ричардсом в «Философии риторики» (*The philosophy of rhetoric*. Oxf., 1936), что позволяет выявить новые аспекты функционирования языка (структура диалога, речь и язык, письменность и речь, языковая коммуникация), раскрыть связь логики с процедурами речевой аргументации, расширить область значений до универсального континуума смыслов, выражающихся в концептах, в системе общих топосов (мест), и обратить внимание на процедуры как понимания текста, так и достижения консенсуса. Анализ речевого дискурса приводит к построению нарратологии и различных концепций рассказа и устной речи, к осознанию эвристической функции метафор (М. Фосс, М. Хессе, П. Рикер), связи языка и стиля (Г. Винокур, Д. Лайонз).

Таким образом, предмет современного языкознания и философии языка существенно расширяется. Он включает в себя не только изучение языка как формы активности мышления, но и речь, формы использования языка и речевой коммуникации, понятые как способы действия, формирующие континуум смыслов, обладающих полисемичностью и омонимией, предполагающих в качестве способов своего выражения раз-

личные фигуры речи, метафоры и тропы. Наряду с логическим анализом языка в философии становятся популярными герменевтические концепции языка (Х.Г. Гадамер и П. Рикер), трансцендентальная прагматика К.О. Апеля, теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, структурный психоанализ Ж. Лакана, которые исследуют широкий спектр языковых проблем – речевые высказывания, языковые коммуникации, семантику и прагматику языка.

Публикуемые тексты приводятся по изданиям:

Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания // Сочинения. – М.: Мысль, 1978. – 556 с.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. – М.: Прогресс, 2000. – 400 с.

Локк Дж. Опыт о человеческом разумении / пер. с англ. А.Н. Савина. Книги 1, 2, 3 // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1985. – 623 с.

Соссюр де Ф. Труды по языкознанию / под ред. А.А. Холодовича. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.

Хомский Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли: пер. с англ. / предисл. Б.П. Нарумова. – М.: КомКнига, 2005. – 232 с.

Из трактата Джона Локка «Опыт о человеческом разумении»

Г л а в а т р е т ь я. ОБ ОБЩИХ ТЕРМИНАХ. 1. Слова в большинстве своем носят общий характер. Так как все существующие вещи единичны, то могло бы казаться разумным, что такими будут также и слова (я имею в виду их значение), которые должны быть сообразны вещам; однако мы видим совершенно противоположное. Наибольшая часть слов, составляющих все языки, – общие термины; и это результат не небрежности или случая, а здравого смысла и необходимости. 2. Каждая отдельная вещь не может иметь свое название. Во-первых, невозможно, чтобы каждая отдельная вещь имела свое особое название. Значение и употребление слов зависит от создаваемой умом связи между идеями и звуками, употребляемыми в качестве их знаков; поэтому необходимо, чтобы ум, давая названия вещам, имел отличные друг от друга идеи вещей, а также удерживал в памяти особое название, относящееся к каждой идее, с его особым применением для данной идеи <...> 3. Это было бы бесполезно. Во-вторых, если бы даже это было возможно, это было бы бесполезно, ибо расходилось бы с главной целью языка. Люди напрасно накапливали бы названия отдельных вещей, они не были бы им полезны для

передачи их мыслей. Люди обучаются словам и употребляют их в разговоре с другими только для того, чтобы их поняли; а достигается это лишь тогда, когда благодаря употреблению или соглашению звук, который я произношу своими органами речи, вызывает в уме слушателя идею, к которой я отношу его в моем уме, когда говорю. Этого нельзя достигнуть при помощи названий, относимых к единичным вещам, идеи которых имеются лишь в моем уме <...>. 4. В-третьих, если даже и это признать возможным, все же особое название для каждой отдельной вещи не принесло бы большой пользы совершенствованию знания, которое хотя и основано на единичных вещах, но расширяется благодаря общим воззрениям, чему прямо содействует сведение вещей в виды под общими названиями. <...> Поэтому люди пользуются именами собственными для своего вида [живых существ], с которым у них всего больше дела и применительно к которому им часто бывает необходимо говорить об отдельных лицах; здесь отдельные индивидуумы имеют отдельные имена. 5. Какие вещи имеют собственные имена? Помимо лиц особые названия по той же самой причине есть обычно и у стран, городов, рек, гор и других подобных определенных мест, ибо людям часто необходимо отмечать их в отдельности и, так сказать, представлять их перед другими в своих разговорах с ними. <...> 6. Как образовались общие термины? Ведь все вещи существуют только в отдельности; как же мы приходим к общим терминам или где находим те общие сущности вещей, которые, как полагают, обозначаются ими? Слова приобретают общий характер оттого, что их делают знаками общих идей. А идеи становятся общими оттого, что от них отделяют обстоятельства времени и места и все другие идеи, которые могут быть отнесены лишь к тому или другому отдельному предмету. Посредством такого абстрагирования идеи становятся способными представлять более одного индивида, и каждый индивид, имея в себе сообразность с такой отвлеченной идеей, принадлежит к этому виду. <...> 9. Общая природа вещей есть не что иное, как отвлеченная идея. Что именно таким путем люди впервые образовали общие идеи и общие имена для них, это, по моему мнению, настолько очевидно, что не нуждается в каких-либо других доказательствах помимо наблюдения над собою или над другими и над обычными действиями ума при познании <...>. В самом деле, пусть всякий подумает и скажет мне, чем идея «человек» отличается от идеи «Петр» и «Павел» или идея «лошадь» от идеи «Буцефал», как не тем, что исключает то, что свойственно только каждой особи и удерживает из этих отдельных сложных идей различных отдельных предметов лишь то, в чем они сходятся? Если из сложных идей, обозначаемых словами «человек» и «лошадь», исключить лишь особенности, которыми они различаются, удержать только то, в

чем они сходятся, образовать из этого новую, отличную от других сложную идею и дать ей имя «животное», то получится более общий термин, обнимающий собой вместе с человеком различные другие существа. Исключите из идеи «животное» чувство и самопроизвольное движение, и получаемая в остатке сложная идея, состоящая из остающихся простых идей «тело, жизнь и питание», становится более общей под более широким термином *vivens*. И чтобы не останавливаться дальше на этих столь очевидных обстоятельствах, скажем, что тем же самым путем ум приходит к понятиям «тело», «субстанция» и, в конце концов, к понятиям «сущее», «вещь» и к таким общим терминам, которыми обозначают любую из наших идей. Итак, вся тайна родов и видов, которая производит столько шума в университетах, а вне их вполне справедливо обращает на себя так мало внимания, – это лишь более или менее обширные отвлеченные идеи, снабженные именами. При всем этом постоянно и неизменно здесь лишь то, что каждый более общий термин обозначает такую идею, которая составляет лишь часть какой-нибудь из идей, им объемлемых. <...> 11. Общее и всеобщее – это создания разума. Вернемся к общим словам. Из сказанного выше ясно, что общее и всеобщее не относятся к действительному существованию вещей, а изобретены и созданы разумом для его собственного употребления и касаются только знаков – слов или идей. Слова бывают общими, как было сказано, когда употребляются в качестве знаков общих идей и потому применимы одинаково ко многим отдельным вещам; идеи же бывают общими, когда выступают как представители многих отдельных вещей. Но всеобщность не относится к самим вещам, которые по своему существованию все единичны, не исключая тех слов и идей, которые являются общими по своему значению. Поэтому, когда мы отбрасываем единичное, то общее, которое остается, есть лишь то, что мы сами создали, ибо его общая природа есть не что иное, как данная ему разумением способность обозначать или представлять много отдельных предметов; значение его есть лишь прибавленное к нему человеческим разумом отношение. 12. Отвлеченные идеи составляют сущность родов и видов. Ближайшим предметом исследования должен быть поэтому вопрос: какого рода значение имеют общие слова? Ведь ясно, что они не обозначают просто отдельную вещь, ибо тогда они были бы не общими терминами, а именами собственными. С другой стороны, очевидно, что они не обозначают и множества, ибо в таком случае слова «человек» и «люди» обозначали бы одно и то же, а различие [единственного и множественного] «чисел» (как их называют грамматически) было бы излишним и бесполезным. Значит, общие названия обозначают виды вещей; и каждое из таких слов достигает этого благодаря тому, что оно есть знак отвлеченной в уме

идеи; и, поскольку существующие вещи оказываются соответствующими этой идее, постольку их ставят под ее имя, или, что то же самое, [говорят, что] они принадлежат к этому виду. Отсюда очевидно, что сущности видов, или (если больше нравится латинское слово) *species* вещей, суть не что иное, как эти отвлеченные идеи. Так как вещь становится принадлежащей к данному виду оттого, что обладает сущностью этого вида, и так как право называться этим видом дает сообразность с идеей, с которой связано это имя, то обладание этой сущностью и обладание этой сообразностью необходимо должно быть одним и тем же, ибо одно и то же – принадлежать к какому-то виду и иметь право называться этим видом. <...> И так как быть человеком или иметь право называться человеком может только то, что сообразно с отвлеченной идеей, обозначаемой словом «человек», и так как быть человеком или иметь право принадлежать к виду «человек» может только тот, кто обладает сущностью этого вида, то из этого следует, что обозначаемая названием отвлеченная идея и сущность вида – одно и то же. Отсюда легко заметить, что сущности видов вещей и, следовательно, деление вещей на виды есть работа разума, абстрагирующего и составляющего эти общие идеи.

Контрольные вопросы

1. Какой характер имеют слова по отношению к вещам?
2. От чего зависит значение слов при их употреблении?
3. Для чего люди учат слова и употребляют их в речи?
4. Чем отличаются термины «род», «вид» и «индивид»?

Из трактата Джорджа Беркли «О принципах человеческого знания»

19. Но чтобы дать дальнейший отчет в том, каким образом слова привели к возникновению учения об абстрактных идеях, нужно заметить, что существует ходячее мнение, будто язык не имеет иной цели, кроме сообщения наших идей, и будто каждое имя, что-либо обозначающее, обозначает идею. Сделав такое предположение и вместе с тем считая за достоверное, что имена, которые не признаются лишенными значения, не всегда выражают мыслимые частные идеи, категорически заключают отсюда, что они обозначают абстрактные понятия. Что мыслителями употребляются некоторые имена, которые не всегда возбуждают в других людях определенные частные идеи, – этого никто не станет отрицать. И требуется весьма небольшая доля внимания для обнаружения того, что нет необходимости, чтобы (даже в самых строгих рассужде-

ниях) имена, которые что-либо обозначают и которыми обозначаются идеи, возбуждали в уме каждый раз, как только они употребляются, те самые идеи, для обозначения которых они образованы, так как при чтении и разговоре имена употребляются по большей части, как буквы в алгебре, где, несмотря на то, что каждой буквой обозначается некоторое частное количество, для верного производства вычисления не необходимо, чтобы на каждом шагу каждой буквой возбуждалась в нас мысль о том частном количестве, которое она должна обозначать.

20. Сверх того, сообщение идей, обозначаемых словами, не составляет, как это обыкновенно предполагается, главной или единственной цели языка. Существуют другие его цели, как, например, вызов какой-либо страсти, возбуждение к действию или отклонение от него, приведение души в некоторое частное состояние, – цели, по отношению к которым вышеназванная цель во многих случаях носит характер чисто служебный или даже вовсе отсутствует, если указанные цели могут быть достигнуты без ее помощи, как это случается нередко, я полагаю, при обычном употреблении языка. Я приглашаю читателя подумать над самим собой и посмотреть, не случается ли часто при слушании речи или чтении, что страсти страха, любви, ненависти, удивления, презрения и т.п. непосредственно возникают в его душе при восприятии известных слов без посредства какой-либо идеи. Первоначально, может быть, слова действительно возбуждали идеи, способные производить подобные душевные движения; но, если я не ошибаюсь, оказывается, что когда речь становится для нас обычной, то слушание и видение знаков часто непосредственно влекут за собой те страсти, которые первоначально вызывались лишь через посредство идей, теперь совершенно опускаемых. Разве обещание хорошей вещи не может, например, возбудить в нас чувства...? Или разве недостаточно угрозы опасностью для возбуждения страха, хотя бы мы не думали о каком-либо частном зле, которое, вероятно, угрожает постигнуть нас, и не образовали абстрактной идеи опасности? Если кто-нибудь хоть немного поразмыслит над собой по поводу сказанного, то я полагаю, что он, наверное, придет к заключению, что общие имена часто употребляются как составные части языка, без того, чтобы говорящий сам предназначал их служить знаками тех идей, которые он желает вызвать ими в уме слушателя. Даже собственные имена, по-видимому, не всегда употребляются с намерением вызвать в нас идеи тех индивидов, которые, как предполагается, ими обозначаются <...>.

21. Мне кажется, мы выяснили невозможность абстрактных идей. Мы взвесили то, что было сказано в их пользу искуснейшими их защитниками, и постарались показать, что они бесполезны для тех целей, ради

которых они признаются необходимыми. И, наконец, мы проследили источник, из которого они вытекают, каковым, очевидно, оказался язык. Нельзя отрицать, что слова прекрасно служат для того, чтобы ввести в кругозор каждого отдельного человека и сделать его достоянием весь тот запас знаний, который приобретен соединенными усилиями исследователей всех веков и народов. Но большая часть знаний так удивительно запутана и затемнена злоупотреблением слов и общепринятыми оборотами языка, которые от них проистекают, что может даже возникнуть вопрос: не служил ли язык более препятствием, чем помощью успехам наук? Так как слова столь способны вводить в заблуждение ум, то я решил в моих исследованиях делать из них возможно меньшее употребление; я постараюсь, какие бы идеи мной ни рассматривались, держать их в моем уме очищенными и обнаженными, удаляя из моих мыслей, насколько это возможно, те названия, которые так тесно связаны с ними путем продолжительного и постоянного употребления, из чего, как я могу ожидать, проистекают следующие выгоды.

Контрольные вопросы

1. Как слова связаны с абстрактными идеями?
2. Для каких целей, кроме сообщения идей, могут использоваться слова?
3. Могут ли слова вводить в заблуждение человеческий разум?

Из работы Вильгельма фон Гумбольдта «Избранные труды по языкознанию»

Усвоение языка детьми – это не ознакомление со словами, не простая закладка их в памяти и не подражательное лепечущее повторение их, а рост языковой способности с годами и упражнением <...>. Что у детей происходит не механическое выучивание языка, а разворачивание языковой способности, доказывается еще и тем, что коль скоро для развития главнейших способностей человека отведен определенный период жизни, то все дети при разных обстоятельствах начинают говорить и понимать внутри примерно одинаковых возрастных пределов с очень небольшими колебаниями <...>.

Язык есть орган, образующий мысль (*Die Sprache ist das bildende Organ des Gedanken*). Интеллектуальная деятельность, совершенно духовная, глубоко внутренняя и проходящая в известном смысле бесследно, посредством звука материализуется в речи и становится доступной для чувственного восприятия. Интеллектуальная деятельность и язык представляют собой поэтому единое целое. В силу необходимости мышление

всегда связано со звуками языка; иначе мысль не сможет достичь отчетливости и ясности, представление не сможет стать понятием. Нерасторжимая связь мысли, органов речи и слуха с языком обуславливается первичным и необъяснимым в своей сущности устройством человеческой природы <...>

Четкая определенность речевого звука необходима рассудку для восприятия предметов. Как предметы внешнего мира, так и возбуждаемая внутренними причинами деятельность воздействуют на человека множеством признаков. Однако рассудок стремится к выявлению в предметах общего. Он сравнивает, расчленяет и соединяет и свою высшую цель видит в образовании все более объемлющего единства. Рассудок воспринимает явления в виде определенного единства и поэтому добивается единства и от звука, призванного встать на их место <...>.

Деятельность органов чувств должна вступить в синтетическую связь с внутренним процессом деятельности духа; и лишь эта связь обуславливает возникновение представления, которое становится объектом, противопоставляясь субъективной силе, и, будучи заново воспринято в качестве такового, опять возвращается в сферу субъекта. Все это может происходить только при посредстве языка. С его помощью духовное стремление прокладывает себе путь через уста во внешний мир, и затем в результате этого стремления, воплощенного в слово, слово возвращается к уху говорящего. Таким образом, представление объективируется, не отрываясь в то же время от субъекта, и весь этот процесс возможен только благодаря языку <...>

Человек окружает себя миром звуков, чтобы воспринять в себя и переработать мир вещей. Эти наши выражения никоим образом не выходят за пределы простой истины. Человек преимущественно – да даже и исключительно, поскольку ощущение и действие у него зависят от его представлений, – живет с предметами так, как их преподносит ему язык. Посредством того же самого акта, в силу которого он сплетает (herausspinnt) язык изнутри себя, он вплетает (einspinnt) себя в него; и каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка <...>

Слово, действительно, есть знак, до той степени, до какой оно используется вместо вещи или понятия. Однако по способу построения и по действию это особая и самостоятельная сущность, индивидуальность; сумма всех слов, язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека; он, действительно, основан на условности, поскольку все члены одной общности понимают друг друга, но отдельные слова возникают, прежде всего из природного чувства говорящего и по-

нимаются через подобные им природные чувства слушающего; изучение языка открывает для нас, помимо собственно его использования, еще и аналогию между человеком и миром вообще и каждой нацией, самовыражающейся в языке, в частности; никакое установленное множество суждений не может исчерпать познания духа, проявляющего себя в мире, так как в каждом новом скрыто еще другое новое, поэтому было бы, наверное, хорошо, чтобы языки обнаруживали такое многообразие, какое только может допустить число населяющих Землю людей <...>

Язык есть не что иное, как дополнение мысли, стремление возвысить до ясных понятий впечатления от внешнего мира и смутные еще внутренние ощущения, а из связи этих понятий произвести новые. Язык должен, следовательно, воспринять двойную природу мира и человека, чтобы передавать их взаимное действие друг на друга, или же он должен, напротив, поглощать в своей собственной вновь созданной стихии сущность их обоих, реальность субъекта и объекта, сохраняя только их идеальную форму <...>

Прежде чем приступить к дальнейшим разъяснениям, сформулируем предварительно первейший и высший принцип суждения обо всех языках: те языки должны быть оценены выше прочих, в которых внешний мир отражается правдиво, живо и полно, движения души – сильно и подвижно, а возможность идеального объединения того и другого в понятия легко достижима <...>

Поскольку реально воспринимаемая материя должна быть идеально переработана и покорена, а объективность и субъективность – что само по себе одно и то же – отличаются только тем, что их противопоставляет друг другу самостоятельный акт рефлексии, и поскольку понимание также является действительным, только немного модифицированным актом самосознания, то оба эти действия должны быть с наибольшей точностью объединены в одно. Это значит, что должно существовать свободное соответствие между основными формами, исходно господствующими в сфере духа, и основными формами внешнего мира. Сами по себе они не могут быть восприняты в явном виде, но являются действительными постольку, поскольку духовная сила приведена в нужное состояние – состояние, которое порождает именно язык как механизм, произвольно возникший из свободного и естественного воздействия сил природы на миллионы людей в течение многих столетий и на обширных территориях, а также как необъятную, непостижимую, таинственную силу, которая лучше, чем что-либо иное, способна отображать внутренний и внешний мир <...>.

Слово не является изображением вещи, которую оно обозначает, и еще в меньшей степени является оно простым обозначением, заменя-

ющим саму вещь для рассудка или фантазии. От изображения оно отличается способностью представлять вещь с разных точек зрения и различными путями, от простого обозначения – тем, что имеет свой собственный определенный чувственный образ. Тот, кто произносит слово *Wolken* думает ни о дефиниции, ни о конкретном изображении этого природного объекта. Все его разнообразные понятия и образы, все ощущения, возникающие при виде этого предмета, наконец, всё, что внутри и вне нас с ним связано, может представиться духу, не рискуя при этом быть смешанным с чем-либо, так как скреплено одним единственным звуком.

Контрольные вопросы

1. Как происходит усвоение языка детьми?
2. В чем заключается связь слов с мышлением?
3. Как органы чувств связаны с языком?
4. Что представляют собой слова в структуре языка?

Из работы Фердинанда де Соссюра «Труды по языкознанию»

В задачу лингвистики входит: а) описание и историческое исследование всех доступных ей языков, что ведет к составлению истории всех языковых семейств и, по мере возможности, к реконструкции их праязыков; б) обнаружение факторов, постоянно и универсально действующих во всех языках, и установление тех общих законов, к которым можно свести отдельные явления в истории этих языков; в) определение своих границ и объекта. Лингвистика весьма тесно связана с рядом других наук, которые то заимствуют у нее ее данные, то предоставляют ей свои. Границы, отделяющие ее от этих наук, не всегда выступают вполне отчетливо <...>.

Что является целостным и конкретным объектом лингвистики? <...> Другие науки оперируют заранее данными объектами, которые можно рассматривать под различными углами зрения; ничего подобного нет в лингвистике. Некто произнес французское слово *pi* «обнаженный»: поверхностному наблюдателю покажется, что это конкретный лингвистический объект; однако более пристальный взгляд обнаружит в *pi* три или четыре совершенно различные вещи, в зависимости от того, как он будет рассматривать это слово: только как звучание, как выражение определенного понятия, как соответствие латинскому *nudus* «нагой» и т.д. В лингвистике объект вовсе не предопределяет точки зрения; напротив, можно сказать, что здесь точка зрения создает самый объект; вместе с тем ничто не говорит нам о том, какой из этих способов

рассмотрения данного факта является первичным или более совершенным по сравнению с другими. Кроме того, какой бы способ мы ни приняли для рассмотрения того или иного явления речевой деятельности, в ней всегда обнаруживаются две стороны, каждая из которых коррелирует с другой и значима лишь благодаря ей. <...>

По нашему мнению, есть только один выход из всех этих затруднений: надо с самого начала встать на почву языка и считать его основанием (*portee*) для всех прочих проявлений речевой деятельности. Действительно, среди множества двусторонних явлений только язык, по-видимому, допускает независимое (*autonome*) определение и дает надежную опору для мысли. Но что же такое язык? По нашему мнению, понятие языка не совпадает с понятием речевой деятельности вообще; язык – только определенная часть – правда, важнейшая часть – речевой деятельности. Он является социальным продуктом, совокупностью необходимых условностей, принятых коллективом, чтобы обеспечить реализацию, функционирование способности к речевой деятельности, существующей у каждого носителя языка. Взятая в целом, речевая деятельность многообразна и разнородна; протекая одновременно в ряде областей, будучи одновременно физической, физиологической и психической, она, помимо того, относится и к сфере индивидуального и к сфере социального; ее нельзя отнести определенно ни к одной категории явлений человеческой жизни, так как неизвестно, каким образом всему этому можно сообщить единство. В противоположность этому язык представляет собою целостность сам по себе, являясь, таким образом, отправным началом (*principe*) классификации. Отводя ему первое место среди явлений речевой деятельности, мы тем самым вносим естественный порядок в эту совокупность, которая иначе вообще не поддается классификации. <...>

Язык – это клад, практикой речи отлагаемый во всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу, это грамматическая система, виртуально существующая у каждого в мозгу, точнее сказать, у целой совокупности индивидов, ибо язык не существует полностью ни в одном из них, он существует в полной мере лишь в коллективе. Разделяя язык и речь, мы тем самым отделяем: 1) социальное от индивидуального; 2) существенное от побочного и более или менее случайного. Язык не деятельность (*fonction*) говорящего. Язык – это готовый продукт, пассивно регистрируемый говорящим; он никогда не предполагает преднамеренности, и сознательно в нем проводится лишь классифицирующая деятельность, о которой речь будет идти ниже. Наоборот, речь есть индивидуальный акт воли и разума; в этом акте надлежит различать: 1) комбинации, в которых говорящий использует код (*code*) языка с целью выра-

жения своей мысли; 2) психофизический механизм, позволяющий ему обьективировать эти комбинации.

Контрольные вопросы

1. Каковы основные задачи лингвистики?
2. Что является объектом лингвистики?
3. Как соотносятся язык и речевая деятельность?

Из работы Ноама Хомского «Картезианская лингвистика»

Декарт в своих сочинениях лишь изредка обращается к языку, однако некоторые из его замечаний о природе языка играют важную роль в его учении в целом <...>. В ходе своих исследований Декарт разработал внушительную систему спекулятивной физиологии. Вместе с тем он пришел к выводу, что человеку присущи уникальные способности, которым невозможно дать чисто механистическое объяснение, хотя подобным образом можно в значительной мере объяснить поведение человека и функционирование его тела. Основное различие между человеком и животным яснее всего проявляется в языке человека, в частности, в способности человека формулировать новые утверждения, выражающие новые мысли применительно к новым обстоятельствам. <...>

<...> Человек как вид наделен совершенно специфической особенностью, он обладает уникальным типом умственной организации, которую нельзя объяснить строением периферийных органов или связать с общими особенностями его интеллекта; она находит свое проявление в том, что можно назвать «творческим аспектом» повседневного пользования языком, когда обнаруживаются такие его свойства, как безграничная множественность целей и свобода от контроля посредством внешней стимуляции. Таким образом, Декарт утверждает, что язык служит как свободному выражению мысли, так и надлежащему реагированию в любом новом контексте; он не сводится к устойчивой ассоциации высказываний с внешними стимулами или внутренними физиологическими состояниями (доступными обнаружению любым путем, не ведущим к порочному кругу). Исходя из невозможности механистического объяснения творческого аспекта нормального употребления языка, Декарт делает вывод, что кроме тела необходимо считать атрибутом других человеческих существ [помимо него самого] также и разум – субстанцию, сущность которой составляет мышление <...>

Безграничные возможности мышления и воображения находят отражение в творческом аспекте языкового употребления. Язык предоставляет конечные средства, но бесконечные возможности выражения,

ограниченные лишь правилами формирования понятий и предложений; одни из этих правил носят частный и идиосинкразический характер, другие же универсальны и являются общим достоянием человечества. Форма каждого языка, определяемая конечным числом процедур (в современных терминах – его генеративная грамматика), представляет собой «органическое единство», в котором все базовые элементы языка оказываются связанными между собой; оно лежит в основе каждой из индивидуальных языковых манифестаций, число которых потенциально бесконечно. <...>

Итак, мы установили, что анализ творческого аспекта использования языка основан на предположении о том, что языковые и мыслительные процессы в действительности тождественны; язык доставляет нам первичные средства для свободного выражения мыслей и чувств, а также для функционирования творческого воображения. Значительная часть вопросов грамматики решалась исходя из этого предположения на протяжении всего периода существования того направления мысли, которое мы называли «картезианской лингвистикой». <...>

Короче говоря, у языка есть две стороны – внутренняя и внешняя. Предложение можно изучать с точки зрения того, каким способом оно выражает мысль, и с точки зрения его физического облика, иными словами, в плане его семантической или фонетической интерпретации. Используя новейшую терминологию, мы можем сформулировать проведенное различие как различие между «глубинной структурой» предложения и его «поверхностной структурой». Первая есть базисная абстрактная структура, определяющая семантическую интерпретацию предложения; вторая есть поверхностная организация единиц, которая определяет его фонетическую интерпретацию и связана с физической формой реального высказывания, с его воспринимаемой или производимой формой. В этих терминах мы можем сформулировать второе фундаментальное положение картезианской лингвистики, а именно: глубинная и поверхностная структуры не обязательно должны быть тождественными. Базисная организация предложения, важная для его семантической интерпретации, не обязательно непосредственно обнаруживается в реальной расстановке и группировке его конкретных компонентов. <...>

Суть учения картезианской лингвистики заключается в том, что основные черты грамматической структуры присущи всем языкам и отражают некоторые фундаментальные свойства мыслительной деятельности. Именно это предположение заставило грамматистов-философов сконцентрировать свои усилия на общей грамматике (*grammaire générale*), а не на частной грамматике (*grammaire particulière*); из него же проистекает уверенность Гумбольдта в том, что анализ глубинных

структур поможет обнаружить общую «форму языка», лежащую в основе национального и индивидуального разнообразия. Должны существовать некие языковые универсалии, которые ставят пределы разнообразию человеческой речи. Исследование универсальных условий, определяющих форму любого человеческого языка, и является задачей «общей грамматики». Эти универсальные условия не усваиваются путем обучения, скорее они определяют те организационные принципы, которые делают возможным усвоение языка; их существование необходимо, чтобы полученные человеком сведения превращались в знание. Если считать эти принципы врожденным свойством мыслительной деятельности, тогда открывается возможность дать объяснение тому вполне очевидному факту, что говорящий на данном языке знает множество вещей, которые он вовсе не усваивал в процессе обучения. <...>

Для точного восприятия речи требуется анализ поступающего сигнала в терминах глубинных элементов, которые функционируют в акте производства речи, носящем по существу творческий характер; поэтому необходима активизация порождающей системы, которая играет определенную роль при производстве речи, ибо элементы и отношения между ними определяются только в терминах неизменных правил. Таким образом, при восприятии речи должны действовать глубинные «законы производства». Если бы разум не владел этими законами, если бы он не был в состоянии «превращать эту возможность в действительность», то он был бы способен справляться с механизмами артикулированной речи не больше, чем слепой человек способен воспринимать цвета. Из этого следует, что как в механизмах восприятия, так и в механизмах производства речи должна использоваться глубинная система порождающих правил. Коммуникация становится возможной лишь потому, что глубинная система оказывается одинаковой у говорящего и слушающего; в конечном счете, общность глубинных порождающих систем объясняется единообразием человеческой природы. <...>

Складывается впечатление, что после долгого перерыва лингвистика и когнитивная психология вновь обратились к тем методам изучения языковых структур и мыслительных процессов, которые впервые были отчасти разработаны, а отчасти обновлены в «век гениев», а затем успешно развивались вплоть до начала XIX в. В центре интересов языкознания вновь оказался творческий аспект языкового употребления, поэтому теории универсальной грамматики, сформулированные в XVII-XVIII вв., были возрождены и детально разработаны в теории трансформационной порождающей грамматики. Возобновление исследования универсальных формальных ограничений, накладываемых на систему языковых правил, дает возможность вновь приняться за поиски более осно-

вательных объяснений тех феноменов, которые обнаруживаются в конкретных языках и наблюдаются в реальных речевых актах. Наконец-то современные исследователи стали обращать внимание на некоторые простейшие языковые явления, которыми пренебрегали в течение длительного времени.

Контрольные вопросы

1. Чем человек отличается от животного?
2. Какую роль играет язык в человеческой жизни?
3. Могут ли быть тождественными языковые и мыслительные структуры?
4. Как мышление связано с языком в картезианской лингвистике?

Глава 4. ФИЛОСОФИЯ МЕДИА И РЕКЛАМЫ

Философия медиа является областью исследования, которая изучает влияние медиа на общество, культуру и человека. Реклама включается в область медиа в качестве одной из форм существования.

Философия медиа исследует различные аспекты коммуникации, включая создание, распространение и восприятие информации через различные медиа: печать, радио, телевидение и интернет.

В теории медиа важное место занимает тема коммуникации. Существует множество моделей, описывающих процесс коммуникации, осуществляемый при помощи средств коммуникации. Наиболее известная и вместе с тем классическая схема принадлежит Гарольду Лассуэллу, который предложил рассматривать акт коммуникации (или передачи информации) в виде последовательного ответа на пять вопросов, или так называемых 5W:

1. Кто? Кто сообщает информацию, какие его характеристики?
2. Что? Что именно сообщается (т.е. само сообщение и его характеристики)?
3. По какому каналу? По каким каналам проходит сообщение, какой способ передачи информации используется?
4. Кому? Кто адресат сообщения, для кого сообщение предназначалось?
5. С каким эффектом? Какой эффект возымело сообщение на реципиентов, или аудиторию? Как адресат отреагировал на полученное сообщение?

В теории медиа также рассматривается вопрос о том, как медиа формируют наше понимание мира и влияют на наши взгляды и ценности. Теоретики медиа (например, Г. Лассуэлл) анализируют содержание и структуру медиасообщений, чтобы понять, как они формируют нашу реальность и влияют на наше поведение.

Немаловажной представляется тема этики. В теории медиа ставятся вопросы о том, какие информационные практики являются морально допустимыми, а какие – нет. Эта область может включать обсуждение проблемы манипуляции, использования стереотипов, нарушения приватности и т.д.

Кроме того, теория медиа исследует вопросы о свободе выражения и свободе прессы. Она анализирует, какие ограничения или законы должны существовать в области медиа, чтобы обеспечить баланс между свободой выражения и защитой общества от нежелательного влияния или дезинформации.

Философия медиа также исследует тему влияния технологий на средства коммуникации. С развитием цифровых технологий и интернета

возникают новые возможности для создания и распространения информации. Возникают новые явления в сфере медиа, которых пару десятков лет назад еще не было или они были в меньших масштабах: фейки, мемы и т.д.

История развития медиа начинается до возникновения современных форм массовых коммуникаций. Одной из первых исторических форм медиакоммуникаций можно считать глашатаев – людей, которые передавали информацию устно от одного человека к другому. Глашатаи играли важную роль в распространении новостей и событий в древних обществах.

Затем – с изобретением Иоганна Гутенберга – появилась печать, которая стала революционным изобретением в области коммуникации. Печатное дело позволило массово производить и распространять письменные материалы, такие как книги, газеты и журналы.

Следующим важным этапом было изобретение радио в конце XIX в. Радиовещание стало первой формой электронных массовых коммуникаций. Оно позволяло передавать звуковые сообщения на большие расстояния и достигать широкой аудитории.

На смену радио в XX в. пришло телевидение, которое аудиосообщение превратило в аудиовизуальное сообщение. Телевизионные передачи стали основным источником новостей, развлечений и рекламы для миллионов людей по всему миру. Телевидение и в XX в., и даже сейчас обладает огромным влиянием на формирование общественного мнения, желаний и идеалов миллионов людей по всему миру.

Следующим этапом, в котором мы сейчас находимся, стало развитие интернета в конце прошлого века. С развитием интернета связано наступление эры цифровых медиа. Интернет предоставил возможность мгновенного доступа к информации и коммуникации в режиме реального времени. Это привело к революции в области медиа и коммуникаций, позволив обывателям самостоятельно создавать и распространять свой собственный контент.

Развитие медиа продолжается и включает в себя новые технологии, такие как мобильные устройства, стриминговые сервисы и виртуальная реальность. Эти изменения приводят к изменению способов коммуникации и потребления медиаконтента, а также вызывают новые этические вопросы, затрагивающие тему влияния медиа на общество. Развитие цифровых технологий также оказало влияние и на способы привлечения внимания клиентов к тем или иным продуктам или товарам. Это привело не только к стремительному развитию рекламы, но и к повышению ее сложности как в практике, так и в теории.

В теории рекламы имеет место разделение на традиционную и нетрадиционную рекламу. Под традиционной понимается собственно сама

реклама, ATL (от англ. above the line – над чертой). А нетрадиционная реклама – это неявная, неочевидная рекламная коммуникация, т.е. связи с общественностью, BTL (от англ. below the line – под чертой).

Другими словами, традиционная реклама явным образом строится на рыночных отношениях и потому сближается по своей природе с традиционным пониманием товара. Бизнес и подрядчики продают и покупают рекламу, а реципиенты воспринимают эту рекламу в качестве акта коммерческой коммуникации.

А связи с общественностью ближе к особому виду пропаганды, цель которого, правда, не распространение политических идей, а ненавязчивое убеждение потенциальных и актуальных клиентов в том, что им нравится какой-либо товар, бренд и т.д.

Может показаться, что у рекламы и связей с общественностью различаются методы, а цели совпадают. Однако и цели различаются. Успех рекламы заключается в том, что потенциальный клиент стал клиентом актуальным, т.е. купил рекламируемый товар.

Цель же связей с общественностью заключается в формировании образа продукта или бренда, но не обязательно продажа является конечной целью. Одно с другим связано, но все-таки не сводимо друг к другу.

Если К. Маркс был бы нашим современником, вероятно, он сказал бы, что реклама и СО, различаясь в «явлении», совпадают друг с другом по «сущности». Если рассматривать их как сферы профессиональной деятельности, тогда и реклама, и СО являются деятельностью по обслуживанию бизнеса. Экономика представляет собой общественное бытие, которое формирует общественное сознание, например, в виде рекламы и связей с общественностью.

Ведь реклама и СО влияют на то, как люди думают о том или ином бренде или товаре. Реклама предлагает свой «нарратив» прямо в виде рекламного ролика, баннера или рекламной интеграции, но все-таки воздействует на образ, который складывается у реципиентов о продукте или бренде.

Связи с общественностью воздействуют на общество как бы косвенно, так как не призывают прямо к действию, к покупке. Однако СО тоже формируют образ товара или бренда в глазах реципиентов. Поэтому и реклама, и связи с общественностью способствуют конструированию картины мира, которая складывается в головах миллионов людей.

Другим словами, реклама и связи с общественностью формируют симулякры, как это называет Ж. Бодрийяр. Симулякр – это копия без оригинала. Симулякр по своей сути и представляет собой продукт деятельности рекламщиков и пиарщиков. Придумывая сценарий видеоролика, в котором счастливая полная семья собирается за обеденным столом благода-

ря скрепляющей силе невероятно вкусного кетчупа, рекламщик создает благоприятный образ того, как могло бы быть, но как не бывает в действительности.

Убеждая общественность в том, что какая-либо коммерческая организация ставит своей конечной целью повышение благосостояния широких масс людей, пиарщик тоже конструирует всего лишь образ должного, образ того, как могло бы быть в действительности, но как все-таки не бывает.

Вкусный кетчуп не заставит семью радоваться и собираться вместе за обеденным столом, а коммерческая организация преследует исключительно коммерческую выгоду и повышение своей прибыли. Эти идеализированные образы и нарративы – это симулякры, копии того, чего нет в жизни, но что есть в голове креативного работника из сферы рекламы или связей с общественностью.

Но проблематичность сферы рекламы и связей с общественностью заключается не только в идеологической нагрузке этой профессиональной деятельности. Другая проблема маркетинговой коммуникации, или, если говорить шире – проблема медиа, выражена в знаменитой цитате такого теоретика коммуникации, как М. Маклюэн: «Средство – это сообщение» (The medium is the message).

Смысл этого афористичного выражения заключается в том, что средство коммуникации по самой своей природе вкладывает в транслируемое сообщение некоторый смысл. Для сферы рекламы и связей с общественностью это может означать, что средство коммуникации, через которое передается сообщение, каким-либо образом окрашивает само это сообщение.

Если реклама транслируется через сайт в интернете, то она имеет форму рекламного баннера, который у многих пользователей заведомо вызывает либо отторжение, либо просто игнорируется, попадая в так называемую «слепую зону». Если же реклама транслируется по телевизору в середине показа какого-нибудь фильма, то такая реклама уже не игнорируется полностью, но может вызывать раздражение человека, который хотел погрузиться в атмосферу любимого фильма. А если речь идет о рекламной интеграции, которую инфлюенсер талантливо срежиссировал и органично встроил в основной контент своего видеоролика, то такая реклама может даже доставить зрителю удовольствие.

Как видно из сказанного, создание рекламной продукции является трудной задачей, для которой мало обладать креативным творческим мышлением. Рекламщик или пиарщик также должен отдавать себе отчет в том, какое средство коммуникации используется для распространения рекламы, какие последствия будут у этой рекламы, не предлагает ли ре-

кламный контент некоей «ложной» реальности реципиенту и, конечно же, в чьих материальных интересах осуществляется эта реклама.

Но в то же время, как утверждает Ж. Бодрийяр, в современном мире реальность уже не определяется материальными потребностями, а скорее создается и регулируется при помощи медиа. В результате функционирования медиа (в частности, транслирования рекламы) потребление товаров и услуг становится главным движущим фактором общества. Причем дело не в непосредственных материальных потребностях индивида, а в его желании, которое появилось у него благодаря рекламе и связям с общественностью.

Такое общество Ж. Бодрийяр называет обществом потребления. Медиа играют ключевую роль в формировании и поддержании человеческого общества на данном историческом этапе.

Рекламный контент не только информирует о продуктах и услугах, но и создает иллюзию счастья и удовлетворения, связанных с их приобретением. Реклама использует различные стратегии, такие как создание желания, создание идеала или образа успеха, чтобы мотивировать людей потреблять больше.

Медиа также играют важную роль в обществе потребления. Они предоставляют платформу для распространения и продвижения рекламы, а также формируют культурные нормы и ценности, связанные с потреблением. Ж. Бодрийяр утверждает, что медиа создают иллюзию реальности, которая затем становится основой для наших желаний и потребностей, создавая тем самым новую реальность.

В XXI в. не только и не столько производство материальных благ является системообразующим фактором общества, сколько система ценностей и желаний общества. Хотя стоит признать, что материальным основанием общества является все-таки непосредственное производство материальных благ. Но то, что движет этим обществом, то, что определяет его жизнь дальше, оказывается идеологией потребления, идеологией желать то, что желают другие.

Публикуемые тексты приводятся по изданиям:

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. – М.: ПОСТУМ, 2015. – 240 с.

Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. – М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2003. – 464 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Глава 1 // Избранные произведения. В 3 т. Т. 1. – М.: Политиздат, 1979. – С. 4-76.

Из работы Карла Маркса «Немецкая идеология»

Немецкая критика вплоть до своих последних потуг не покидала почвы философии. Все проблемы этой критики, – весьма далекой от того, чтобы исследовать свои общеполитические предпосылки, – выросли на почве определенной философской системы, а именно – системы Гегеля. Не только в ее ответах, но уже и в самих ее вопросах заключалась мистификация. Эта зависимость от Гегеля – причина того, почему ни один из этих новоявленных критиков даже не попытался приняться за всестороннюю критику гегелевской системы, хотя каждый из них утверждает, что вышел за пределы философии Гегеля. Их полемика против Гегеля и друг против друга ограничивается тем, что каждый из них выхватывает какую-нибудь одну сторону гегелевской системы и направляет ее как против системы в целом, так и против тех сторон, которые выхвачены другими. Вначале выхватывали гегелевские категории в их чистом, неподдельном виде, как, например, «субстанция» и «самосознание»; затем профанировали эти категории, назвав их более мирскими именами, как, например, «род», «единственный», «человек» и т.д.

Вся немецкая философская критика от Штрауса до Штирнера ограничивается критикой религиозных представлений. Отправной точкой служили действительная религия и теология в собственном смысле слова. Что такое религиозное сознание, религиозное представление – это в дальнейшем определялось по-разному. Весь прогресс заключался в том, что мнимое господствующее метафизические, политические, правовые, моральные и иные представления также сводились к области религиозных, или теологических, представлений, да еще в том, что политическое, правовое, моральное сознание объявлялось религиозным, или теологическим, сознанием, а политический, правовой, моральный человек – в последнем счете «человек вообще» – провозглашался религиозным человеком. Господство религии предполагалось заранее. Мало-помалу всякое господствующее отношение стало объявляться религиозным отношением и превращалось в культ – культ права, культ государства и т.п. Повсюду фигурировали только догматы и вера в догматы. Мир канонизировался во все большем объеме, пока, наконец, достопочтенный святой Макс не смог объявить его святым *en bloc*¹ и таким образом покончить с ним раз навсегда.

Старогегельянцы считали, что ими все понято, коль скоро подведено под ту или иную гегелевскую логическую категорию. Младогегельянцы все критиковали, подставляя повсюду религиозные представления или объявляя все теологическим. Младогегельянцы разделяют со старогегель-

¹ Целиком, от начала до конца.

яныцами их веру в то, что в существующем мире господствует религия, понятия, всеобщее. Но одни восстают против этого господства как против узурпации, а другие прославляют его как нечто законное.

Так как у этих младогегельянцев представления, мысли, понятия, вообще продукты сознания, превращенного ими в нечто самостоятельное, считаются настоящими оковами людей – совершенно так же, как у старогегельянцев они объявляются истинными скрепами человеческого общества, – то становится понятным, что младогегельянцам только против этих иллюзий сознания и надлежит вести борьбу. Так как, согласно их фантазии, отношения людей, все их действия и все их поведение, их оковы и границы являются продуктами их сознания, то младогегельянцы вполне последовательно предъявляют людям моральное требование заменить их теперешнее сознание человеческим, критическим или эгоистическим сознанием и таким путем устранить стесняющие их границы. Это требование изменить сознание сводится к требованию иначе истолковать существующее, что значит признать его, дав ему иное истолкование. Младогегельянские идеологи, вопреки их якобы «миропотрясающим» фразам, – величайшие консерваторы. Самые молодые из них нашли точное выражение для своей деятельности, заявив, что они борются только против «фраз». Они забывают только, что сами не противопоставляют этим фразам ничего, кроме фраз, и что они отнюдь не борются против действительного, существующего мира, если борются только против фраз этого мира. Единственный результат, которого могла добиться эта философская критика, заключается в нескольких, да и то односторонних, историко-религиозных разъяснениях относительно христианства; все же прочие их утверждения, это – только дальнейшие приукрашивания их претензии на то, что они этими незначительными разъяснениями совершили якобы всемирно-исторические открытия.

Ни одному из этих философов и в голову не приходило задать себе вопрос о связи немецкой философии с немецкой действительностью, о связи их критики с их собственной материальной средой.

Контрольные вопросы

1. Что подразумевает К. Маркс, называя своих оппонентов «идеологами»?
2. Почему К. Маркса не устраивает, что младогегельянцы борются только с «фразами»?
3. По К. Марксу, немецкая философия и немецкая «материальная действительность» взаимосвязаны. Попробуйте проследить подобную взаимосвязь между рекламным контентом и «материальной действительностью» современной России.

Из работы Маршалла Маклюэна «Понимание Медиа: Внешние расширения человека»

В такой культуре, как наша, издавна привыкшей расщеплять и разделять вещи ради установления контроля над ними, люди иногда испытывают своего рода небольшой шок, когда им напоминают, что на самом деле как с операциональной, так и с практической точки зрения средство коммуникации есть сообщение. А это всего лишь означает, что личностные и социальные последствия любого средства коммуникации – то есть любого нашего расширения вовне – вытекают из нового масштаба, приносимого каждым таким расширением, или новой технологией, в наши дела. Так, например, новые образцы человеческих связей, возникающие вместе с автоматизацией, воистину несут с собой угрозу уничтожения рабочих мест. Это негативный результат. С позитивной же точки зрения, автоматизация создает для людей роли, или, иначе говоря, воссоздает ту глубину вовлечения их в свою работу и в связи с другими людьми, которая была разрушена нашей прежней механической технологией. Многие склонялись к тому, что значением, или сообщением, машины является не она сама, а то, что человек с ней делает. С точки зрения того, как машина изменяла наше отношение друг к другу и к самим себе, не имело ровным счетом никакого значения, что именно она выпускала, кукурузные хлопья или «кадиллаки». Форма переструктурирования человеческой работы и ассоциации определялась процессом фрагментации, составляющим самую суть машинной технологии. Сущность автоматической технологии противоположна. Она в такой же степени глубоко интегральна и децентралистична, в какой машина в конфигурировании ею человеческих взаимоотношений была фрагментарной, централистичной и поверхностной.

В этой связи может быть показателен пример электрического света. Электрический свет – это чистая информация. Он представляет собой, так сказать, средство коммуникации без сообщения, если только его не используют для оглашения какого-то словесного объявления или названия. Этот факт, характеризующий все средства коммуникации, означает, что «содержанием» любого средства коммуникации всегда является другое средство коммуникации. Содержанием письма является речь, точно так же, как письменное слово служит содержанием печати, а печать – содержанием телеграфа. Если спросят: «Что есть содержание речи?», – на это необходимо ответить: «Это действительный процесс мышления, который сам по себе невербален». Абстрактная живопись представляет собой прямое проявление творческих мыслительных процессов, как они могли бы проявиться в компьютерном про-

ектировании. Что нас, однако, здесь интересует, так это психические и социальные последствия конфигураций, или паттернов, усложняющих или ускоряющих существующие процессы. Ибо «сообщением» любого средства коммуникации, или технологии, является то изменение масштаба, скорости или формы, которое приносится им в человеческие дела. Железная дорога не привнесла в человеческое общество ни движения, ни транспорта, ни колеса, ни дороги, но она ускорила прежние человеческие функции и укрупнила их масштабы, создав совершенно новые типы городов и новые виды труда и досуга. И это происходило независимо от того, функционировала ли железная дорога в тропической или северной среде, и совершенно независимо от перевозимого по ней груза, или содержания железнодорожного средства сообщения. С другой стороны, самолет, повышая скорость транспортировки, приносит с собой тенденцию упразднения железнодорожной формы города, политики и человеческих связей, причем совершенно независимо от того, для каких целей самолет используется.

Вернемся к электрическому свету. Используется ли свет для операции на мозг или освещения вечернего бейсбольного матча – не имеет никакого значения. Можно было бы утверждать, что эти виды деятельности являются в некотором роде «содержанием» электрического света, поскольку без электрического света они не могли бы существовать. Этот факт всего лишь подчеркивает, что «средство коммуникации есть сообщение», так как именно средство коммуникации определяет и контролирует масштабы и форму человеческой ассоциации и человеческого действия. Содержания, или способы применения таких средств столь же разнообразны, сколь и неэффективны в определении формы связывания людей. На самом деле очень типично, что «содержание» всякого средства коммуникации скрывает от наших глаз характер этого средства. Только сегодня отрасли промышленности стали сознавать различные виды бизнеса, которыми они занимаются. Лишь когда фирма «Ай-Би-Эм» открыла, что ее делом является не изготовление офисного оснащения и канцелярской оргтехники, а обработка информации, она начала продвигаться вперед с ясным пониманием своего курса. Компания «Дженерал Электрик» извлекает значительную часть своих прибылей из изготовления электрических ламп и систем освещения. Она – как и «Американ Телефон энд Телеграф» – еще не открыла для себя, что ее делом является перемещение информации.

Электрический свет ускользает от внимания как средство коммуникации именно потому, что у него нет «содержания». И это делает его бесценным примером того, насколько люди не заботятся об изучении средств как таковых. Ибо до тех пор, пока электрический свет не начи-

нают использовать для оглашения какой-нибудь торговой марки, он как средство коммуникации остается незамеченным. Но даже и тогда предметом внимания становится не сам свет, а его «содержание» (т.е. на самом деле другое средство). Сообщение электрического света, подобно сообщению электроэнергии в промышленности, является целиком и полностью основополагающим, всепроникающим и децентрализованным. Ибо электрический свет и электроэнергия отдельны от их применений, и, кроме того, они упраздняют временные и пространственные факторы человеческой ассоциации, создавая глубинное вовлечение точно так же, как это делают радио, телеграф, телефон и телевидение. <...>

Непрекращающееся давление все больше побуждает создавать рекламные объявления по образу и подобию мотивов и желаний аудитории. Чем более возрастает участие аудитории, тем меньшее значение имеет сам продукт. Крайним примером служит серия объявлений, рекламирующих корсеты, в которых звучит протест: «Это не тот корсет, о котором вы думаете!» Требуется делать рекламные объявления так, чтобы они включали в себя опыт аудитории. Продукт и реакция публики становятся единой комплексной конфигурацией. Искусство рекламы дивным образом осуществило старое определение антропологии как «науки о человеке, включая женщину». В рекламе присутствует устойчивая тенденция выставлять продукт как неотъемлемую часть крупных социальных задач и процессов. Располагая огромными бюджетами, коммерческие художники шли в сторону превращения рекламного объявления в икону. Иконы – это уже не специалистские фрагменты или аспекты, а единые сжатые образы комплексного типа. Они стягивают в крошечный фокус огромный регион опыта. Таким образом, в рекламных объявлениях проявляется тенденция к отходу от потребительской картинки продукта в сторону созидательного образа процесса. Корпоративный образ процесса втягивает потребителя также и в роль производителя.

Эта новая тенденция в сфере рекламных объявлений, властно влекущая их в направлении иконического образа, существенно ослабила положение журнальной индустрии в целом и иллюстрированных журналов в частности. Журнальные статьи долгое время эксплуатировали картиночную трактовку тем и новостей. Бок о бок с этими журнальными статьями, представляющими снимки и фрагментарные точки зрения, расположились новые массивные иконические рекламные объявления с их сжатыми образами, соединяющими в единое целое производителя и потребителя, продавца и общество. Рекламные объявления заставляют журнальные страницы выглядеть бледными, слабыми и безжизненными. Журнальные статьи принадлежат старому изобразительному миру, который предшествовал телевизионной мозаичной образности.

Именно мощный мозаичный и иконический прорыв, происшедший в нашем опыте с приходом телевидения, объясняет парадоксальный взлет популярности таких журналов, как «Тайм», «Ньюсуик» и т.д. Эти журналы представляют новости в сжатой мозаичной форме, которая является настоящим аналогом рекламного мира. Мозаичная новость – не повествование, не точка зрения, не объяснение и не комментарий. Это корпоративный глубинный образ действующего сообщества, зовущий к максимальному участию в социальном процессе.

Рекламные объявления, похоже, работают на основе очень передового принципа, согласно которому любая мелочь и любой образец в шумном и избыточном шквале повторения будут постепенно утверждать самих себя. Реклама выводит принцип всепоглощающего шума на стабильный уровень убеждения. Она в полной мере созвучна процедурам промывания мозгов. И этот глубинный принцип стремительной атаки на бессознательное, возможно, все объясняет.

Многие люди в наше время выражают тревогу по поводу рекламного предпринимательства. Грубо говоря, рекламная индустрия – это топорная попытка распространить принципы автоматизации на все стороны общества. В идеале, реклама нацелена на достижение запрограммированной гармонии между всеми человеческими импульсами, устремлениями и дерзаниями. Применяя ремесленные методы, она стремится к конечной электронной цели утверждения коллективного сознания. Когда все производство и потребление будут приведены в предусмотренную гармонию со всеми желаниями и усилиями, тогда реклама ликвидирует саму себя собственным успехом.

С тех пор, как появилось телевидение, эксплуатация рекламодателем бессознательного дала сбой. Сознательные идеи по поводу бессознательного телевизионный опыт предпочитает гораздо больше, нежели прямолинейные формы навязчивой рекламы, свойственные прессе, журналу, кино и радио. Сенсорная терпимость аудитории изменилась, а вместе с тем изменились и методы воздействия, применяемые рекламодателями. В новом холодном мире телевидения старый горячий мир навязчиво сбывающего свой товар и откровенного в речах торгового агента обладает всем древним очарованием эстрады и одежды двадцатых годов. Морт Заль и Шелли Берман, мистифицируя рекламный мир, идут на поводу у тенденции, а не создают ее. Они открыли, что достаточно безостановочно рассказывать рекламные объявления и новости, и публика сразу приходит в неистовство. Уилл Роджерс несколько лет назад открыл, что любая газета вызывает веселый смех, если прочесть ее вслух с театральной сцены. То же можно сказать о сегодняшней рекламе. Любое рекламное объявление становится забавным, если поместить его в новую об-

становку. Это значит, что любое рекламное объявление комично, если подойти к нему с мерками сознания. Рекламные объявления не предназначены для осознанного потребления. Они задуманы как подпороговые пилюли для бессознательного, назначение которых состоит в том, чтобы осуществить гипнотическое воздействие, особенно на социологов. Это один из самых поучительных аспектов той колоссальной фабрики просвещения, именуемой рекламой, чей годовой бюджет в размере 20 миллиардов долларов близок к объему общенациональных бюджетных средств, расходуемых на школьное образование. За любой дорогостоящей рекламой стоят тяжелый труд, внимание, тестирование, ум, мастерство и навыки многих людей. На составление любого броского рекламного объявления в газете или журнале уходит больше мысли и заботы, чем на написание статей и редакторских передовиц. Всякое дорогостоящее рекламное объявление так же кропотливо возводится на проверенном фундаменте публичных стереотипов, или «наборов» закрепившихся установок, как небоскреб на скальном основании. Поскольку в деле изготовления рекламного объявления для той или иной установленной линии потребительских товаров сотрудничают искусные и проницательные команды талантливых людей, то очевидно, что каждое приемлемое объявление есть энергичная драматизация общего опыта. Никакая группа социологов не сможет тягаться с рекламной командой в сборе и обработке полезных социальных данных. Рекламные команды ежегодно расходуют миллиарды долларов на исследование и проверку реакций, и их продукты являют собой великолепные скопления материала об общих переживаниях и чувствах всего сообщества. Конечно, если оторвать рекламные объявления от центра этого общего опыта, они сразу потерпят крах, утратив всякую власть над нашими чувствами.

Контрольные вопросы

1. Как М. Маклюэн обосновывает свой тезис, что средство коммуникации – это сообщение?
2. Чего не хватает свету, чтобы он стал средством информации в полном смысле слова?
3. Что, по М. Маклюэну, является содержанием средства коммуникации?

Из работы Жана Бодрийяра «Симулякры и симуляции»

Даже если бы мы могли использовать как наилучшую аллегорию симуляции фантастический рассказ Борхеса, в котором имперские картографы составляют настолько детальную карту, что она в конце концов

покрывает точно всю территорию (однако с упадком Империи эта карта начинает понемногу истрепываться и распадается, и лишь несколько ключевых еще виднеются в пустынях – метафизическая красота разрушенной абстракции, соизмеримой с масштабами претенциозности Империи, абстракции, которая разлагается как мертвое тело и обращается в прах, – так и копия, подвергшаяся искусственному старению, в конце концов начинает восприниматься как подлинник), – все равно эта история для нас уже в прошлом и содержит в себе лишь скромный шарм симулякров второго порядка.

Абстракция сегодня – это не абстракция карты, копии, зеркала или концепта. Симуляция – это уже не симуляция территории, референциального сущего, субстанции. Она – порождение моделей реального без оригинала и реальности: гиперреального. Территория больше не предшествует карте и не переживает ее. Отныне карта предшествует территории – прецессия симулякров, именно она порождает территорию, и если вернуться к нашему фантастическому рассказу, то теперь ключья территории медленно тлели бы на пространстве карты. То здесь, то там остатки реального, а не карты продолжали бы существовать в пустынях, которые перестали принадлежать Империи, а стали нашей пустыней. Пустыней самой реальности.

На самом деле даже в перевернутом виде рассказ Борхеса не пригоден для использования. Остается, пожалуй, лишь аллегория об Империи. Ведь современные симуляторы прибегают к такому же «империализму», когда стараются совместить реальное – все реальное – со своими моделями симуляции. Однако речь уже не о карте и не о территории. Кое-что исчезло: суверенное различие между одним и другим, то, что составляло шарм абстракции. Ведь именно различие создает поэзию карты и шарм территории, магию концепта и очарование реального. Эта имажинерия репрезентации, которая достигает наивысшей точки и вместе с тем падает в пропасть в безумном проекте картографов достичь идеальной соразмерности карты и территории, исчезает в симуляции, действие которой ядерное и генетическое, а отнюдь не зеркальное и дискурсивное. Исчезает целая метафизика.

Нет больше зеркальности между бытием и его отображением, между реальным и его концептом. Нет больше воображаемой соразмерности: измерением симуляции становится генетическая миниатюризация. Реальное производится на основе миниатюрнейших ячеек матриц и запоминающих устройств, моделей управления и может быть воспроизведено неограниченное количество раз. Оно не обязано более быть рациональным, поскольку оно больше не соизмеряется с некоей, идеальной или негативной, инстанцией. Оно только операционально. Фактически это

уже больше и не реальное, поскольку его больше не обволакивает никакое воображаемое. Это гиперреальное, синтетический продукт излучения комбинаторных моделей в безвоздушном гиперпространстве.

В этом переходе в пространство, искривление которого больше не является ни искривлением реального, ни искривлением истины, эра симуляции открывается, таким образом, через ликвидацию всех референтов, хуже того – через искусственное воскрешение их в системах знаков, материале еще более гибком, чем смысл, поскольку он предлагает себя всяческим системам эквивалентности, всяческим бинарным оппозициям, всяческой комбинаторной алгебре. Речь идет уже не об имитации, не о дублировании, даже не о пародии. Речь идет о субституции, подмене реального знаками реального, то есть об операции по апотропии всякого реального процесса с помощью его операциональной копии, идеально дескриптивного, метастабильного, программированного механизма, который предоставляет все знаки реального, минуя любые перипетии. Больше никогда реальное не будет иметь возможности проявить себя – такова витальная функция модели в летальной системе или, вернее, в системе заблаговременного воскрешения, которое больше не оставляет никакого шанса даже самому событию смерти. Отныне гиперреальное экранировано от воображаемого и от какого-либо различия между реальным и воображаемым, оставляя место лишь орбитальному самовоспроизведению моделей и симулированному порождению различий.

Прибегать к диссимуляции – это значит делать вид, что вы не имеете того, что у вас есть. Симулировать – это значит делать вид, что у вас есть то, чего вы не имеете. Одно отсылает к наличию, другое – к отсутствию. Но дело осложняется тем, что симулировать не означает просто притворяться: «Тот, кто прикидывается больным, может просто лечь в кровать и убеждать, что он болен. Тот, кто симулирует болезнь, вызывает у себя ее некоторые симптомы» (Литтре). Таким образом, притворство, или диссимуляция, оставляет нетронутым принцип реальности: различие всегда явно, оно не замаскировано. Симуляция же ставит под сомнение различие между «истинным» и «ложным», между «реальным» и «воображаемым». Болен или не болен симулянт, который демонстрирует «истинные» симптомы? Объективно его нельзя считать ни больным, ни здоровым. Психология и медицина останавливаются здесь перед истинностью болезни, которую с этих пор невозможно установить. Ведь если можно «вызвать» любой симптом и его нельзя трактовать как естественный факт, то тогда любую болезнь можно рассматривать как такую, которую можно симулировать и которую симулируют, и медицина теряет свой смысл, поскольку знает только, как лечить

«настоящие» болезни, исходя из их объективных причин. Психосоматика совершает сомнительные пируэты на границе принципа болезни. Что касается психоанализа, то он переносит симптом органического порядка в порядок бессознательного и последнее снова полагает «истинным», более истинным, чем первое, — но от чего бы симуляция должна остановиться на пороге бессознательного? Почему «работу» бессознательного нельзя «подделать» таким же образом, как любой симптом в классической медицине? Сны, например, уже можно.

Конечно, психиатрия утверждает, что «каждая форма психического расстройства имеет особый порядок развития симптомов, о котором не знает симулянт и отсутствие которого не сможет ввести в заблуждение психиатра». Это утверждение (датированное 1865 годом) необходимо, лишь бы любой ценой спасти принцип истинности и избежать проблемы, которую ставит симуляция, а именно: истина, референция, объективная причина перестали существовать. Что может сделать медицина с тем, что колеблется на самой грани болезни и здоровья, с дублированием болезни в дискурсе, который больше не является ни истинным, ни ложным? Что может сделать психоанализ с дублированием дискурса бессознательного в дискурсе симуляции, который нельзя больше разоблачить, поскольку он также не является ложным?

Что может сделать с симулянтами армия? По обыкновению их разоблачают и наказывают в соответствии с четким принципом идентификации. Сегодня могут освободить от воинской повинности очень ловкого симулянта точно так же, как «истинного» гомосексуалиста, сердечника или сумасшедшего. Даже военная психология избегает картезианской четкости и не решается проводить различие между ложным и истинным, между «поддельным» и аутентичным симптомами. «Если симулянт так хорошо изображает сумасшедшего, то это потому, что он им и является». И здесь военная психология не так уж и ошибается: в этом смысле все сумасшедшие симулируют, и это неразличение является наихудшей разновидностью субверсии. Это именно то, против чего и вооружился классический ум всеми своими категориями. Но это то, что сегодня вновь обходит его с флангов, угрожая принципу истинности. <...>

Диснейленд — прекрасная модель всех переплетающихся между собой порядков симулякров. Это прежде всего игра иллюзий и фантазмов: Пираты, Пограничная территория, Мир будущего и т. д. Этот воображаемый мир, как считают, причина успеха заведения. Но что притягивает толпы посетителей гораздо больше, так это социальный микрокосм, религиозное наслаждение миниатюризированной реальной Америкой со всеми ее достоинствами и недостатками.

Вы паркуетесь снаружи, стоите в очередях внутри и остаетесь один на один с собой на выходе. В этом воображаемом мире единственной фантасмагорией является свойственная толпе теплота и сплоченность, а также чрезмерное количество гаджетов, необходимых для создания и поддержания этого эффекта массовости. Это полный контраст с абсолютным одиночеством автостоянки – настоящего концлагеря. Или иначе: внутри – целый арсенал гаджетов, которые, как магниты, притягивают толпу в разнонаправленных потоках; снаружи – одиночество, направленное на одну игрушку: автомобиль. По невероятному совпадению (и это, вероятно, одно из проявлений чародейства данного универсума) этот быстрозамороженный инфантильный мир, как оказывается, был задуман и воплощен в жизнь человеком, который сам находится сегодня в замороженном состоянии и ожидает своего воскрешения при температуре 180 градусов ниже нуля: Уолтом Диснеем.

Вот так повсюду в Диснейленде проступает объективный профиль Америки, вплоть до морфологии индивидуальности и толпы. Все ее ценности превозносятся здесь в миниатюре, в форме комиксов. Забальзамированные и умиротворенные. Отсюда возможность (которой очень хорошо воспользовался Л. Марен в книге «Утопики. Игры пространств») идеологического анализа Диснейленда как дайджеста американского образа жизни, панегирика американским ценностям, идеализированной транспозиции противоречивой реальности. Все правильно. Но за этим кроется другое, и это «идеологическое» построение служит прикрытием симуляции третьего порядка: Диснейленд существует для того, чтобы скрыть, что Диснейлендом на самом деле является «реальная» страна – вся «реальная» Америка (примерно так, как тюрьмы служат для того, чтобы скрыть, что весь социум во всей своей полноте, во всей своей банальной вездесущности является местом заключения). Диснейленд представляют как воображаемое, чтобы заставить нас поверить, что все остальное является реальным, тогда же как весь Лос-Анджелес и Америка, которые окружают его, уже более не реальны, а принадлежат к порядку гиперреального и симуляции. Речь идет уже не о ложной репрезентации реального (идеологии), а о том, чтобы скрыть, что реальное перестало быть реальным, и таким образом спасти принцип реальности.

Имажинерия Диснейленда не является ни истинной, ни ложной – это машина апотропии, призванная регенерировать фикцию реального в противоположной плоскости. Отсюда слабость этого воображаемого, его инфантильное вырождение. Этот мир претендует на то, чтобы быть детским, дабы убедить в том, что взрослые находятся в другом месте – в «реальном» мире, – и скрыть, что настоящая инфантильность повсюду, особенно среди тех взрослых, которые приезжают сюда пре-

вернуться в детей, чтобы ввести самих себя в заблуждение относительно своей реальной инфантильности.

А в общем, Диснейленд не уникален. Заколдованная деревня, Волшебная гора, Морской мир: Лос-Анджелес находится в окружении эдаких электростанций воображаемого, которые обеспечивают реальным, энергией реального город, чья тайна как раз состоит в том, что отныне он – лишь сеть непрерывной ирреальной циркуляции: город невероятных размеров, но без пространства и без объема. Так же как и обычным и атомным электростанциям, так же как киностудиям, этому городу, который отныне является бесконечным сценарием и вечной киноплощадкой, необходимо это прежнее воображаемое (как симпатическая нервная система), состоящее из знаков детства и фальшивых фантазмов.

Диснейленд, пространство регенерации воображаемого, подобен размещенным в других местах, и даже в нем самом, заводам по переработке отходов. Сегодня повсюду перерабатывают отходы, а мечты, фантазмы, воображаемое (историческое, сказочное, легендарное) детей и взрослых и являются отходами, первыми ужасно токсичными испражнениями гиперреальной цивилизации. Диснейленд является прототипом этой новой функции на ментальном уровне. Но той же цели утилизации служат и все заведения по восстановлению сексуального, психического и соматического здоровья, которыми изобилует Калифорния. Люди больше не интересуются друг другом, но для этого есть различные общества и клубы. Они больше не соприкасаются друг с другом, но существует контактотерапия. Они больше не ходят пешком, но занимаются оздоровительным бегом и т.д. Всюду восстанавливают утраченные способности, или деградирующие тела, или потерянную коммуникабельность, или утраченный вкус к еде.

Заново изобретают дефицит, аскетизм, исчезнувшую грубую естественность: натуральные пищевые продукты, лечебное питание, йогу. Подтверждается, но уже на производном уровне, идея Маршалла Салинза о том, что дефицит порождает именно рыночная экономика, а вовсе не натуральная: тут, на передовых рубежах торжествующей рыночной экономики, снова выдумывается дефицит/знак, дефицит/симулякр, симулируется поведение слаборазвитых (даже провозглашают марксистские тезисы) для того, чтобы, прикрываясь экологией, энергетическим кризисом и критикой капитала, добавить последний эзотерический венчик к торжеству экзотерической культуры. Но возможно, что ментальная катастрофа, имплозия и беспрецедентная ментальная инволюция подстерегают систему такого типа, видимыми признаками которых, похоже, и является это дикое ожирение или невероятное сосуществование самых причудливых теорий и практик, которое соответствует столь

же невероятной коалиции излишества, райского блаженства и денег, невероятной реализации роскошной жизни и не поддающихся обнаружению противоречий. <...>

Итак, Уотергейт был лишь ловушкой, устроенной системой для своих противников, – симуляцией скандала в регенерационных целях. Это воплощено в фильме персонажем «Глубокая Глотка», который, как говорят, был серым кардиналом республиканцев и манипулировал левым крылом журналистов с целью избавиться от Никсона, – почему бы и нет? Все гипотезы возможны, однако эта лишняя: левые очень хорошо сами, произвольно, выполняют работу правых. Впрочем, было бы наивно видеть в этом самоотверженную добросовестность. Ведь правые также произвольно выполняют работу левых. Все гипотезы манипуляции являются обратимыми в бесконечной замкнутой системе. Ведь манипуляция является шаткой каузальностью, в которой положительная и отрицательная позиции порождают и перекрывают друг друга каузальностью, в которой больше нет ни актива, ни пассива. Именно через произвольное прекращение обращения этой каузальности и может быть спасен принцип политической реальности. Именно через симуляцию ограниченного, традиционного, перспективного пространства, в рамках которого причины и следствия какого-либо действия или события можно просчитывать, и может сохраняться политическое правдоподобие (и конечно, «объективный» анализ, борьба и т.д.). Если рассматривать полный цикл любого действия или события в системе, в которой больше не существует линейной последовательности и диалектической полярности, в пространстве, поврежденном симуляцией, где исчезает всякая детерминированность, то каждое действие здесь отменяется с окончанием цикла, рассеиваясь во всех направлениях и становясь выгодным для всех.

Вот, к примеру, взрывы в Италии – это акция левых экстремистов, или правоэкстремистская провокация, или инсценировка центристов с целью дискредитации всех террористов-радикалов и удержания своей шаткой власти, или же полицейский сценарий и шантаж общественной безопасностью? Все это одновременно верно, и поиск доказательств и даже объективность фактов не останавливает эту безудержность интерпретаций. Это потому, что мы находимся в логике симуляции, которая больше не имеет ничего общего с логикой фактов и рациональным порядком. Симуляции присуща прецессия модели, всех моделей, над самым незначительным фактом – модели предшествуют своей, орбитальной, как ракеты с ядерными боеголовками, циркуляции и составляют истинное магнитное поле события. Факты больше не имеют собственной траектории, они рождаются на пересечении моделей, один и тот же факт может быть порожден всеми моделями одновременно. Эта анти-

ципация, эта прецессия, это замыкание, это смешение факта с его моделью (нет больше искажения смысла, нет больше диалектической полярности, нет больше отрицательного заряда и имплозии антагонистических полюсов) – вот что каждый раз оставляет место для любых интерпретаций, даже самых противоречивых, все они одинаково верные в том смысле, что их истинность состоит во взаимообмене в пределах общего цикла, подобно моделям, из которых они истекают.

Коммунисты атакуют Социалистическую партию так, будто хотят разрушить весь Союз левых сил. Они отстаивают идею, что это противодействие вызвано более радикальными политическими требованиями. На самом же деле это из-за того, что они не хотят власти. Но они не хотят ее из-за конъюнктуры, неблагоприятной для левых в целом или неблагоприятной для них самих в рамках Союза левых сил, или же они, по определению, больше не хотят власти? Когда Берлингуэр заявляет: «Не надо бояться того, что коммунисты придут к власти в Италии», это одновременно означает:

- что не следует бояться, потому что коммунисты, если они придут к власти, ничего не изменят в ее фундаментальном капиталистическом механизме;

- что нет никакого риска, что они когда-нибудь вообще придут к власти (по той причине, что они не хотят ее), и даже если они возьмут власть, то будут осуществлять ее всегда только через других;

- что на самом деле власть, истинная власть, больше не существует, и потому нет ничего опасного в том, что кто-то ее возьмет или возвратит;

- но еще: Я, Берлингуэр, не боюсь того, что коммунисты возьмут власть в Италии, – что может стать очевидным, однако это не совсем так, ведь:

- это может означать противоположное (ясно и без психоанализа): Я боюсь, что коммунисты возьмут власть (и для этого есть веские причины даже у коммуниста).

Все это одновременно верно. В этом состоит секрет дискурса, который больше не является лишь неоднозначным, как это случается с политическим дискурсом, но выражает невозможность определить позицию власти, невозможность определить позицию в дискурсе. И эта логика не склоняется ни в ту, ни в другую сторону. Она пронизывает все дискурсы вопреки их желаниям.

Кто распутает этот клубок противоречий? Гордиев узел можно было, по крайней мере, разрубить. Если же разрезать ленту Мебиуса, то она дает дополнительную спираль, однако уже без реверсивности поверхностей (в нашем случае: реверсивная непрерывность гипотез). Перед

нами ад симуляции, который уже не ад мучений и пыток, но ад неуловимого, зловредного, неопределимого искривления смысла... где даже Бургосский процесс становится еще одним подарком со стороны Франко западной демократии, которая получает возможность регенерировать свой собственный шаткий гуманизм и чей негодующий протест, в свою очередь, укрепляет режим Франко, консолидируя испанские массы против иностранного вмешательства. Где во всем этом истина, когда подобные сговоры прекрасно происходят даже без ведома заговорщиков?

Контрольные вопросы

1. В каком отношении находятся друг к другу копия и реальность в понимании Ж. Бодрийера?
2. В какой взаимосвязи находятся понятия симуляции и гиперреального в концепции Ж. Бодрийера?
3. Можно ли с опорой на предложенный фрагмент текста Ж. Бодрийера сказать, что рекламный контент представляет собой гиперреальность? Почему?

Глава 5. ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

Философию истории следует отличать от исторической науки. Они взаимосвязаны, но не тождественны. Стремление воспроизвести события прошлого и понять их – задача историков. Философский же интерес сосредоточен на истории как целостном и едином процессе. Философская мысль выясняет сущность исторического бытия, его отличие от бытия природного, либо от бытия вечного; исследует закономерности и движущие силы истории; определяет «формы» исторического процесса, который может представляться линейным, циклическим, волнообразным и т.п.; желает распознать конечную цель, к которой устремлена история, ее высший смысл. К числу названных философских проблем нужно добавить проблему методологии исторического познания.

Философия истории – относительно позднее явление. Так, в античной мысли она отсутствует. Причина – в характерном для античности понимании задач философского познания, призванного постигать вечное и неизменное сущее. Исторические события, однократные и преходящие, не интересны для античного философа.

Принципиально новое отношение к истории формируется в христианстве. Люди и человеческие сообщества – народы и государства, выступают в средневековой христианской концепции истории как исполнители Божественного Провидения, Промысла. История перестала быть хаотическим нагромождением случайных и необязательных событий, она обрела плановость и цель. Библейская история человечества имеет начало – изгнание из Рая, центр – Боговоплощение, и конец – воцарение в мире антихриста, за которым следует Второе Пришествие Христа, Страшный Суд и торжество Царства Божьего. Христианский взгляд на историю нашел свое классическое выражение в книге Аврелия Августина (354-430) «О Граде Божьем» – первой в европейской культуре работе по философии истории.

В эпоху Возрождения и Нового времени утверждается иная парадигма исторического сознания, в которой подлинным творцом истории выступает человек, человеческий род. Однако светская новоевропейская философия унаследовала от христианского средневековья ряд важных принципов: идею плановости истории; представление о направленности исторического процесса к определенной цели, лежащей в будущем; принцип стадийного членения истории; представление о единстве человечества.

Философско-историческая мысль постоянно возвращается к проблеме свободы и необходимости в истории. В природе царит необходимость – объективные законы, от которых она не может уклониться: одни и те же

причины в одних и тех же условиях порождают одни и те же следствия. Историю же творят люди, обладающие свободой воли, руководствующиеся в своих действиях замыслами, идеалами. Можно предположить, что историческая реальность кардинально отличается от природной отсутствием какой-либо закономерности. Именно такова позиция волюнтаризма: свободная воля, не определяемая никакими внешними причинами, – вот движущая сила истории. Последовательный волюнтаризм исключает представление о закономерности исторического процесса, о его направленности к какой-либо конечной цели. Он говорит о незавершенности истории: будущее целиком зависит от выбора человека.

Волюнтаризму в понимании истории противостоит исторический детерминизм. Это принцип, утверждающий наличие объективных причин, направляющих поступки людей независимо от их воли и желания. Давно замечено: результаты человеческой деятельности, как в личной, так и в общественной жизни, довольно редко совпадают с первоначальными намерениями действующих лиц. Как будто за спинами людей стоят воля и разум, выступающие подлинными субъектами исторической жизни и использующие человека для выполнения своих целей. Крайняя форма детерминизма – фатализм.

Мысль о наличии в истории необходимости, объективной логики развития, устремленной к конечной цели, приобретала в различных философских учениях конкретное содержание.

В христианской философии мы встречаем учение о Божественном Провидении, вершащем судьбу человеческого рода.

Детерминизм в теории немецкого философа Георга Гегеля (1770-1831) выступает как логика саморазвития мирового разума, ведущего человечество к свободе. Гегель определил свободу как осознанную необходимость: познание законов природы и общества и деятельность в соответствии с этими законами (а никак не вопреки им) сделает людей свободными. Однако даже если люди ничего не знают об исторической необходимости, поступая глупо и неразумно, мировой разум «перехитрит» их, достигая своих целей самыми разнообразными средствами.

Детерминизм в марксизме был понят как обусловленность общественного прогресса развитием экономики. Карл Маркс (1818-1883) называл свое понимание истории материалистическим, возражая как волюнтаризму, так и гегелевскому идеализму.

Теории Гегеля и Маркса, каждая по-своему, выразили господствующую в европейском обществе XVIII-XIX вв. идеологию прогресса. Согласно этой оптимистической идеологии, человеческое общество в ходе истории неуклонно развивается, приближаясь к совершенному состоянию.

Разочарование в идеологии прогресса стимулировало поиск новых подходов к пониманию истории. В русской религиозной философии XIX – начала XX в. она подверглась критике в свете христианской нравственности и эсхатологии, примером чему служат приведенные ниже историософские воззрения Николая Александровича Бердяева (1874-1948).

Стала вызывать сомнения идея о существовании цели истории. Немецкий философ-экзистенциалист Карл Ясперс (1883-1969) писал о ее принципиальной незавершенности.

Кроме того, разрабатываются теории, в которых субъектом истории выступает не человечество, а автономные социальные организмы (цивилизации, культурно-исторические типы, культуры), каждый из которых возникает, развивается, достигает вершины возможностей, а затем деградирует и погибает, завершив полный цикл своего существования. История человечества, таким образом, складывается из множества историй. В свете такого подхода не существует единой для всех народов линии развития, ни одна цивилизация не может служить примером для другой. Такой теоретический подход (его часто называют цивилизационным) представлен в трудах английского историка Арнольда Тойнби (1884-1975).

Публикуемые тексты приводятся по изданиям:

Бердяев Н.А. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. – 173 с.

Блаженный Августин. О Граде Божием. – М.: АСТ: Харвест, 2000. – 1296 с.

Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. – СПб.: Наука, 1993. – 477 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 3 т. Т. 1. – М.: Политиздат, 1985. – 635 с.

Тойнби А.Дж. Постижение истории: сборник. – М.: Прогресс, 1990. – 730 с.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Республика, 1994. – 527 с.

Из работы Блаженного Августина «О Граде Божием»

<...> Я поставил своей задачей защитить град Божий, славнейший как в этом течении времени, когда странствует он между нечестивыми, «живя верою» (Аввак. II, 4), так и в той вечной жизни, которую сейчас он «ожидает в терпении» (Рим. VIII, 25), ... и которую он обретет в силу несомненного ее превосходства, защитить против тех, которые ставят своих богов выше его Основателя.

Знаю, какие нужны силы для того, чтобы убедить гордых, как велика доблесть смирения. <...> Ибо Царь и Основатель этого града, о котором мы задумали говорить, открыл в Писании Своем народам определение божественного закона, в котором сказано: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (Иак. IV, 6; I Пет. V, 5). Но то, что принадлежит одному только Богу, старается присвоить себе и надменный дух гордой души, и любит, чтобы ему вменяли в славу щадить покорных, низлагая гордых.

Поэтому, насколько того требует предпринятый мною труд и насколько это представляется возможным, нельзя обойти молчанием и земного града, который, стремясь к господству, сам находится под властью этой страсти господствовать, хотя ему и поклоняются народы.

Последний (род человеческий, – М.П., А.Р.) мы разделили на два разряда: один тех людей, которые живут по человеку, другой тех, которые живут по Богу. Эти разряды мы символически назвали двумя градами, т.е. двумя обществами людей, из которых одному назначено вечно царствовать с Богом, а другому подвергнуться вечному наказанию с дьяволом. <...> Весь этот период, или век, в течение которого умирающие уходят, а рождающиеся заступают их место, представляет собой удел этих двух градов. <...>

Итак, от этих двух родоначальников человеческого рода прежде был рожден Каин, принадлежащий к человеческому роду, а потом Авель, принадлежащий к Граду Божью. <...>

Земной град, который не будет вечным (потому что не будет уже градом, когда будет осужден на вечное наказание), имеет свои блага на земле, которым и радуется, насколько возможна радость о таких вещах. <...> Пренебрегши теми лучшими благами, которые относятся к вышнему Граду, где будет победа, обеспечивающая навеки и притом – высший мир, привязывается более к этим благам, или считая их единственными, или любя их более тех благ, которые признают лучшими: тогда несчастье последует неизбежно, а бывшее прежде увеличится.

Само число веков, как бы дней, если мы будем считать их по тем периодам времени, указание на которые находим в Писании, окажется субботаством, потому что число это есть семь; так, первый век, как бы первый день, простирается от Адама до потопа, второй – от потопа до Авраама; равны они, впрочем, не продолжительностью времени, а числом поколений, так как в том и в другом их по десять. Затем, от Авраама до пришествия Христова, по исчислению евангелиста Матфея, следуют три века, из которых каждый заключает в себе по четырнадцать поколений, а именно; от Авраама до Давида, от Давида до переселения в Вавилон и от переселения в Вавилон до рождества

Христовой. Всех, стало быть, пять. Теперь идет шестой, которого не следует измерять никаким числом поколений ввиду того, что сказано: «Не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти» (Деян. I, 7). После этого века Бог как бы почиет в седьмой день, устроив так, что в нем почиет и сам этот седьмой день, чем будем уже мы сами. О каждом из этих веков подробно рассуждать теперь было бы долго. По крайней мере, этот седьмой век будет нашей субботой, конец которой будет не вечером, а Господним, как бы вечным восьмым днем, который Христос освятил Своим воскресением, предызображая этим вечный покой не только духа, но и тела. Тогда мы освободимся и увидим, увидим и возлюбим, возлюбим и восхвалим. Вот то, чем будем мы без конца! Ибо какая иная цель наша, как не та, чтобы достигнуть царства, которое не имеет конца?

Контрольные вопросы

1. По каким признакам мыслитель различает два града?
2. Является ли периодизация истории Августина результатом его собственных изысканий?
3. Какова цель истории в представлении Августина? Когда она осуществится?

Из работы Г. Гегеля «Лекции по философии истории»

*Слово история означает в нашем языке как объективную, так и субъективную стороны, как *historiam rerum gestarum* (историю деяний), так и самые *res gestas* (деяния), им обозначается как то, что совершалось, так и историческое повествование. Мы должны считать это соединение обоих вышеупомянутых значений более важным, чем чисто внешней случайностью; следует признать, что историография возникает одновременно с историческими в собственном смысле этого слова деяниями и событиями: существует общая внутренняя основа, которая их вместе порождает.*

Семейные воспоминания, патриархальные традиции представляют некоторый интерес в семье и в племени; однообразная смена их состояний не является предметом, достойным воспоминаний <...>. Но только государство создает такое содержание, которое не только оказывается пригодным для исторической прозы, но и само способствует ее возникновению. <...>

Мы должны определенно познавать конкретный дух народа, а так как он есть дух, он может быть понимаем только духовно, мыслью. <...> Но высшее достижение для духа заключается в том, чтобы знать

себя, дойти не только до самосозерцания, но и до мысли о самом себе. Он должен совершить и он совершит это; но это совершение оказывается в то же время его гибелью и выступлением другого духа, другого всемирно-исторического народа, наступлением другой эпохи всемирной истории. Этот переход и эта связь приводят нас к связи целого, к понятию всемирной истории как таковой, и теперь мы должны подробнее рассмотреть это понятие, дать представление о нем.

<...> Всемирная история направляется с Востока на Запад, так как Европа есть безусловно конец всемирной истории, а Азия ее начало. <...> Здесь восходит внешнее физическое солнце, а на Западе оно заходит: но зато на Западе восходит внутреннее солнце самосознания, которое распространяет более возвышенное сияние. Всемирная история есть дисциплинирование необузданной естественной воли и возвышение ее до всеобщности и до субъективной свободы. Восток знал и знает только, что один свободен, греческий и римский мир знает, что некоторые свободны, германский мир знает, что все свободны. Итак, первая форма, которую мы видим во всемирной истории, есть деспотизм, вторая – демократия и аристократия, третья – монархия.

Для понимания этого деления следует заметить, что государство есть общая духовная жизнь, к которой индивидуумы относятся с доверием и привыкают от рождения и в которой выражаются их сущность и их деятельность. Поэтому прежде всего имеет значение то, оказывается ли их действительная жизнь чуждой рефлексии привычкой к этому единству или индивидуумы являются мыслящими личностями и для себя существующими субъектами. В этом отношении следует отличать субстанциальную свободу от субъективной свободы. Субстанциальная свобода есть в себе сущий разум воли, который затем развивается в государстве. Но при этом определении разума еще не существует собственного разума и собственного хотения, т.е. субъективной свободы, которая определяет себя лишь в индивидууме и означает рефлексию индивидуума в его совести. При лишь субстанциальной свободе предписания и законы являются чем-то таким, что в себе и для себя незыблемо, чему субъекты вполне подчиняются. Нет нужды в том, чтобы эти законы соответствовали собственной воле индивидуумов. <...>

Итак, мы должны начать с Востока. В основе этого мира лежит непосредственное сознание, субстанциальная духовность, к которой субъективная воля относится прежде всего как вера, доверие, повиновение. В государственной жизни мы находим там осуществленную разумную свободу, которая развивается, не переходя в себе в субъективную свободу. Это – детский возраст истории. Субстанциальные формы образуют пышные, стройные здания восточных государств, в которых

оказываются налицо все разумные определения, но так, что субъекты остаются лишь чем-то несущественным. Они вращаются вокруг центра, а именно вокруг властителя, который стоит во главе государства, как патриарх, а не как деспот в смысле Римской империи. Ведь он должен требовать, чтобы почиталось нравственное и субстанциальное начало: он должен поддерживать уже имеющиеся налицо существенные предписания, и то, что у нас вполне предоставляется субъективной свободе, в восточных государствах исходит из целого и всеобщего. Блеск восточного воззрения заключается в том, что один субъект признается субстанцией, которой все принадлежит, так что никакой другой субъект не обособляется и не отражается в его субъективной свободе.

<...> С одной стороны, мы видим прочность, устойчивость, свойственную миру пространства, неисторическую историю, как например в Китае государство, основанное на семейном начале, и отеческое правление, поддерживающее порядок целого своим попечением, увещаниями, наказаниями, преимущественно телесными, прозаичное государство, так как еще нет противоположности формы, бесконечности и идеальности. С другой стороны, этой пространственной прочности противостоит форма времени. Не изменяясь в себе или в принципе, государства подвергаются бесконечным изменениям по отношению друг к другу, между ними происходят непрерывные столкновения, вызывающие их скорую гибель.

<...> С юношеским возрастом можно сравнить греческий мир, так как в нем формируются индивидуальности. Это есть второй главный принцип всемирной истории. Как и в Азии, принципом является нравственное начало; но это начало та нравственность, которая запечатлена в индивидуальности и, следовательно, означает свободное хотение индивидуума. Итак, здесь происходит сочетание нравственной и субъективной воли или существует царство прекрасной свободы.

<...> Третий момент есть царство абстрактной всеобщности: это – римское государство. <...> Римское государство уже не есть царство индивидуумов, как им был город Афины. <...> Интерес обособляется от индивидуумов, но они получают в самих себе абстрактную формальную всеобщность. Всеобщее поработочает индивидуумов, им приходится отказываться в нем от себя, но зато они обретают всеобщность для самих себя, т.е. личность: они становятся юридическими личностями как частные лица.

<...> Наступает четвертый момент всемирной истории: германское государство; при сравнении с возрастами человека оно соответствовало бы старческому возрасту. Естественный старческий возраст

является слабостью, но старческий возраст духа оказывается его полной зрелостью, в которой он возвращается к единству, но как дух. Это государство начинается с примирения, совершившегося в христианстве; но теперь оно совершилось в себе, а поэтому оно, собственно говоря, начинается с чудовищной противоположности духовного, религиозного принципа и самой варварской действительности. Ведь сначала сам дух как сознание внутреннего мира еще абстрактен, вследствие этого в светской жизни господствуют грубость и произвол.

<...> Светская жизнь должна соответствовать духовному принципу, но только должна: бездушная светская власть должна прежде всего исчезнуть перед духовной властью; но так как последняя погружается в первую, она, отказываясь от своего назначения, теряет вместе с тем и свою силу. Эта испорченность духовной стороны, т.е. церкви, вызывает развитие более высокой формы разумной мысли: вновь углубившийся в себя дух делает свое дело в форме мышления, и он стал способным осуществлять разумное, исходя лишь из мирского принципа.

Таким образом, благодаря действующей силе общих определений, в основе которых лежит принцип духа, царство мысли воплощается в действительности. Противоположность между государством и церковью исчезает, дух находит себя в светской жизни и организует ее как органическое в себе наличное бытие. Государство уже не стоит ниже церкви и уже не подчинено ей; церковь лишается своих привилегий, и духовное начало уже не чуждо государству. Свобода нашла себе опору, свое понятие о том, как осуществить свою истину. В этом состоит цель всемирной истории, и нам предстоит пройти тот долгий путь, который указан в вышеизложенном обзоре. Но продолжительность времени есть нечто совершенно относительное, и дух вечен. Продолжительности в собственном смысле для него не существует.

<...> Народу, обладающему ... природным началом, поручено его исполнение в поступательном шествии развивающегося самознания мирового духа. Он во всемирной истории для данной эпохи – господствующий народ, и лишь однажды он может ... составить в ней эпоху. Пред лицом этого его абсолютного права быть носителем ступени развития мирового духа в настоящее время духи других народов неправы, и они, равно как и те, чья эпоха минула, не идут больше в счет во всемирной истории.

Контрольные вопросы

1. Что является подлинным субъектом исторического развития по Г. Гегелю: общество, мировой дух, государство, народ?
2. Сколько этапов всемирной истории выделяет философ?

3. В чем принципиальная разница между государствами Востока, греческими полисами, римским государством и германским государством?
4. Какой народ Гегель называет господствующим?

Из письма Карла Маркса Йозефу Блоху

История делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновения множества отдельных волей, причем каждая из этих волей становится тем, что она есть, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом, имеется бесконечное количество параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая – историческое событие. Этот результат можно опять-таки рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое, бессознательно и безвольно. Таким образом, история, как она шла до сих пор, протекает подобно природному процессу и подчинена, в сущности, тем же самым законам движения. Но из того обстоятельства, что воли отдельных людей, каждый из которых хочет того, к чему его влечет физическая конституция и внешние, в конечном счете экономические обстоятельства (или его собственные, личные, или общественные), что эти воли достигают не того, чего они хотят, но сливаются в нечто среднее, в одну общую равнодействующую, – из этого все же не следует заключать, что эти воли равны нулю. Наоборот, каждая воля участвует в равнодействующей, постольку включена в нее.

Из работы Карла Маркса «Немецкая идеология»

Это (материалистическое, – М.П., А.Р.) понимание истории заключается в том, чтобы исходя именно из материального производства непосредственной жизни, рассмотреть действительный процесс производства и понять связанную с данным способом производства и порожденную им форму общения – то есть гражданское общество на его различных ступенях, как основу всей истории; затем изобразить действительность гражданского общества в сфере государственной жизни, а также объяснить из него все различные теоретические порождения и формы сознания, религию, философию, мораль и т.д. и проследить процесс их возникновения на этой основе.

Из работы Карла Маркса «К критике политической экономии. Предисловие»

Общий результат, к которому я пришел <...> может быть кратко сформулирован следующим образом. В общественном производстве своей

жизни люди вступают в определенные необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще.

Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной ... надстройке. <...> Ни одна общественная формация не погибнет раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появятся раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. <...> В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества.

Из работы Карла Маркса «Экономическо-философские рукописи 1844 года»

Коммунизм как положительное упразднение частной собственности – этого самоотчуждения человека – и в силу этого как подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека. ...Такой коммунизм <...> = гуманизму; он есть действительное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлин-

ное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом. Он – решение загадки истории, и он знает, что он есть это решение.

Контрольные вопросы

1. В чем Маркс усматривает сходство исторического процесса и природного?
2. В чем суть материалистического понимания истории?
3. Назовите основные этапы исторического развития, которые выделяет К. Маркс.
4. Что такое общественно-экономическая формация и как происходит их смена?

Из работы Николая Александровича Бердяева «Смысл истории»

В концепции исторического материализма исторический процесс оказывается окончательно лишенным души. Души, внутренней тайны, внутренней таинственной жизни нет больше ни в чем <...>. Он просто отрицается как проблема, она считается иллюзорной проблемой.

В историческом материализме, который я духовно отрицаю, нельзя не признать частичной истины, но материальный фактор, действующий в исторической действительности, и сам имеет глубочайшую духовную почву <...>. Вся экономическая жизнь человечества имеет духовный базис, духовную основу.

Идея прогресса для метафизики истории является центральной. Начиная с конца XVIII века и весь XIX век она играет определяющую роль в мирозерцании европейского человечества. ...Можно с большим основанием говорить, что учение о прогрессе было для многих религией, т.е. существовала религия прогресса, которую исповедовали люди XIX века, и она заменяла для них христианскую религию, от которой они отступили. Эту религиозную, по своим притязаниям, идею прогресса нужно подвергнуть анализу для того, чтобы вскрыть ее основные внутренние противоречия.

Основное противоречие <...> заключается в ложном отношении учения о прогрессе к проблеме времени – к прошлому, настоящему и будущему. Учение о прогрессе есть, прежде всего... обоготворение будущего за счет настоящего и прошлого. <...> Учение о прогрессе предполагает, что задачи всемирной истории человечества будут разрешены в будущем, что наступит какой-то момент в истории человечества, в судьбе человечества, в которой будет достигнуто высшее совершенное состоя-

ние и в этом высшем совершенном состоянии будут примирены все противоречия, которыми полны судьбы человеческой истории, будут разрешены все задачи. В это верили и Конт, и Гегель, и Спенсер, и Маркс. Правомерно ли такое предположение?

<...> Ведь прогресс, позитивно понимаемый, заключается в том, что в потоке времени, в котором свершаются судьбы человеческой истории, одно поколение сменяет другое, человечество восходит на какую-то неведомую и чуждую мне вершину, идет вперед, идет вверх, к высшему состоянию, по отношению к которому все предшествующие поколения являются лишь звеньями, лишь средством, орудием, а не самоцелью. <...> Это учение заведомо и сознательно утверждает, что для огромной массы, бесконечной массы человеческих поколений и для бесконечного ряда времен и эпох существует только смерть и могила. Они жили в несовершенном, страдальческом, полном противоречий состоянии, и только где-то на вершине исторической жизни появляется, наконец, на истлевших костях всех предшествующих поколений такое поколение счастливых, которое взберется на вершину и для которого возможна будет высшая полнота жизни, высшее блаженство и совершенство. <...> Это – основное религиозное и моральное противоречие учения о прогрессе, которое делает его внутренне неприемлемым и недопустимым. <...> Она глубоко противоположна христианскому упованию на всеобщее воскресение всех поколений, всех умерших, всех отцов и предков. Христианская идея основана на уповании, что окончится история исходом из исторических трагедий, из всех ее противоречий и в этом исходе примут участие все человеческие поколения, что все когда-либо жившие будут воскрешены для вечной жизни.

Учение о прогрессе в его безрелигиозной форме ... есть не что иное, как возведение в систему, в цельную теорию основного гуманистического предположения о том, что человек может довести самому себе, может разрешать свою судьбу имманентными человеческими силами и не нуждается в божественных силах и в божественных целях жизни.

История есть, поистине, – и в этом ее религиозное содержание – путь к иному миру. Но внутри истории невозможно наступление какого-либо абсолютного совершенного состояния, задача истории разрешима лишь за ее пределами. Переходом от одной эпохи к другой бьется человечество над разрешением своей судьбы внутри истории. Когда оно приходит не к тому, чего ждало, и начинает ощущать безвыходность круга истории, тогда человечество начинает сознавать невозможность разрешить свою задачу внутри самого процесса истории, начинает сознавать, что лишь трансцендентный выход делает историю разрешимой. <...> Основная идея, к которой приходит метафизика истории и кото-

рая вместе с тем является и предпосылкой метафизики истории, есть идея неизбежности конца истории.

В исторической судьбе человека, в сущности, все не удалось, и есть основание думать, что никогда и не будет удаваться. Не удался ни один замысел, поставленный внутри исторического процесса. Никогда не осуществлялось то, что ставилось задачей и целью какой-либо исторической эпохи, что преподносилось как идея, которая должна быть, так или иначе, осуществлена. <...> Если мы возьмем всю новую гуманистическую историю, то она поражает сплошной неудачей, потому что не удался Ренессанс и то, что Ренессансом сотворено, не соответствует подлинным его заданиям и планам. ...Такие же неудачи постигли и реформацию, поставившую себе великую цель утверждения религиозной свободы и приводящую к крушению религии; и французскую революцию, создавшую вместо братства, равенства и свободы – буржуазное общество XIX века. <...> Вместо равенства, братства и свободы раскрылись новые формы неравенства и ненависти людей друг к другу. Точно так же можно заранее с уверенностью сказать, что не удадутся и те основные идеи и задачи, которыми живет наша эпоха, не удастся никогда социализм, который попробуют осуществить и который, вероятно, будет играть большую роль в том периоде истории, в который ныне мы вступаем. ...Он никогда не осуществит ни того освобождения человеческого труда, которого Маркс хотел достигнуть связыванием труда, никогда не приведет человека к богатству, не осуществит равенства, а создаст лишь новую вражду между людьми, новую разобщенность и новые неслыханные формы гнета. ...Можно сказать больше – ...можно сказать, что история христианства также есть сплошная великая неудача. ...Те задания, которые поставлены христианской верой, христианским сознанием, никогда на протяжении 2000 лет не были осуществлены и никогда в пределах этого нашего времени и в пределах этой истории не будут осуществлены, потому что осуществлены они могут быть лишь в победе над временем, в переходе в вечность и в преодолении истории через переход в сверх-исторический процесс. Но самая неудача христианства менее всего может быть превращена в аргумент против высшей его правды, так же как и самая неудача истории менее всего означает бессмысленность истории, внутреннюю ее ненужность и пустоту. <...> Посюсторонняя неудача... указывает лишь на то, что человек и человечество в своих судьбах призваны к высшей реализации своих потенций, бесконечно превышающей все те реализации, к которым человек стремится в исторической своей жизни. ...Это не неудача Божья, как думают те, которые направляют этот аргумент против христианства, а неудача человеческая. Неудача же человеческая обозначает лишь то, что человек в своей судьбе

призван к тому, чтобы подняться еще выше, чтобы реализовать свои потенции в вечном времени, в более высокой действительности, чем та, в которой он пытался их реализовать.

<...> Бог ждет от человека свободного дерзновения творчества. Но в исторической судьбе человечества, в конкретной человеческой истории, постоянно происходят срывы с пути свободы на пути принуждения и необходимости. <...> Труден и трагичен путь свободы, потому что, поистине, нет ничего ответственнее и ничего более героического и страдальческого, чем путь свободы. Всякий путь необходимости и принуждения – путь более легкий, менее трагический и менее героический. Вот почему человечество, в своих исторических путях, постоянно сбивается на соблазн подмены путей свободы путями принуждения. Это происходит как в религиозной жизни, так и в жизни не религиозной. Соблазн этот гениально раскрыт Достоевским в «Легенде о Великом Инквизиторе». Великий Инквизитор хочет снять с людей бремя свободы во имя счастья всех. Соблазн этот в прошлом породил историческую инквизицию, а в настоящем – религию социализма, которая есть не что иное, как религия Великого Инквизитора, основанная на подмене путей свободы путями принуждения, на снятии с человека бремени трагической свободы. На этом разыгрывается драма истории с ее постоянной борьбой начала свободы и начала принуждения и постоянным переходом от одного начала к другому.

Но если отрицать учение о прогрессе, если отвергать обоготворение грядущих поколений, если не видеть в грядущем постоянного нарастания положительного добра, положительного света, положительного совершенства и блаженства, то в чем же тогда заключается внутренний смысл грядущей исторической судьбы и существует ли этот смысл? Для христианской философии ответ на этот вопрос не так труден, потому что христианская философия истории, по существу, не может быть не апокалиптической. <...> В апокалиптическом свете метафизика истории раскрывает двойственность грядущего, раскрывает нарастание в нем как положительных христианских сил, которое должно завершиться явлением Христа Грядущего, так и отрицательных антихристианских сил, которое должно завершиться явлением антихриста. ...В грядущем предстоит небывалая борьба добра и зла, Бога и дьявола, света и тьмы. Смысл истории заключается в раскрытии этих противоположных начал, в их противоборстве и в окончательном трагическом столкновении одного и другого начала. ...История только в том случае имеет положительный смысл, если она кончится. Вся метафизика истории, которую я пытался раскрыть в своей книге, ведет к сознанию неизбежности конца истории. <...> Такая относительно пессимистическая метафизи-

ка истории разрывает с иллюзиями, связанными с обоготворением будущего, низвергает идею прогресса, но укрепляет надежду и упование на разрешение всей муки истории в перспективе вечности, в перспективе вечной действительности.

Контрольные вопросы

1. В чем заключается несостоятельность учений о прогрессе?
2. Разъясните мысль Н. Бердяева о том, что в истории человечества «все не удалось».
3. Н. Бердяев упоминает «Легенду о Великом Инквизиторе» из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Вспомните ее содержание.
4. В чем заключается смысл истории по убеждению философа?
5. В чем схожи воззрения на историю Августина Блаженного и Н. Бердяева?

Из работы Карла Ясперса «Смысл и назначение истории»

В попытке постигнуть единство истории, то есть мыслить всеобщую историю как целостность, отражается стремление исторического знания найти свой последний смысл. Поэтому при изучении истории в философском аспекте всегда ставился вопрос о единстве, посредством которого человечество составляет одно целое.

Люди заселили земной шар, но были разбросаны по его поверхности и ничего не знали друг о друге; они жили самой разнообразной жизнью, говорили на тысяче различных языков. Поэтому тот, кто раньше мыслил в рамках мировой истории, создавал из-за узости своего горизонта это единство ценою его ограничения – у нас Западным миром, в Китае – срединной империей. Все, что находилось вне этого, сюда не относилось, рассматривалось как существование варваров, первобытных народов, которые могут быть предметом этнографии, но не истории. Единство заключалось в следующем: предполагалось наличие тенденции, в соответствии с которой все, еще неизвестные, народы мира будут постепенно приобщаться к одной, то есть собственно культуре, введены в сферу собственно жизненного устройства.

Если вера всегда исходила из того, что в истории существует причина и цель, то мысль хотела обнаружить их в конкретной истории. Конструкции единой истории человечества были попытками объяснить знание о единстве либо божественным откровением, либо способностью разума.

Поступь бога в истории стала для людей Запада зримой в последовательности актов сотворения мира, изгнания из рая, изъявления божес-

ственной воли устами пророков, спасения, явления Бога людям на рубеже времен, предстоящего Страшного суда. Все то, что впервые утверждали иудейские пророки, что впоследствии было переработано в духе христианского учения Августином, повторялось и изменялось от Иоахима Флорского до Боссюэ, секуляризовалось Лессингом и Гердером, а затем Гегелем; это всегда – представление о единой целостной истории, в которой все имеет свое место. Здесь выступает последовательность основных принципов человеческого существования, которые, будучи познаны во всей своей глубине, учат тому, что, собственно говоря, есть и что происходит. Однако эта конструкция – при всей своей величественности веры в нее и ее воплощений в течение двух тысячелетий – оказалась несостоятельной.

а) Если я знаю целое, то каждое человеческое существование занимает в этом целом определенное место. Оно существует не для себя, его предназначение – прокладывать путь. Оно соотносится с трансцендентностью не непосредственно, а посредством своего места во времени, которое заключает его в некие рамки, превращает его в часть целого. Каждое человеческое существование, каждая эпоха, каждый народ является звеном цепи. Против этого восстает изначальное отношение к божеству, бесконечность всеобъемлющего, которая всегда может быть целостной.

б) В знании о целостности отбрасывается наибольшая масса человеческой реальности, целые народы, эпохи и культуры отбрасываются как не имеющие значения для истории. Они – не более чем случайность или попутное явление природного процесса.

в) История не завершена и не открывает нам своих истоков. Для названной конструкции она, однако, завершена. Начало и конец найдены в виде предполагаемого откровения. Две основные исторические концепции противостоят друг другу в своей исключительности.

В одном случае история являет собой целое, единство доступного знанию развития, имеющего начало и конец. Я и мое время находимся в определенной точке одного процесса, которая мыслится либо как низшая достигнутая нами глубина, либо как вершина пройденного до настоящего момента пути.

В другой концепции история не завершена как в действительности, так и для моего сознания. Я пребываю открытым для будущего. Это состояние ожидания и поисков истины, еще не-знания даже того, что уже есть, но что будет полностью доступно пониманию, только глядя из будущего. При таком понимании даже прошлое не завершено. То, что было, может быть истолковано по-новому. <...> То, что было, еще откроет, что оно есть. Оно не лежит перед нами как останки былого. <...> Мыс-

лящий человек еще сам находится в развитии, которое и есть история, он не завершен. Поэтому историю можно рассматривать как сферу опыта, поэтому единство тонет в бесконечности возможного.

Контрольные вопросы

1. В чем К. Ясперс увидел несостоятельность христианских и светских представлений о единстве истории человечества?
2. Как вы поняли мысль философа о незавершенности истории?

Из работы Арнольда Тойнби «Постижение истории»

Рассмотрев и идентифицировав двадцать одно общество одного вида, в числе которых находится и западное общество, предварительно их классифицировав на основании определенных критериев, перейдем, наконец, к исследованию собственной истории, а именно к сравнительному анализу процесса генезиса, роста, надлома и разложения, возникновения и падения универсальных государств, вселенских церквей, героических эпох, контактов между цивилизациями во времени и пространстве. Прежде чем приступить к исследованию, было бы целесообразно дать предварительный ответ на критику, в частности по вопросу о том, сравнимы ли зафиксированные нами 21 общество между собой. Их сравнимость можно проверить по нескольким параметрам.

Первый и самый простой аргумент против сравнимости данных обществ может быть сформулирован следующим образом: эти общества ничто не объединяет, кроме того, что они представляют собой интеллигибельные поля исторического исследования.

Ложность концепции единства цивилизации. <...> Этот тезис о «единстве цивилизации» является ложной концепцией, весьма популярной среди современных западных историков, мышление которых находится под сильным влиянием социальной среды.

Одна из причин, породивших это заблуждение, заключается в том, что современная западная цивилизация распространила само экономическую систему по всему миру. За экономической унификацией, которая зиждется на западном основании, последовала и политическая унификация, имеющая то же основание и зашедшая столь же далеко. Несмотря на то, что политическая экспансия западного мира в наши дни не столь очевидна и наступательна, как экспансия экономическая, тем не менее, около 60-70 государств современного мира, включая также существующие незападные государства, в настоящее время оказались членами (в разной степени включенности) единой мировой системы государств с единым международным правом.

Западные историки преувеличивают значимость этих явлений. Во-первых, они считают, что в настоящее время унификация мира на экономической основе Запада более или менее завершена, а значит, как они полагают, завершается унификация и по другим направлениям. Во-вторых, они путают унификацию с единством, преувеличивая таким образом роль ситуации, исторически сложившейся совсем недавно и не позволяющей пока говорить о создании единой Цивилизации, тем более отождествлять ее с западным обществом.

Западное общество провозглашается, тем не менее, цивилизацией уникальной, обладающей единством и неделимостью, цивилизацией, которая после длительного периода борьбы достигла, наконец, цели – мирового господства. А то обстоятельство, что ее экономическая система держит в своих сетях все человечество, представляется как небесная свобода чад Божьих.

Тезис об унификации мира на базе западной экономической системы как закономерном итоге единого и непрерывного процесса развития человеческой истории приводит к грубейшему искажению фактов и к поразительному сужению исторического кругозора.

Во-первых, подобный взгляд на современный мир следует ограничить только экономическим и политическим аспектами социальной жизни, но никак не распространять его на культуру, которая не только глубже первых двух слоев, но и фундаментальнее. Тогда как экономическая и политическая карты мира действительно почти полностью «вестернизированы», культурная карта и поныне остается такой, какой она была до начала западной экономической и политической экспансии.

Во-вторых, догма «единства цивилизации» заставляет историков игнорировать то, что непрерывность истории двух родственных цивилизаций отличается от непрерывности двух последовательных глав истории одной цивилизации. Не считаясь с этим различием, историки начинают рассматривать эллинскую историю как одну из глав истории западной цивилизации (которую они уже безоговорочно отождествили с Цивилизацией). Таким образом, три цивилизации объединяются в одну, а история единственной Цивилизации оказывается выпрямленной в линию, нисходящую от всеобъемлющей современной западной цивилизации к примитивному обществу неолита, а от неолита через верхний и нижний слои материальной культуры палеолита – к доисторическим предкам Человека.

В-третьих, они попросту игнорируют этапы или главы истории других цивилизаций, если те не вписываются в их общую концепцию, опуская их как «полуварварские» или «разлагающиеся» или относя их к Востоку, который фактически исключался из истории цивилизации. Наконец, они совершенно не учитывают наличия других цивилизаций. Православное

христианство, например, либо считается частью западного христианства, что можно вывести из названия, либо изображается временным наростом на теле западного общества. Православное христианство, по этой версии, зародившись, служило оплотом западного общества в борьбе с Востоком. Исчерпав свои функции, нарост этот атрофировался и исчез, подобно тому, как у головастика отваливаются жабры и хвост на стадии его превращения в лягушку. Что же касается трех других западных цивилизаций – исламской, индуистской и дальневосточной, – они вообще отвергаются как «туземные» по отношению к колеснице западного общества.

<...> Ложная концепция «единства истории» на базе западного общества имеет еще одну неверную посылку – представление о прямолинейности развития.

Это не что иное, как простейший образ волшебного бобового стебелька из сказки, который пробил землю и растет вверх, не давая отростков и не ломаясь под тяжестью собственного веса, пока не ударится головой о небосвод.

В начале нашего труда была предпринята попытка применить понятие эволюции к человеческой истории. Было показано, как представители одного и того же вида обществ, оказавшись в одинаковых условиях, совершенно по-разному реагируют на испытания – так называемый вызов истории. Одни сразу же погибают, другие выживают, но такой ценой, что после этого ни на что неспособны; третьи столь удачно противостоят вызову, что выходят не только не ослабленными, но даже создав более благоприятные условия для преодоления грядущих испытаний; есть и такие, что следуют за первопроходцами как овцы за вожак. Такая концепция развития представляется нам более приемлемой, и мы в нашем исследовании будем исходить именно из нее.

Контрольные вопросы

1. В силу каких причин в западной исторической науке сформировалась концепция «единства цивилизации»?
2. Каковы возражения ученого против представления об истории как о прямолинейном процессе?
3. Согласны ли вы с тем, что «культурная карта» мира не затронута вестернизацией?

Глава 6. МЕТОДОЛОГИЯ ПРОЕКТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ

*Жить – не что иное как творить будущее – наш идеал.
Но будущее есть произведение настоящего,
то есть нашей собственной мысли.*

Д.В. Веневитинов – русский органицист XIX в.

Специалист с высшим образованием должен владеть методологией профессиональной деятельности, поскольку любую продуктивную идею можно исковеркать неадекватными средствами ее воплощения. В результате поставленная цель не будет достигнута или в лучшем случае достигнута неоправданно завышенными усилиями. Адекватность методологии достигается посредством владения соответствующим теоретическим знанием, т.е. важно понимать, что теория и методология как элементы интеллектуальной и практической деятельности непосредственно связаны. В этом аспекте методология выступает как теоретическое обоснование оптимального алгоритма деятельности.

Методологические стратегии вырабатывались соответственно иерархии теоретического знания: частнонаучные, общенаучные и универсальные как базирующиеся на основе философского знания. Общенаучная методология появляется только на заре эпохи Нового времени в связи с назревшей исторической потребностью в профессионализации науки. Начало этому положили Ф. Бэкон как методолог эмпирического уровня и Р. Декарт как методолог теоретического уровня научного познания. Философские стратегии, напротив, вырабатывались, начиная с ранних цивилизаций, в форме мировоззренчески умозрительных картин мира и представляли собой магистральную установку жизнедеятельности в соответствии с уровнем развития социальной практики в каждую эпоху: например, в Средние века осознание себя во взаимосвязи с Богом сквозь призму теологической идеи всемогущества и всеблагости Его воли, исходя при этом из принципа теоцентризма (Бог как творец имманентен мирозданию). Первая научная картина мира возникает в эпоху Нового времени как результат деятельности профессионального научного сообщества, который теоретически полноценно был воплощен И. Ньютоном. Гений науки, по его собственному свидетельству, опирался на общенаучную методологию эмпирического и теоретического уровней исследования, разработанную Бэконом и Декартом. Синергия философской и научной картины мира формирует парадигмальность методологии в каждую конкретную эпоху, начиная с эпохи Нового времени; т.е. возникает своего рода образец (парадигма – гр. *παράδειγμα* – «пример, модель,

образец») вполне осознанного и успешного алгоритма деятельности во всех элементах культуры.

Первой парадигмальной методологией стал механицизм эпохи Нового времени, выражающийся в том, что восприятие любых социоприродных феноменов и процессов по аналогии с исследованием и управлением простыми механическими системами с их закономерно однозначной детерминацией стало осознанным фундаментом и пронизывало все аспекты жизнедеятельности социального субъекта этой эпохи. Яркой манифестацией данной парадигмальности выступает само название труда одного из материалистов – просветителей XVIII в. Это работа Ж.О. де Ламетри «Человек-машина». Историческое значение парадигмы механицизма состоит в том, что, соответствуя уровню и направленности развития социальной практики XVI-XVIII столетий, она подготовила промышленный переворот рубежа XVIII-XIX вв.

Следующая парадигмальная методология формируется в результате синергии эйнштейновской (неклассической) научной картины мира и доминирования субъективно-идеалистического тренда в философии, заданного, прежде всего, позитивизмом. Исходя из принципа, что каждая наука сама себе философия, позитивизм придал универсальное мировоззренческо-методологическое значение релятивистской научной картине мира. Продуктивное историческое значение парадигмы релятивизма – это необходимость осознания всей меры ответственности социальным субъектом на многостепенные последствия своей деятельности, которая в результате промышленного переворота глобализируется посредством овладения все более мощными технологиями использования искусственных источников энергии, а затем в результате научной революции рубежа XIX-XX вв. проникает технологически в микромир и выходит в мегамир. Однако фундаментально значимые идеи на уровне массового сознания выхолащиваются в своем содержании, и парадигма релятивизма приобрела широкогуляющую формулу: у каждого своя истина. То есть вместо осознания глобализации ответственности за результаты своей деятельности, столь необходимого в индустриальную и постиндустриальную эпоху, в умах близоруких воцарилась стратегия произвола.

В связи с переходом науки на качественно новый этап, именуемый как постнеклассический и стартовавший посредством деятельности научных групп Римского клуба с рубежа 60-70 гг. XX в., формируется проективная методология как исторически востребованная новая парадигмальная методология. Переход к постнеклассической науке был обусловлен потребностью формирования новой научной картины мира глобального эволюционизма. Научные группы Римского клуба стали разрабатывать методологию компьютерного проектирования глобальных социоприрод-

ных процессов и первыми забили в набат по поводу глобальных проблем современности, реализуя тем самым продуктивное значение предшествующей парадигмы релятивизма в форме акцентирования глобализации ответственности человека за судьбы мира. Во второй половине XX в. проектами стали именовать решение промышленных задач, в наше столетие проектами обозначают достижение практически любой цели: написать статью, сделать доклад, снять клип и т.п.

Прежде чем перейти к раскрытию проективной методологии, необходимо отметить общие свойства всех трех парадигмальных методологий: механицизма, релятивизма и проективизма. Все освоенные уже человеком парадигмы вытекают из самой его природы, т.е. био-психо-социальных свойств вида *Homo Sapiens* и соответствующего этой природе характера взаимодействия человека с миром. Фундаментальной причиной исторически последовательного формирования данных парадигм является достигнутый в соответствующую эпоху уровень развития социальной практики. Полноценная реализация исторически актуальной парадигмы в каждую эпоху подготавливала переход к последующей, более сложной парадигме. При этом предыдущие парадигмы в снятом виде сохраняют свою применимость в алгоритме более сложно организованной деятельности как локальные действия, адекватные с точки зрения решения частных задач в процессе достижения поставленной цели. В том случае, если социальный субъект использует устаревшую парадигмальную методологию как основную для достижения целей в новых исторических условиях, он терпит фиаско. Так, например, попытка реформирования советского общества в период так называемой хрущевской оттепели с позиции механицизма только усугубила назревшие и требующие своего созидательного разрешения противоречия. Или, например, реализация проектов цветных революций с позиции механицизма («с человеком и с целым народом можно поступать так, как мы поступаем с камнем и металлами, т.е. сделать из них то, что пожелаем сделать») и релятивизма (игра по правилам, которые импровизационно устанавливает актер проекта, отсюда и практика двойных-тройных стандартов) одновременно приводит к катастрофическим последствиям как в судьбе народов – объектов такого рода манипулирования (разруха, регресс), так и самого актора (хоть и не сразу это очевидно), и главное – повышает риски самоуничтожения человечества.

Проективная методология как наиболее адекватная в современных исторических условиях заложена в природе *Homo Sapiens* благодаря обладанию разумом как инструментом понятийного мышления, свободой воли и, соответственно, творческим потенциалом, а также своей социальной сущностью (один, как известно, в поле не воин). Поэтому задолго до того, как зрелость социального субъекта и уровень развития социальной прак-

тики актуализировали парадигму осознанной проективной методологии, она заявляла о себе в зародышевой форме так называемых утопий. Хотя следует отметить, что уже на уровне мифологического мировосприятия в образе Прометея (вперед смотрящий) в противоположность его брату Эпиметею (назад смотрящий) была заложена активная целеустремленность человека в будущее. В этом проявлялась имплицитная заданность проективного характера человеческой жизнедеятельности, реализуемая сугубо спонтанно.

Первой утопией в истории философской мысли принято считать концепцию «идеального государства» Платона, в которой античный философ обосновал, что совершенная организация общества должна исходить из природы человеческой души и из принципа, что каждый в этом обществе занимается тем, что ему по душе. Обозначение этой концепции как утопии, очевидно, связано со смыслом принципиальной нереализуемости подобных идей. Однако, по существу, это философское учение, раскрывающее принципы совершенной организации общества, т.е. справедливой, разумной, приносящей удовлетворение человеку и пользу обществу. Эти принципы не были плодом фантазии, оторванной от реальности; они отражали результат платоновской рефлексии по поводу природы человеческой души и социального аспекта теории этики.

В эпоху Ренессанса, возрождающего образцы античной культуры на новом уровне, появляется плеяда мыслителей, творчество которых трактуется однозначно как разработка утопий. Собственно первый из них по хронологии событий и является автором самого термина «утопия». Это был Т. Мор (1478-1535), придумавший латинское название своего трактата – “Utopia” как транслитерацию древнегреческого слова, составленного из οὐ («не, нет») + τόπος («место»); т.е. буквально «не место, место, которого нет». Его примеру последовал Т. Кампанелла (1568-1639) – автор не менее знаменитого трактата «Город Солнца». Мор предлагал ликвидировать частные владения, уравновесить потребление и производство, что сделало бы жизнь людей более простой и счастливой, поскольку труд перестал бы быть изнурительным. Т. Кампанелла в свою очередь повествует о городе, где все равны между собой, не имеют частной собственности и поэтому у них нет оснований совершать преступления. Наоборот, они преследуют все возможные пороки и искореняют их. К утопистам Ренессанса относится и Т. Мюнцер (1490-1525) – радикальный проповедник периода Реформации, который не только призывал к практическому утверждению равенства и братства и заявлял властям, что Бог призвал его к истреблению тиранов, но и, став во время крестьянской войны в Германии главой новой власти в Мюльхаузене, провёл там ряд демократических преобразований, отбирая, в частности, монастырские владения и дворян-

ские замки. Важно подчеркнуть, что он призывал всех угнетенных к объединению для общей борьбы. Таким образом, пример жизнотворчества Мюнцера демонстрирует относительность и подвижность границы между тем, что трактуется как утопия, и практическим ее воплощением, даже если такая попытка не венчается безусловным успехом.

Еще более ярко эта подвижность границы проявляет себя в новой волне творчества утопистов-социалистов периода становления индустриальной социальной практики. Это А. Сен-Симон (1760-1825), Ш. Фурье (1772-1837) и Р. Оуэн (1771-1858). Обосновывая принцип социального равенства как требующий своего воплощения, каждый из них разработал свои аспекты понимания социально справедливого устройства общества. Общая идея этих деятелей культуры возвращает нас на качественно новом уровне к платоновской концепции: труд, понимаемый полноценно (физический и умственный), – это право и обязанность всех членов общества, а главное – он не должен быть в тягость, т.е. в идеале – это источник наслаждения. При этом А. Сен-Симон, точно определивший «лицо» грядущей эпохи как век ученых и промышленников и выступивший основоположником позитивизма в союзе со своим учеником О. Контом, уже именуется свои построения как «физико-политический проект». Ш. Фурье исходил в своей разработке будущего социалистического общества из критики капитализма, что не совсем согласуется с понятием утопии. Р. Оуэн как ответственный предприниматель уже на практике стремился реализовывать свои идеи: основоположение фабричного законодательства, ограничение детского труда, обязательное школьное образование, борьба с безработицей и организация первых яслей-сада, создание кооперативов и профсоюзов. И хотя среди современников он считался утопистом, но именно ему принадлежат проекты, опережающие свое время.

Такой переходный характер творчества утопистов-социалистов начала индустриальной эпохи был обусловлен вызреванием исторической потребности в принципиальной мировоззренческой трансформации, заключающейся в необходимости перехода от механистически созерцательного типа мировоззрения к органически деятельностному. Это означало, что по мере развития индустриализации человек призван в возрастающей степени осознавать степень своей ответственности за сохранение всех форм жизни. Как подчеркивал в этой связи в начале XX в. Н.А. Бердяев в своей работе «Человек и машина»: так называемый «машинизм» несет угрозу всему живому. Выше уже было отмечено, что именно парадигма релятивизма, пришедшая на смену механицизму, акцентирует ответственность человека за все последствия его деятельности, так как точкой отсчета во всех соотносительных координатах выступает сам действующий субъект.

Наиболее адекватной формой разработки и освоения органически деятельностного типа мировоззрения стала разработка русскими космистами философско-антропологического проекта по разрешению апокалипсической альтернативы между самоуничтожением или самовозрождением человечества на уровне нравственной свободы. Первым и основным автором этого проекта является общепризнанный основоположник философии русского космизма – Николай Федорович Федоров (1829-1903). При этом трудно сказать, насколько сам Н.Ф. Федоров осознавал себя в этой роли основателя русского космизма, но основоположником проективной философии он выступал в полной мере осознанно. В этой связи он, как и К. Маркс, критикует всю предшествующую философию за ее созерцательность. Но в отличие от Маркса отечественный мыслитель рефлексировал саму проективность как атрибутивное свойство человеческой деятельности, обосновывая, что идеал, выступающий ориентиром построения любой утопии, должен стать не идеалом только, но проектом.

Проективность как сущностная характеристика нашей активности выводится Федоровым из онтологического принципа тождественности функционирования микрокосма (мира отдельного человека) и макрокосма (мира Вселенной). Этот принцип был заложен с детски гениальной непосредственностью в античности и возрожден на качественно новом уровне в философии русского космизма. В этом контексте потенциальная возможность человека как имманентного агента этого мира проективно воплощать свои идеалы актуализируется по мере глобализации человеческой деятельности. Этому способствуют такие атрибуты Homo Sapiens, как разум, воля, способность абстрагироваться по отношению к наличной реальности, творческое воображение, свобода выбора. Все это обеспечивает опережающее моделирование в координатах субъективного и объективного факторов.

Федоров критически снимает кантовский переворот, предваряющий промышленную революцию. Критикуя учение И. Канта за аналитическую созерцательность, отечественный мыслитель при этом углубляет кантовскую концепцию соотношения субъективного и объективного, обосновывая, что противоречие между этими координатами снимается проективной активностью человека. Таким образом Н.Ф. Федоров совершает очередной проект в философской культуре мышления. Рефлексия человеческой деятельности в координатах субъективного и объективного позволяет наиболее зрело ставить проблему свободы. Предельными ограничителями нашей свободы выступают пространственно-временные координаты жизнедеятельности. Философско-антропологический проект русского космизма нацелен на преодоление этих ограничений, включая фатум смерти. Федоров проектирует естественность освоения «сынами человеческими»

просторов Вселенной и закономерную предзаданность пионерской реализации этой миссии «богатырским русским характером», порожденным просторами русской земли.

Для успешной разработки и реализации любого проекта определяющую роль играют мировоззренческие принципы, которые составляют фундамент данного проекта и формируют теоретико-методологическую направленность его стратегии. Исходным принципом философско-антропологического проекта русского космизма является принцип всеобщности жизни, в котором возрождается античная идея всеобщей одушевленности космоса и коренится ответственность человека за все формы жизни. Конкретно-научным подтверждением этой идеи явилось открытие электрона в 1897 г. Н.Ф. Федоров первым прозорливо отреагировал на это открытие в том ключе, что теперь человечество сможет из мельчайшего грамма вещества извлекать колоссальную энергию, с помощью которой оно станет путешествовать как одна семья по просторам Вселенной, используя Землю как космический корабль. Исходный принцип всеобщности жизни разворачивается в проективную систематику принципов, имеющих основополагающее значение для успешной реализации продуктивных проектов: это принципы органической целостности, деятельностного подхода к единому природно-социальному организму, естественности, гармонии и антиномичности бытия и мышления.

Проективность мышления детерминирует ситуационный подход к проблемам, возникающим по мере глобализации человеческой деятельности. Исследование ситуативности проективной деятельности невозможно без психологического аспекта, что по-своему подчеркивается Н.Ф. Федоровым, который обосновывал невозможность отделять теологию и космологию от психологии. Психология XX в. откликнулась на актуальный запрос своего времени, разработав теорию «первичной установки» и «целостной установки личности», что явилось достижением отечественной (советской) школы Д.Н. Узнадзе. Первичная установка, которая проявляется как контрастная иллюзия в процессе активной деятельности мозга человека, в сущности своей есть опережающее моделирование, которое будит энергию инициативы субъекта и строится на «трех китах»: наличные потребности, среда жизнедеятельности и прошлый опыт индивида. При этом теория первичной установки строится посредством диалектики субъективного и объективного факторов, что свидетельствует о ее концептуальном единстве с учением Н.Ф. Федорова. Диалектичность соотношения этих факторов состоит в том, что первичная установка, в отличие от аналогичного феномена психической активности животного, реализуется в процессе объективации, который обусловлен социальной сущностью человека и «запускает» понятийное мышление. Установка, будучи

предстоящей активностью, детерминирует проективный характер человеческой деятельности, и в теории первичной установки обосновывается атрибутивность этого характера, т.е. конкретно-научно закрепляется концептуальное открытие Н.Ф. Федорова. Раскрытие сущностного содержания проективной активности человека можно резюмировать следующим определением категории «проект»: это целесообразная организация жизнедеятельности социального субъекта, заключающаяся в стремлении к ответственному ситуативному разрешению возникающих проблем и задач посредством конструирования новой реальности на основе диалектики субъективного и объективного факторов.

Философский проект имеет свою специфику, обусловленную его мировоззренческим содержанием, поэтому он нацелен на наиболее фундаментальные основы человеческой жизнедеятельности, в силу чего обществу в его повседневном эмпирическом функционировании такой проект представляется малополезным или даже иллюзорным. Но дух не просто склонен, а призван объективироваться, и настолько ли он при этом оказывается бессильным или обладающим ничтожной энергией по сравнению с материей? Философская рефлексивность и конкретно-научное познание раскрыли, что наибольшую роль во Вселенной играет то, что менее осязаемо. И сегодня, когда культура носит тотально технологический и проективный характер, когда понятие «социальные технологии» стало устойчиво операциональным, философия, несмотря на всю свою умозрительность, все более очевидно проявляет свою активно преобразовательную функцию. Философский проект, адекватный жизненно значимым проблемам соответствующей исторической ситуации, закладывает основание такой проективной деятельности во всех сферах культуры, которая сохраняет меру человеческого в человеке.

Проективность русского космизма как философского направления реализуется в следующих основных вариантах проективной направленности деятельности социального субъекта в условиях глобализации. Н.Ф. Федоров разработал проект регуляции природы на основе разумной братской трудовой деятельности сынов человеческих по воскрешению всех поколений как победы жизни над смертью. В.С. Соловьев представил проект воплощения Всеединства и Богочеловечества в социальной истории. У С.Н. Булгакова раскрыт проект космизации хозяйственной деятельности как осуществление Божьего завета об очеловечивании природы и обожении человека. В.И. Вернадский концептуализировал проект управления процессом трансформации биосферы в ноосферу.

Сформированные космистами варианты – это единый проект космизации трудовой и в целом культурной деятельности социального субъекта,

который нацелен на созидательно творческое разрешение апокалипсической альтернативы, стоящей перед современным человечеством. В противоположность позитивистской установке на чисто технологическую рациональность проективный характер русского космизма развивается в контексте синергии методологической оптимальности и мировоззренческого смысла. Проективность мышления и действия не может быть нравственно нейтральной, и чем технологически изобретательней становится активность социального субъекта, тем актуальнее ее нравственное содержание, поэтому разработанный русским космизмом проект обращения слепой силы природы в разумную призван в единстве теории и практики доказать, «что жизнь – дар не случайный и не напрасный» (Н.Ф. Федоров).

Итак, феномен «проекта», отрефлексированный в русском космизме на рубеже XIX-XX вв., сегодня стал наиболее популярной формой организации любого вида деятельности, поэтому аналитика проекта предусматривает исследование основных структурных элементов процесса деятельности, при отсутствии осознания которых эффективность реализации проекта существенно снижается. Дадим рабочие дефиниции этим элементам:

- *субъект* – активное самодеятельное начало;
- *объект* – то, на что направлена активность субъекта;
- *предмет* – аспект функционирования объекта, значимый для субъекта;
- *цель* – содержание мотива, заключающееся в предварительном идеальном представлении человека о конечном результате его деятельности, энергия этого мотива непосредственно направлена на объект и предмет деятельности;
- *потребность* – в традиционном сложившемся понимании это нужда в чем-то или недостаток чего-либо, необходимого для поддержания жизнедеятельности организма, человеческой личности, общества в целом;
- *интерес* – (от лат. иметь значение) осознанная потребность, определяющая социальное поведение человека. Наличие данного элемента в мотивации деятельности человека принципиально отличает ее от активности животного. Одна и та же потребность может быть по-разному осознана в интересе в широком диапазоне: от наиболее адекватного (например, осознание потребности в национальном самоопределении как необходимости созидательного взаимодействия с иными национальными культурами) до наиболее извращенного (например, осознание той же потребности в крайне агрессивных формах национализма, что, как правило, оборачивается геноцидом против собственного народа) варианта, что зависит от системы ценностей и идеалов, которыми руководствуется социальный субъект;

- *ценность* – значимость некоего элемента в структуре бытия для конкретного субъекта;
- *идеал* – общезначимая, высшая, абсолютная ценность;
- *условия деятельности* – элементы среды, окружающей субъекта;
- *средства деятельности* – наличные условия, актуализированные в результате выбора субъекта и вовлеченные в процесс его жизнедеятельности;
- *результат* – итог относительно завершенного цикла деятельности, который в соотнесенности его с изначально поставленной целью обуславливает принцип обратной связи в информационно направленной активности субъекта.

Публикуемые тексты приводятся по изданиям:

Сен-Симон А. Избранные сочинения: в 2 т. Т. 1. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948.

Узнадзе Д.Н. Психология установки. – СПб.: Питер, 2001.

Утопия / Томас Мор. Город Солнца / Томмазо Кампанелла. – М.: Алгоритм, 2014.

Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1-2. – М.: Прогресс, 1995.

Из работы Томмазо Кампанеллы «Город Солнца»

Верховный правитель у них – священник, именующийся на их языке «Солнце», на нашем же мы называли бы его Метафизиком. Он является главою всех и в светском и в духовном, и по всем вопросам и спорам он выносит окончательное решение. При нем состоят три соправителя: Пон, Син и Мор, или по-нашему: Мощь, Мудрость и Любовь.

В ведении Мощи находится все касающееся войны и мира: военное искусство, верховное командование на войне; но и в этом он не стоит выше Солнца. Он управляет военными должностями, солдатами, ведает снабжением, укреплениями, осадами, военными машинами, мастерскими и мастерами, их обслуживающими.

Ведению Мудрости подлежат свободные искусства, ремесла и всевозможные науки, а также соответственные должностные лица и ученые, равно как и учебные заведения. Число подчиненных ему должностных лиц соответствует числу наук: имеется Астролог, также и Космограф, Геометр, Историограф, Поэт, Логик, Ритор, Грамматик, Медик, Физик, Политик, Моралист. И есть у них всего одна книга, под названием «Мудрость», где удивительно сжато и доступно изложены все науки. Ее читают народу согласно обряду пифагорейцев.

По повелению Мудрости во всем городе стены, внутренние и внешние, нижние и верхние, расписаны превосходнейшею живописью, в удивительно стройной последовательности отображающей все науки. На внешних стенах храма и на завесах, ниспадающих, когда священник произносит слово, дабы не терялся его голос, минуя слушателей, изображены все звезды, с обозначением при каждой из них в трех стихах ее сил и движений.

<...> Ведению Любви подлежит, во-первых, деторождение и наблюдение за тем, чтобы сочетание мужчин и женщин давало наилучшее потомство. И они издеваются над тем, что мы, заботясь усердно об улучшении пород собак и лошадей, пренебрегаем в то же время породой человеческой. В ведении того же правителя находится воспитание новорожденных, врачевание, изготовление лекарств, посевы, жатва и сбор плодов, земледелие, скотоводство, стол и вообще все, относящееся к пище, одежде и половым сношениям. В его распоряжении находится ряд наставников и наставниц, приставленных следить за всеми этими делами. Метафизик же наблюдает за всем этим при посредстве упомянутых трех правителей, и ничто не совершается без его ведома. Все дела их республики обсуждаются этими четырьмя лицами, и к мнению Метафизика присоединяются во взаимном согласии все остальные. <...>

Народ этот появился из Индии, бежавши оттуда после поражения Монголами и насильниками разорившими их родную страну, и решил вести философский образ жизни общиной. И хотя общность жен и не установлена среди остального населения, живущего в их области, у них самих она принята на том основании, что у них все общее. Распределение всего находится в руках должностных лиц; но так как знания, почести и наслаждения являются общим достоянием, то никто не может ничего себе присвоить.

Они утверждают, что собственность образуется у нас и поддерживается тем, что мы имеем каждый свое отдельное жилище и собственных жен и детей. Отсюда возникает себялюбие, ибо ведь, чтобы добиться для своего сына богатства и почетного положения и оставить его наследником крупного состояния, каждый из нас или начинает грабить государство, ежели он ничего не боится, будучи богат и знатен, или же становится скрягою, предателем и лицемером, когда недостает ему могущества, состояния и знатности. Но когда мы отрешимся от себялюбия, у нас остается только любовь к общине. <...>

Они ясно сознают, что в мире царит великая испорченность, что люди не руководствуются истинными высшими целями, что достойные терпят мучения, что им не внимают, а что господствуют негодяи, хотя их благополучную жизнь они называют несчастьем, ибо она есть как бы

ничтожное и показное бытие, так как ведь на самом деле не существует ни царей, ни мудрецов, ни подвижников, ни святых, раз они поистине не таковы. Из этого они заключают, что в делах человеческих из-за какого-то случая возникло великое смятение. Сначала они как будто были склонны считать вместе с Платоном, что небесные сферы в прежние времена вращались с нынешнего запада туда, где, мы теперь считаем, находится восток, а впоследствии стали двигаться в обратном направлении. Считали они возможным и то, что делами низшего мира управляет некое низшее божество по попущению первого божества, но теперь полагают, что это мнение нелепо. Но еще нелепее считать, что сначала хорошо правил миром Сатурн, затем уже хуже Юпитер, а затем – последовательно остальные планеты, хотя они и признают, что мировые эпохи распределяются по планетам. Уверены они и в том, что из-за перемещения абсид через каждые тысячу или тысячу шестьсот лет во всем происходят значительные изменения.

Наш век, очевидно, надо считать веком Меркурия, хотя он и перебивается великими соединениями, и роковое действие оказывают возвращения аномалий. В конце концов они признают, что счастлив христианин, довольствующийся верою в то, что столь великое смятение произошло из-за грехопадения Адама. Они полагают также, что от отцов на детей переходит скорее зло возмездия за вину, чем сама вина. Но от сыновей вина переходит обратно на их отцов, поскольку те с небрежением относились к деторождению и совершали его не в надлежащее время и не в надлежащем месте, пренебрегали подбором и воспитанием родителей и дурно обучали и наставляли детей. Поэтому сами они тщательно следят за деторождением и воспитанием, говоря, что наказание и вина как сыновей, так и родителей затопляет государство. Из-за этого в теперешние времена все города погрязли в бедствиях и, что еще хуже, ныне называют миром и благоденствием самые эти бедствия, пребывая в неведении истинных благ, а мир представляется управляемым случаем. На самом же деле тот, кто созерцает устройство мира и изучает анатомию человека (которую сами они часто изучают на приговоренных к смерти), растений и животных, как и применение отдельных их частей и частиц, неизбежно принужден будет признать во всеуслышание мудрость и провидение Бога. Итак, человек должен быть всецело предан религии и всегда почитать своего творца. Но это невозможно исполнить подобающим образом и без затруднений никому, кроме того, кто исследует и постигает творения Бога, соблюдает его заповеди и, будучи правильно умудрен в своих действиях, помнит: Чего не хочешь самому себе, не делай этого другому, и что вы хотите, чтобы делали люди вам, делайте и вы им. Откуда следует, что как мы от сыновей и от людей, к которым сами

не щедры, требуем уважения и добра, так мы сами гораздо больше должны Богу, от которого все получаем, которому обязаны всем нашим существованием и всюду пребываем в нем. Ему же слава вовеки. <...>

Поистине, раз они, знающие только закон природы, настолько близки к христианству, которое не добавляет сверх природных законов ничего, кроме таинств, способствующих их соблюдению, то для меня это служит весьма веским доказательством в пользу христианской религии, как самой истинной из всех и той, которая, по устранении злоупотреблений, будет господствовать на всем земном круге, как учат и уповают славнейшие богословы, которые утверждают, что потому и открыт Новый Свет Испанцами (хотя первым открывшим его был доблестнейший наш Генуэзец – Колумб), чтобы все народности объединились в едином законе. Итак, эти твои философы будут свидетелями истины, избранными Богом. Вижу я отсюда, что мы сами не ведаем, что творим, но служим орудиями Бога: люди ищут новые страны в погоне за золотом и богатством, а Бог преследует высшую цель; Солнце стремится спалить Землю, а вовсе не производить растения, людей и т.д., но Бог использует самую битву борющихся к их процветанию. Ему хвала и слава.

Контрольный вопрос

1. Какие детали организации жизни в городе Солнца кажутся вам привлекательными?

Из работы Анри де Сен-Симона «Письма женеважского обитателя к современникам»

Я уже не молод. Всю жизнь я очень деятельно наблюдал и размышлял, и целью моих трудов было ваше счастье; я создал план, который, мне кажется, может быть вам полезен. <...>

Какое прекрасное занятие – труд на благо человечества! Какая величественная цель! Разве человек имеет лучшее средство приблизиться к божеству? И в этом направлении он в себе самом находит наилучшее вознаграждение за перенесенные труды. <...>

Со своим проектом я обратился непосредственно к человечеству, так как оно в целом должно интересоваться им, но я вовсе не предавался безумной надежде, что оно сразу займется его осуществлением; я всегда думал, что успех зависит от более или менее энергичных действий, на которые решаться в этом случае люди, пользующиеся наибольшим влиянием на человечество. Лучшим средством привлечь их на свою сторону будет возможно полное разъяснение этого вопроса; вот цель, какую я себе ставлю, обращаясь к различным группам человечества, разделяемого

мною на три класса: первый – это тот, к которому имеем честь принадлежать мы с вами; он шествует под знаменем прогресса человеческого духа и состоит из ученых, художников и всех людей, разделяющих либеральные идеи. На знамени второго написано: никаких нововведений! К этому классу принадлежат все собственники, которые не входят в первый. Третий, объединяемый идеей равенства, включает в себе остальное человечество. <...>

Господа! Приняв мой проект, вы сведете кризисы, которые эти народы должны испытать на себе и которых не может предотвратить никакая сила в мире, к простым переменам в их правительствах и финансах и избавите их от испытанного французским народом всеобщего брожения. <...>

Я думаю, что всем классам общества будет хорошо при таком устройстве: духовная власть в руках ученых, светская – в руках собственников; власть же выбирать людей для выполнения обязанностей великих вождей человечества – в руках всего народа; заработная плата правителям – уважение. <...>

Знай, что я посадил Ньютона рядом с собой и что я поручил ему направлять просвещение и повелевать жителями всех планет. <...>

Все люди будут работать; они все будут смотреть на себя, как на работников, прикрепленных к мастерской, работы которой имеют целью приблизить человеческий ум к моему божественному провидению. Главный совет Ньютона будет управлять всеми работами; он приложит все усилия к тому, чтобы хорошо уяснить следствия закона всемирного тяготения: это единственный закон, которому я подчинил вселенную. <...>

Так говорил со мной Бог. <...> Смотрите, как ясны заповеди в открытой мне религии, смотрите, как обеспечено их исполнение. На каждого возложена обязанность постоянно направлять свои силы на пользу человечеству. Руки бедняка будут по-прежнему кормить богатого, но богач получает повеление работать головой, а если его мозг не способен к работе, то он обязан будет работать руками, ибо Ньютон, конечно, не оставит на этой планете, одной из ближайшей к солнцу, работников, которые по своей прихоти отказываются приносить пользу мастерской.

Служители религии не будут людьми, которым принадлежит исключительное право избрания вождей человечества; все верующие будут сами выбирать своих вождей, а качества, по которым будут узнаваться люди, призванные богом представлять их, будут уже не ничтожные добродетели, как целомудрие и воздержание, – это будут таланты, это будет высшая степень таланта.

Из работы Анри Сен-Симона «Очерк науки о человеке»

<...> Все, что было в прошлом, и все, что произойдет в будущем, образует один ряд, первые члены которого составляют прошлое, а последние – будущее. Таким образом, изучение пути, пройденного человеческим разумом до настоящего дня, укажет нам, какие полезные шаги остается сделать разуму на путях науки и счастья. <...>

Будущее складывается из последних членов ряда, в котором первые члены составляют прошлое: таким образом, изучение развития человеческого разума в прошлом откроет нам путь, по которому он пойдет в будущем. <...>

Наилучшее применение, которое мы могли бы дать в настоящее время своим умственным силам, это: 1) сообщить науке о человеке позитивный характер, основывая ее на наблюдениях и разрабатывая методом, употребляемым в других отраслях физики; 2) ввести науку о человеке (построенную таким образом на физиологических знаниях) в народное образование и сделать ее главным предметом преподавания.

Из работы Анри Сен-Симона «Письма американцу»

<...> Вот каков ход вещей, вот куда мы идем – старые учреждения, не имеющие уже сил поддерживать то, что они воздвигли, навсегда придут в упадок и исчезнут. <...>

Правительства не будут уже больше управлять людьми, их обязанность ограничиться лишь устранением всего того, что мешает полезным работам. Они будут иметь в своем распоряжении мало власти и мало денег, так как немного власти и немного денег достаточно для того, чтобы достигнуть цели. Средства, необходимые для работ большей или меньшей полезности, будут доставляться добровольными подписчиками, и подписчики сами будут следить за тем, как этими средствами будут распоряжаться. <...>

Народу мало любить свободу, чтобы быть свободным, – ему прежде всего необходимо познание свободы.

Наука о свободе, как и все другие науки, располагает своими данными и своими обобщениями, но эта наука не признана, о ней догадываются лишь немногие, и до тех пор, пока она не станет общим достоянием, свобода будет получать силу и положение только извне, у нее не будет своей собственной жизни, она будет равна почти нулю.

Нас погубило отсутствие общих идей, и мы действительно возродимся только при помощи общих идей.

**Из работы Анри Сен-Симона
«О теории общественной организации»**

<...> В новом политическом строе единственной и постоянной целью общественной организации должно быть возможно лучшее применение для удовлетворения потребностей человека знаний, добытых науками, искусствами и ремеслами, распространение этих знаний, их совершенствование и возможно большее накопление, словом, возможно более полезное сочетание всех отдельных работ в области наук, искусств и ремесел. <...>

В обществе, организованном с определенной целью – стремиться к процветанию при помощи наук, искусств и ремесел, наиболее важный политический акт, состоящий в определении направления, в котором общество должно идти, не совершается больше людьми, занимающими общественные должности, – он совершается самим общественным организмом. <...> Дело управления тогда сводится к нулю или почти к нулю, поскольку оно заключается в повелевании. Все вопросы, которые должны решаться при такой политической системе, а именно: какими мероприятиями общество может увеличить свое благосостояние при помощи современных знаний в области наук, искусств и ремесел, какие меры нужно применять для распространения этих знаний и для возможно большего их развития, какими, наконец, средствами эти различные задачи могут быть осуществлены с наименьшими расходами и в кратчайшее время, – все эти вопросы <...> безусловно положительного характера и доступны обсуждению; решение их возможно лишь на основе научных доводов, совершенно независящих от человеческого произвола и доступных обсуждению всеми, кто владеет в достаточной мере образованием. Все общественные обязанности будут неизбежно возложены на людей, наиболее способных выполнить их согласно общей цели ассоциации.

При таком порядке вещей исчезнут все три основных порока современной политической системы: произвол, неспособность и интрига.

Контрольные вопросы

1. Какое у вас сложилось представление о целостном содержании физико-политического проекта Сен-Симона из приведенных фрагментов?
2. Какую роль в своем проекте Сен-Симон отводит труду?

**Из I тома «Философии Общего дела»
Николая Федоровича Федорова**

<...> Вопрос же о смерти и жизни есть вопрос о едином призвании, объединяющем богатых и бедных в общем деле возвращения жизни, которая, как приобретенная трудом, будет неотъемлема, бессмертна.

<...> Если не будет естественного, реального перехода в иные миры, будут... экстатические хождения, будут упиваться наркотиками; да и самое обыкновенное пьянство в большинстве случаев можно, по видимому, отнести к тому же недостатку более широкой, чистой, всепоглощающей деятельности <...>

<...> Обращение мира несвободного, где все определяется физической необходимостью, причинностью, в мир сознательный, свободный, который теперь мы можем представить себе лишь мысленно, должны же осуществить его действительно, потому что это не идеал только, а проект; в таком осуществлении и состоит добродетель, которой необходимо принадлежит свобода и бессмертие. <...>

<...> Жизнь деятельная должна взять перевес над созерцательною. Созерцания... должны заменяться проектами <...>

<...> Пока единство человечества не имеет выражения в действии, пока человечество не сделает предметом своей деятельности всеобщего воскрешения, пока не признает его долгом, до тех пор деятельность человечества будет проявляться во взаимном истреблении, потому что ей нет <...> другого поприща, достаточно обширного, и до тех пор люди будут нуждаться в уголовном суде, этом <...> подобии <...> страшного суда <...> если человечество не достигнет совершеннолетия, то люди, как несовершеннолетние <...> будут строго наказаны.

<...> Без действия <...> свобода, оставаясь знанием только, будет фикцией. <...>

Тот материал, из коего образовались богатырство, аскеты, прокладывавшие пути в северных лесах, казачество, беглые и т.п. – это те силы, которые <...> воспитанные широкими просторами суши и океана, потребуют себе необходимого выхода, иначе неизбежны перевороты и всякого рода нестроения, потрясения. Ширь Русской земли способствует образованию подобных характеров; наш простор служит переходом к простору небесного пространства, этого нового поприща для великого подвига. <...>

Свободными делаются, а не рождаются <...> Когда все изменения в мире будут определяться разумною волею, когда все условия, от коих зависит человек, сделаются его орудиями, органами, тогда он будет свободен, т.е. проект воскрешения есть и проект освобождения. Идея вообще не субъективна, но и не объективна, она проективна.

<...> Нравственность не только не ограничивается личностями, обществом, а должна распространиться на всю природу. Задача человека – морализировать все естественное, обратить слепую, невольную силу природы в орудие свободы. Смерть есть торжество силы слепой, не нравственной, всеобщее же воскрешение будет победою нравственно-

сти, будет последнею высшею степенью, до которой может дойти нравственность <...> Также и область ответственности расширяется и ограничивается только пределами зла, и притом не одного общественного, но и естественного.

<...> Никакими общественными перестройками судьбу человека улучшить нельзя: зло лежит гораздо глубже <...> в самой природе, в ее бессознательности, зло в самом рождении и связанной с ним неразрывности смерти <...>.

<...> В организме с его чувствующими и двигательными нервами, связанными в мозговом узлу, дан образец для управления всею вселенною <...> если не через человеческий род вселенная достигнет полного самосознания и самоуправления, или подобия Богу-Творцу, то не потому, чтобы мы были мало одарены, а скорее наоборот; ибо более одаренные имеют менее побуждений к труду самоустроения, самосозидания, а только этот труд ведет к самосознанию, к самоусовершенствованию, или к совершеннолетию, которое состоит в способности вести самостоятельную жизнь.

<...> Жить надо не для себя (эгоизм) и не для других (альтруизм), а со всеми и для всех.

<...> Истинная нравственность не должна считать зло неистребимым, а благо недоступным.

Из II тома «Философии Общего дела» Николая Федоровича Федорова

<...> Мы переживаем критическое, роковое время: нам надо решать вопрос о свободе! Конечная цель жизни существ разумных в том, чтобы сделаться начальною причиною самих себя и этим уподобиться первоначальной причине, Божественной первопричине.

<...> «Критика» не замечает, что общее свойство всех категорий знания есть смертность, а общее свойство всех категорий действия – бессмертие (или путь к нему). Вот почему разум получает значение не субъективное и не объективное, а проективное; и в этой своей проективной способности объединяются теоретический разум и практический.

<...> За трансцендентальною аналитикою должна следовать не одна трансцендентальная диалектика (как отрицание разрушенной метафизики с ее умозрениями о Боге, природе и духе, т.е. теология, космология и психология), а с безусловною необходимостью должна следовать имманентная синтетика или проектика, всеобщая и необходимая. Она не должна отделять психологию от теологии, т.е. не должна отделять человека от Бога, а должна делать человека орудием воли Божией. Не должна она отделять психологии и от космологии, т.е. делать космоло-

гию бездушной, а психологию – бессильной. При соединении психологии с теологией душа, или человек, не будет безбожной, а Бог – бесчеловечным (как античный Кронос или бог-субстанция Спинозы). Имманентная синтетика или проектика и есть практический разум неотделенный, слившийся воедино с теоретическим во всей его полноте. Это равнозначно слиянию воли с разумом.

Контрольные вопросы

1. В чем смысл философско-антропологического проекта русского космизма?
2. Как трактуется свобода в контексте этого проекта?
3. В чем заключается сущность проекта по мысли Н.Ф. Федорова?

Из работы Дмитрия Николаевича Узнадзе «Психология установки»

<...> Предшествующей сознанию ступенью развития психики является установка <...>.

<...> Во-первых, это не частичное содержание сознания, не изолированное психическое содержание, которое противопоставляется другим содержаниям сознания и вступает с ними во взаимоотношения, а некоторое целостное состояние субъекта; во-вторых, это не просто какое-нибудь из содержаний его психической жизни, а момент ее динамической определенности. И наконец, это не какое-нибудь определенное, частичное содержание сознания субъекта, а целостная направленность его в определенную сторону на определенную активность. Словом, это скорее установка субъекта как целого, чем какое-нибудь из его отдельных переживаний, – его основная, его изначальная реакция на воздействие ситуации, в которой ему приходится ставить и разрешать задачи. <...>

Посмотрим теперь, какой вид принимает проблема языка и речи в свете теории установки. Если в основе слова ... действительно лежит установка, то с самого же начала становится понятным, что слово имеет двойную природу, что оно является и субъективным и объективным, что, в частности, для обозначения одного и того же содержания можно употреблять несколько различных слов, однако под каждым из них всегда подразумевать один и тот же предмет.

Дело в том, что в структуре установки отражены два фактора – потребность субъекта, благодаря импульсу которой устанавливается связь с действительностью (субъективный фактор), и сама эта действительность, которая находит в установке (объективный фактор): установка, с одной стороны, носит признак субъекта, но, с другой стороны, отражает и объективную реальность. <...>

<...> В состав языка из речи входит только то, что имеет способность адекватного отражения объективного положения вещей. Это означает, что в структуре языка – в его материале и формах слова – всюду отражена установка, лежащая в его основе. Из этого ясно, что исследование языка ни в коем случае не было бы полным, если бы оно оставило без внимания это обстоятельство.

Контрольные вопросы

1. Что такое первичная установка?
2. Какой фундаментальный принцип заложен в понимании природы установки?
3. Диалектика каких факторов составляет сущность установки и динамики языка?

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антология медиафилософии / ред.-сост. В.В. Савчук. – СПб.: Изд-во РХГА, 2013. – 339 с.
2. Барышников П.Н. Философия языка: исторические перспективы: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2023. – 409 с.
3. Иконникова Г.И., Ляшенко В.П. Философия права: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2023. – 359 с.
4. Канке В.А. Философия экономической науки: учебник для вузов. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 384 с.
5. Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. – СПб.: Норма, 2020. – 848 с.
6. Проективный философский словарь: Новые термины и понятия / под ред. Г.Л. Тульчинского, М.Н. Эпштейна. – М.: Алетейя, 2003. – 512 с.
7. Семенов Ю.И. Философия истории. Общая теория исторического процесса. – М.: Академический Проект: Трикта, 2013. – 615 с.
8. Сергейчик Е.М. Философия истории: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2023. – 407 с.
9. Тяпин И.Н. Философские проблемы экономики: учебное пособие. – М.: Флинта, 2020. – 239 с.
10. Философия истории: учеб. пособие / под ред. проф. А.С. Панарина. – М.: Гардарики, 1999. – 432 с.
11. Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. – М.: КомКнига, 2005. – 279 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Веричева Ксения Валерьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Гусева Елена Алексеевна – доктор философских наук, профессор кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Гучинская Ольга Федоровна – кандидат технических наук, специалист кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Ермилов Кирилл Андреевич – кандидат философских наук, доцент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Маслобоева Ольга Дмитриевна – кандидат философских наук, доцент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Панфилова Марина Игоревна – кандидат философских наук, доцент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Рябов Анатолий Аркадьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Тягунов Сергей Иванович – кандидат философских наук, доцент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Хомелев Геннадий Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Черных Андрей Александрович – ассистент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Учебное издание

ФИЛОСОФИЯ ДЛЯ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Учебное пособие

Под редакцией М.И. Панфиловой, С.И. Тягунова

*Редактор А.В. Алехина
Верстка Л.А. Солдатовой*

Подписано в печать 21.12.2023. Формат 60×84 1/16.
Усл. печ. л. 8,25. Тираж 130 экз. Заказ 1174.

Издательство СПбГЭУ. 191023, Санкт-Петербург,
наб. канала Грибоедова, д. 30-32, лит. А.

Отпечатано на полиграфической базе СПбГЭУ